В. К. МАГНИЦКИЙ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ И БЫТА ЧУВАШЕЙ

Печатается по постановлению Ученого Совета
Научно-исследовательского института языка, литературы,
истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
от 4 мая 1989 года

Редакционная коллегия:
В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, В. А. Прохорова,
П. П. Фокин (отв. редактор)
Рецензент — П. В. Денисов, доктор исторических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3
Иванов В. П., Абашева Д. В. Жизнь и деятельность В. К. Магницкого 5
Фокин П. П. Изучение В. К. Магницким общественного и семейного быта чувашей 29
Денисова Н. П. Вопросы религии в трудах В. К. Магницкого 46
Васильев А. В. Публицистическая деятельность В. К. Магницкого и его связь с чувашскими литераторами 58
Матвеев Г. Б. Материальная культура чувашей в трудах В. К. Магницкого 64
Абашева Д. В. В. К. Магницкий — собиратель русского фольклора 75
Михайлов Е. П. Роль В. К. Магницкого в изучении археологических памятников Чувашии 81
Магницкий В. К. Этнографический очерк преступлений и проступков во 2-м (следственном) участке Чебоксарского уезда . . . 86
Приложение. Список опубликованных работ В. К. Магницкого . 98

Василий Константинович Магницкий — исследователь культуры и быта чувашей

Сборник статей

Редакторы *П. П. Фокин* (отв. ред.), *Г. Б. Матвеев*
Технический редактор *В. А. Немцова*
Корректор *Г. И. Алимасова*

Сдано в набор 18.05.89. Подписано к печати 17.11.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. печ. л. 6,5. Учетно-изд. л. 7,3. Тираж 600 экз. Заказ № 1634. Цена 55 коп.
Научно-исследовательский институт, языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
428015, Чебоксары, Московский проспект, 29, корпус 1.
Типография № 1 Государственного комитета Чувашской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
428019, Чебоксары, проспект Ивана Яковлева, 15.

©Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, 1989 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте 1989 года общественность Чувашии широко отметила 150-летие со дня рождения Василия Константиновича Магницкого, видного исследователя культуры и быта народов Поволжья. На страницах республиканских газет и журналов были опубликованы статьи о жизни и деятельности ученого[1]. В селе Советском (бывш. Шуматово) Ядринского района, в котором прошли детские годы Магницкого, где он поселился после выхода в отставку и провел последние 7 лет жизни, НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и Ядринский райком КПСС провели конференцию, посвященную памяти ученого. В сельском Доме культуры собрались учителя, культпросветработники района, местные жители, учащиеся. С докладами и сообщениями, тезисы которых были изданы к конференции, выступили сотрудники Чувашского НИИ, ЧГПИ им. И. Я. Яковлева, местные краеведы[2].

Круг научных интересов В. К. Магницкого был широк. Он собирал материал по фольклору и диалектологии русских Поволжья, выявлял и публиковал документы по истории Волго-Камья, писал статьи о религии народов региона. В данном сборнике публикуются статьи об исследовании В. К. Магницким культуры и быта чувашей, что занимало ведущее место в его изысканиях. Статья В. П. Иванова и Д. В. Абашевой посвящена биографии, формированию Магницкого как ученого, его научной и общественной деятельности. В последующих работах раскрывается вклад ученого в разные области этнографии и культуры чувашского народа. П. П. Фокин рассматривает методику сбора и интерпретации материала об общественном и семейном быте, Н. П. Денисова — изучение религиозных воззрений, Г. Б. Матвеев — освещение материальной культуры. А. В. Васильев останавливается на связях В. К. Магницкого с чувашскими литераторами. Д. В. Абашева анализирует сборники произведений устного народного творчества русского населения Чувашии, составленные В. К. Магницким. О

вниманию, проявленном исследователем к археологическим памятникам, пишет Е. П. Михайлов.

В. К. Магницкий оставил богатое рукописное наследие. Фрагменты одной работы, представленной им в 1871 г. в Русское географическое общество, включены в данную книгу по списку, имеющемуся в Научном архиве ЧНИИ. Приводится также библиография опубликованных трудов В. К. Магницкого.

Литература

[1] *Иванов В. П.* «Чăваш тăванĕсемшĕн тăрăшса...» («Радея о родичах-чувашах...»).— Ялав, 1989, № 3, с. 18—19; *Абашева Д., Иванов В.* Верил в будущее «родичей-чувашей». 150 лет со дня рождения В. К. Магницкого.— Сов. Чувашия, 1989, 15 марта,

Газета «Коммунизм ялавĕ» в номере от 15 марта 1989 г. юбилею ученого посвятила целую полосу под названием «Ырă ячĕ — халăх асĕнче. В. К. Магницкий çуралнăранпа 150 çул çитрĕ» (Доброе имя — в памяти народа. Исполнилось 150 лет со дня рождения В. К. Магницкого). На ней напечатаны следующие статьи и заметки: *Прокопьев В.* Пысăк пуянлăх (Огромное богатство); *Фокин П.* Чăваш йăли-йĕркине тĕпчесе (Изучая чувашский быт); *Юмарт Г.* «Пултарулăх ăслайĕсем пур» (Способность творчества) с публикацией текстов четырех чувашских песен, записанных В. К. Магницким; *Васильев А.* Туслă çыхăну (Дружеские связи); *Матвеев Г.* Пурнăçа аталанура кăтартнă (Жизнь показывал в развитии); *Михайлов Е.* Хакне çухатман (Не потеряли своей ценности); *Александров А.* Ентешĕсем патĕнче (У земляков ученого).

[2] Василий Константинович Магницкий — исследователь культуры и быта чувашей. Тезисы докладов и сообщений к научно-практической сессии (16—17 марта 1989 г.). Чебоксары, 1989. 18 с.

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. К. МАГНИЦКОГО

В. П. ИВАНОВ, Д. В. АБАШЕВА

Василий Константинович Магницкий — один из видных этнографов, фольклористов и деятелей народного просвещения Среднего Поволжья второй половины XIX в. Прожил он в целом недолгую (всего 62 года), но насыщенную неустанным трудом и заботой о людях жизнь. По сей день не перестает вызывать восхищение многогранный характер его интересов.

Следует признать, что о жизни и деятельности Магницкого и его исследованиях не создано монографического труда. Публиковавшиеся в разное время юбилейные статьи содержали в основном биографические сведения и освещали какое-либо направление его научных интересов, чаще всего — вклад ученого в изучение этнографии чувашей. Между тем важные вопросы формирования мировоззрения Магницкого, его взглядов на окружающую социальную действительность оказались практически обойденными.

Первыми публикациями о В. К. Магницком были выступления Н. М. Кедрова, И. А. Износкова, Н. Я. Агафонова[1], близко знавших его, состоявших с ним в переписке. Научный анализ трудов в этих статьях отсутствует. Кедров основное внимание уделил «истинно христианским» добродетелям, Агафонов, наряду с жизнеописанием, дал список его трудов.

Интерес к работам Магницкого был проявлен уже в первые годы Советской власти, что было связано и с общей тенденцией критического освоения научного наследия прошлого. Н. В. Никольский в статье «Биография В. К. Магницкого», опубликованной в 1919 г., помимо уточнения биографических сведений, обратил внимание на мировоззрение и гражданскую позицию ученого[2]. В другой статье он попытался дать в конспективной форме оценку вкладу Магницкого в развитие этнографической науки[3].

Наиболее полным обобщением жизнедеятельности стала брошюра М. К. Корбута «Василий Константинович Магницкий и его труды». Эта небольшая книжка основана на достоверных фактах и сведениях, в том числе почерпнутых из эпистолярного наследия Магницкого. Корбут утверждал, что «ни одна из сторон его прошлой научной деятельности не может быть взята

под сомнение или же опорочена в наше время революционной проверки всего старого «инвентаря» и старого накопленного опыта»[4]. Очень ценно наличие в брошюре аннотированной библиографии более 200 публикаций. Список, по признанию М. К. Корбута, «тоже не может быть назван абсолютно полным»[5].

В 1930—1950 гг. каких-либо исследований о Магницком, кроме юбилейных газетных статей, не было. В конце 1950-х гг. опубликована научная заметка А. Ф. Башкировой о его педагогической деятельности, главным образом в должности инспектора народных училищ[6].

Впервые становление мировоззрения и особенности собирательской и исследовательской работы Магницкого в тесной связи с общественными событиями в тогдашней царской России и ведущими направлениями и школами в науке рассмотрены Н. Р. Романовым[7]. Справедливо его утверждение, что интерес Магницкого к изучению этнографии и фольклора чувашей «возник в атмосфере общего оживления научной мысли в Среднем Поволжье среди прогрессивных научных деятелей Казани и нарождающейся интеллигенции нерусских народов. ...Решающим фактором в формировании мировоззрения Магницкого явилась его учеба в Казанском университете»[8]. Н. Р. Романов дал пространный обзор некоторых работ ученого.

Научное наследие Магницкого изучалось Д. В. Абашевой. Основной упор она сделала на его труды по устному народному творчеству. Теме «В. К. Магницкий как фольклорист и этнограф» посвящена ее кандидатская диссертация[9].

С момента публикации первой статьи (1861 г.) и до конца жизни Магницкий, не покладая рук, трудился над изучением чувашского народа, собирал материалы, писал статьи, монографии, корреспонденции, издавал сборники. Им всего было написано более 230 различных работ, большинство из которых увидело свет в местных и центральных газетах, журналах и изданиях.

В. К. Магницкий родился 3/15 марта 1839 г. в чувашском селе Ядрино Ядринского уезда Казанской губернии (ныне Ядринского района Чувашской АССР) в семье священника села Шуматово (ныне с. Советское) того же уезда Константина Егоровича Магницкого. Мать — Аграфена Васильевна, была дочерью священника с. Ядрино В. С. Смеловского, однако грамотой не владела.

Судя по незаконченной автобиографии Магницкого, предки его тоже были священнослужителями. С Константином Егоровичем Магницким в переписке состоял выдающийся просветитель и педагог И. Я. Яковлев.

Грамоту Василий начал осваивать в 5—6-летнем возрасте. Магницкий в незаконченной автобиографии писал: «Азбуке, чистописанию, часослову, псалтырю, чтению и письму по латыни

К. Е. Магницкий — отец ученого.

в селе Ядрине учился под руководством отца и наблюдением неграмотной матери... Потом в селе Чурашеве у дьячка, имя и фамилию забыл, где в сельском приходском училище под руководством дяди — учителя Александра Васильевича Смеловского окончательно был подготовлен к поступлению прямо во 2-й класс Чебоксарского духовного училища»[10]. Отец, видимо, не захотел нарушать семейную традицию и отдал Василия в 1848 г. в Чебоксарское духовное училище, окончив которое он с 1854 г. по 1857 г. обучался в Казанской духовной семинарии Скорее всего, Константин Егорович затем разочаровался в духовном воспитании и остальных своих сыновей определил

уже в гимназию, что было в то время довольно смелым поступком для священника. «Рассказывают,— пишет М. К. Корбут,— что когда архиерей Антоний, посетив как-то Шуматово и увидя, что дети попа одеты в гимназическую форму, спросил у К. Е. Магницкого «почему у тебя дети не в духовном» — он получил от него дерзкий ответ, «не хочу, владыка, чтобы дети мои ходили нищими с мешком по миру, как хожу я»[11].

Уже в первые годы учебы в семинарии у В. К. Магницкого сложились твердые убеждения об огромной роли науки в жизни общества и человека. В одном из своих сочинений он написал: «Человек, который может быть полезным обществу, должен в основном заниматься науками, которые просвящают ум, образуют сердце и делают из человека грубого и необразованного человеком просвещенным и образованным»[12].

Конечно, в суровых условиях пребывания в духовной семинарии Магницкий был еще далек от наук, так как много времени отнимало заучивание церковно-схоластических дисциплин. В письме от 18 мая 1899 г. он так охарактеризовал семинарские порядки и наставников: «Желание Ваше знать мое мнение о событиях в Казанской духовной семинарии вызывали у меня самые скорбные воспоминания... и самые мрачные думы. Прежде всего мне живо напоминало Ваше письмо обрюзгшие от постоянного пьянства физиономии... семинарских преподавателей, их апатичное отношение к преподаванию и полнейшую отчужденность от учащихся... Лики властителей семинарии мне живо припоминаются в образе нелюдимых, грубых и в то же время трусливых и лакейской приниженностью перед высшим начальством темно-барских «медведей»[13].

Учеба в семинарии не удовлетворяла юного Магницкого, всей душой стремившегося попасть в передовую среду своего времени — в студенчество. В письмах к родителям в этот период он сообщал о своих планах, просил разрешения перейти в университет, высказывал соображения относительно выбора факультета, причем он колебался между историко-филологическим и юридическим: «В большое затруднение приводит меня выбор факультета»,— признавался он родителям в письме от 15 июля 1858 г. Наконец, предпочтение было отдано юридическому факультету, и осенью 1858 г., успешно выдержав экзамены, В. К. Магницкий стал студентом Казанского университета. Отец, хорошо знавший недостатки семинаристского образования и воспитания (сам окончил Казанскую духовную семинарию), приветствовал решение сына.

Как известно, годы учебы Магницкого в университете (1858—1862 гг.) были ознаменованы большими изменениями в социально-экономической и общественно-политической жизни всего российского общества. Революционная ситуация 1858—1861 гг., вызванная кризисом феодально-крепостнической системы, отразилась и в жизни студенческой молодежи. Как отме-

чал Д. Н. Корсаков, российские университеты «наравне со всем обществом оживились с 1855 года. ...Суровая дисциплина на военный лад, тяжелым гнетом лежавшая на студентах, стала понемногу смягчаться, и университетская учащаяся молодежь, охваченная свойственным юношеству порывом ко всему новому и свободному, весьма естественно поддалась прежде всего умственному оживлению того времени и стала стремительно обнаруживать свои долго дремавшие умственные и нравственные силы»[14].

С середины 50-х годов в Казанский университет стали проникать идеи революционных демократов. «Студенчество 1857 г. начинает вести борьбу не с инспекторами, экономами и т. п. мелюзгой и не из-за пуговиц, штанов, супа или свечей, а с правительством на почве общественно-политических вопросов»[15]. Именно в этот бурный период истории университета и началась студенческая жизнь Магницкого, который, естественно, не мог остаться в стороне от происходящих событий.

Большой общественно-политический резонанс имели в 1860—1861 гг. в Казанском университете лекции известного историка и публициста А. П. Щапова по курсу русской истории. Хотя и нет никаких документов, свидетельствующих о прямом влиянии А. П. Щапова на Магницкого, но оно, несомненно, имело место, так как ни один студент не оставался равнодушным к лекциям этого известного историка: «Когда он читал, все остальные професора прекращали свои лекции, клиника и анатомический театр пустели»[16]. М. К. Корбут так писал о влиянии лекций А. П. Щапова на формирование прогрессивных взглядов студентов: «Нравственное обояние личности Щапова, его огненная речь к студентам о необходимости изучения русского мужика, его нужд, его умственного просвещения сделали из них истых демократов, борцов за права угнетенных и униженных. Они жили, думали идеями Щапова»[17].

В своих лекциях Щапов основное внимание уделял роли народных масс в истории. Уже в первой своей лекции 12 ноября 1860 г. Щапов подчеркнул, что «главный факт в истории есть сам народ, дух народный, творящий историю. Сущность и содержание истории есть жизнь народная»[18]. Несомненно, лекции Щапова сыграли большую роль в формировании демократического мировоззрения Магницкого, хотя Щапов проработал в Казанском университете недолго: за участие в панихиде по убитым в с. Бездна крестьянам он был арестован. О влиянии Щапова на Магницкого М. К. Корбут отметил так: «Образ этого «чуда» (т. е. А. П. Щапова.— *Авторы)* тогдашней русской действительности, просвечивает, нам кажется, из-за строк каждой работы, статьи и корреспонденции Василия Константиновича, зовущих на защиту затравленных инородцев, не имевших ни прошлого, ни будущего в условиях царской России»[19].

Судя по косвенным сведениям и намекам в письмах («Есть

еще кое-что такое, что нельзя писать...» — в письме к брату Михаилу и др.)[20], демократически настроенный Магницкий не мог оставаться в стороне от студенческого движения, хотя на этот счет и нет неопровержимых доказательств. Но достоверно известно, что Магницкий по окончании университета продолжал живо интересоваться жизнью казанского студенчества. Это видно, к примеру, из письма его друга студента В. Соколова, посланного Магницкому в село Беловолжское Казанской губернии: «Во главе всех новостей можно поставить те, что в в Казанском университете не все спокойно и благополучно — новая революция... и небывалые скандалы... Скажу только одно, что существует какая-то тайная революционная партия из студентов, которая действует решительно... Между профессорами происходят страшные раздоры. Вообще Университет угрожает быть закрытым»[21].

Не будет ошибкой утверждение, что именно в годы учения в Казанском университете у В. К. Магницкого формируются гуманистические, просветительско-народнические взгляды.

Интерес к этнографии и фольклору у Магницкого возник и развился в период университетской жизни, главным образом под влиянием преподавателя русской словесности В. Г. Варенцова, собиравшего произведения устного народного творчества. Вспоминая об этом, Магницкий писал 2 марта 1898 г. своему другу Н. Я. Агафонову: «Ваш отзыв об университетских профессорах вызвал у меня благоговейное чувство, которое я продолжаю питать к покойнику В. Г. Варенцову за возбуждение во мне интереса к собиранию этнографических материалов. Случилось это таким образом. У юристов на 1-ом курсе полагалось по 1-ому часу в неделю «практических занятий по русскому языку» (точного названия этих занятий по «Правилам» не помню), которые и вел Варенцов... Он разбирал, не сказывая автора, поданное ему сочинение... Читая это сочинение по частям, Варенцов отмечал слабые и сильные его стороны, в дополнение цитировал «песни» из Собирания Киреевского, «пословицы» и «поговорки» из Снегирева, Сахарова, Даля и т. д. и разъяснял важность собирания этих и других материалов. Поэтому я, поселившись по окончании курса в Беловолжском, и начал... записывание этих именно материалов...»[22]

Следует отметить, что В. К. Магницкий еще в студенческие годы начал выступать в печати по вопросам просвещения чувашей. Первая же его статья «Женские чувашские школы в Ядринском уезде», напечатанная в «Казанских губернских ведомостях» в 1861 г.*, была посвящена проблемам просвещения нерусских народов края. В ней речь шла об открытой в 1860 г.

* Здесь и далее подробные выходные данные опубликованных работ В. К. Магницкого см. в библиографическом приложении к данному сборнику.

в с. Шуматово женской школе, в которую чуваши не желали отпускать своих дочерей, не видя в том пользы, а организационно-разъяснительной работы было недостаточно. Это настораживало Магницкого, заботившегося со студенческих лет о просвещении своих «родичей» (так он называл чувашей), среди которых вырос.

В 1862 г., окончив университет, молодой юрист В. К. Магницкий приступил к службе в Казанской палате уголовного и гражданского суда канцелярским чиновником. Через год он «исправляет должность» судебного следователя 2-го участка Чебоксарского уезда, где и работал в течение 14 лет — с 1863 по 1877 гг., проживая постоянно в селе Беловолжском, ныне включенном в состав г. Козловки Чувашской АССР. И хотя он надеялся на этом посту принести крестьянам пользу, тем не менее работа судебного следователя с первых же дней не удовлетворяла его, так как очень часто ему не удавалось облегчить участь несправедливо обвиненных в преступлениях людей. Чаще всего случалось судить того или иного крестьянина за то, что он по острой необходимости срубил дерево в лесу и т. п. Иной раз Магницкий так защищал крестьян, что сам подвергался преследованию. Так, 15 мая 1875 г. Казанская судебная палата на своем заседании обвиняла «в явном неисполнении Высочайше утвержденных правил о судебной отчетности по делу крестьянина Захарова Кирилла, обвиненного в нанесении топором раны по голове леснику»[23]. Как писал современник Магницкого Н. Кедров, «служба эта была не совсем по характеру Василию Константиновичу, от природы склонному более к просветительской деятельности...»[24].

Из Беловолжского Магницкий вел большую переписку с учеными-краеведами Казани. В частности, своим другом и учителем он считал Н. И. Золотницкого, одного из первых инспекторов чувашских школ, лингвиста, с которым переписывался долгие годы и которому посылал собранные материалы по этнографии, языку и фольклору; с ним он советовался относительно издания своих книг. В то же время это не помешало Магницкому полемизировать с Золотницким по вопросам просвещения «инородцев», когда последний в ответ на рецензию Магницкого о «Чуваш кнеге» выступил со статьей в шовинистическом духе, заявив: «Признаемся, мы сильно возмущены *прискорбием* (выделено Золотницким.— *Авт.*) Магницкого о том, что чуваши не создали для себя чувашских книг. Г. Магницкий скорбит о том, что радует и должно радовать всякого истинно русского и истинно православного человека: мы думаем, что отсутствие у чуваш собственной литературы поможет русско-православным деятелям скорее просветить и обрусить этих инородцев...»[25]

На это выступление Золотницкого Магницкий ответил своей принципиальной статьей «По инородческому делу», в которой,

в частности, ответил: «Далее у г. Золотницкого идет длинная патетическая тирада по поводу нашего выражения «к прискорбию», возражать на которую что-либо считаем излишним. Нам в свою очередь кажется, что если б хладнокровие не покидало г. Золотницкого до конца его статьи.., то он не написал бы своей тирады и не навязывал бы нам воззрений, каких не грезились нам во сне»[26]. Из этой полемики видно, что к чувашам Магницкий относился с уважением и сочувствием, отстаивая их право на самостоятельное национальное развитие, и верил в то, что у них со временем расцветет своя профессиональная культура.

Для В. К. Магницкого не существовало дилеммы: на каком языке должно идти преподавание в начальной школе. Он утверждал, что первоначальное образование «инородцев» должно происходить на их родном, природном языке. «Сколько мне известно,— заметил как-то Магницкий,— принцип, что каждая народность должна получать начальное школьное образование на своих родных языках, с лишним 300 лет тому назад высказывал славянский педагог чех Амос Коменский»[27].

В участок Магницкого входило несколько русских сел, включая Беловолжское, и сравнительно больше чувашских. Сразу же по прибытии в Беловолжское, несмотря на перегрузку по службе, Магницкий занялся собиранием и систематизацией произведений устно-поэтического творчества местных русских и чувашских крестьян. Занимаясь изучением фольклора, Магницкий впервые обратил внимание на интересную проблему взаимовлияния русского и чувашского фольклора. Магницкий увлеченно собирал также образцы таких малых фольклорных жанров, как поговорки, пословицы и загадки. Здесь он составил сборник «Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии» (1877), собрал материал и вчерне завершил сборник «Переживания древней культуры у жителей II стана Чебоксарского уезда...», содержащий много этнографических сведений и памятников устного народного творчества и изданный под названием «Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде» (1888).

Повседневная судебно-следовательская практика накладывала свой отпечаток на его научные труды. Именно в этот период Магницким и были написаны такие характерные работы, как «Очерк юридического быта чуваш» (1866), «Селения 2-го следственного участка Чебоксарского уезда» (1870) и «Этнографический очерк преступлений и проступков на 2-ом участке Чебоксарского уезда» (1871). Два последних сочинения остались в рукописи, так как в условиях царской цензуры они не могли быть напечатаны по той причине, что слишком открыто демонстрировали социальные язвы царизма в «инородческой» провинции. Вот какие разделы выделял, в частности, автор: 1) Преступления против веры; 2) Преступления государствен-

ные; 3) Преступления против порядка управления и т. д. Магницкий откровенно писал, к примеру, о том, что русскому народу отношение к религии «не мешает сочинять и распевать безнравственные пародии на церковные песнопения, преимущественно пасхальные, сквернословить на всю честную компанию и не бывать на исповеди... лет по 14 сряду»[28].

Таким образом, в беловолжский период жизни В. К. Магницкий, наряду с выполнением своих служебных обязанностей следователя, вел очень активную и плодотворную научно-собирательскую работу. И это несмотря на драматически сложившуюся семейную жизнь. Дело в том, что его брак, заключенный в феврале 1868 г. в Беловолжском с мещанкой Парасковьей Федоровной Бузовой, получился неудачным: супруга оказалась морально распущенной и пристрастившейся к алкоголю женщиной. Об ужасных условиях семейной жизни Магницкого, доводившей его порой до отчаяния, свидетельствуют особенно откровенно его письма к Н. И. Золотницкому[29]. 20 декабря 1880 г. П. Ф. Бузова скончалась, известие о чем Магницкий получил уже в г. Уржуме[30]. Необходимо отметить, что супружеские отношения В. К. Магницкого с женой были прекращены еще в Беловолжском, а развод был оформлен только 13 сентября 1880 г., через три года после отъезда Магницкого из Беловолжского. Долгое время оставаться в должности следователя, которая его не удовлетворяла, В. К. Магницкий не мог. К тому же обстоятельства складывались таким образом, что лучше было не дожидаться, пока снимут с работы, а «самому по добру, по здорову убрать ноги»,— как он писал Н. А. Износкову[31].

В апреле 1877 г. В. К. Магницкого, по его просьбе, назначили инспектором народных училищ Уржумского уезда Вятской губернии. С этого времени начинается новый — научно-педагогический этап в его жизни. В. К. Магницкий служил инспектором народных училищ сначала в Уржумском уезде, затем, с 1882 г., в 1 и 2-ом участках Казанской губернии, куда входили Лаишевский, Спасский, Свияжский, Тетюшский и Чебоксарский уезды, а с 1890 по 1894 гг. (т. е. до выхода на пенсию) — в Елабужском уезде. И где бы ни находился Магницкий — всюду он душой радел за просвещение нерусских народов, за улучшение работы имевших и открытие новых начальных училищ, смело вскрывал недостатки в постановке дела просвещения, боролся с казенщиной и косностью, выступал в пользу прогрессивных приемов обучения, представлял отчеты, в которых писал о плохих условиях жизни учащихся и учителей, о необходимости преподавания на родном языке. В статье «О преподавании в инородческих школах» Магницкий поднял важный вопрос, который занимал его на протяжении всей сознательной жизни и который так или иначе затрагивался в его работах — это мысль о том, что «инородцы», будь то чуваши, мордва или татары —

все равные люди и должны пользоваться вниманием и уважением наряду и наравне с русскими.

Еще в 1860-х гг. Магницкий горячо и страстно выступал против нелепых утверждений некоторых шовинистов, что чувашские дети якобы по природе несмышлены. «По отзывам училищного начальства большая часть чуваш учится лучше русских»,— писал он и выражал уверенность в том, что «если бы стипендии состоялись, в гимназиях не замедлили явиться и чуваши, а из гимназии недалеко и университет»[32].

Разоблачая всяческие измышления о чувашах, В. К. Магницкий публикует в 1881 г. статью «Замечания на этнографический очерк быта чуваш И. Меньшова», в которой отметает клеветнические утверждения Меньшова о жизни, быте чувашей, об их душевных качествах, резко выступая против подобных писак: «То обстоятельство, что чувашенин Яковлев кончил курс в университете и состоит теперь инспектором школ, а под его инспекторством много учителей-чуваш, мне кажется, само по себе доказывает, что чуваши обладают умственными способностями, отрицаемыми г. Меньшовым»[33].

В. К. Магницкий с любовью, большим вниманием и заботой относился к нарождающейся чувашской интеллигенции. Об этом свидетельствуют архивные материалы, оживленная переписка с И. Юркиным, опубликованные краткие биографические очерки о С. Михайлове, Н. Охотникове, дружба с М. Федоровым и др.

Работая инспектором народных училищ, Магницкий относился к педагогам с большим уважением и тактом, старался оказать им всяческую помощь как научно-методическими, так и практическими советами. Учителя отвечали Магницкому, уважали его, шли за советом. Об этом свидетельствуют хранящиеся в архивах многочисленные письма их к нему. Так, учитель Красноперов писал ему 9 сентября 1893 г.: «Примите от меня самую глубокую благодарность за всегда теплое, не начальническое, а отеческое, а порой дружеское ко мне отношение...»[34]

За время службы в должности инспектора народных училищ Магницкий очень много энергии потратил на открытие новых школ. В этой работе он имел перед собой хороший пример И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева. «Лишь за 1 год в I участке было открыто 14 школ (1884—1885 гг.). Цифры эти весьма внушительные, если учесть, что другие инспектора за такой срок добивались открытия 1—2 школ. В следующем году (1885—1886 гг.) Магницкий открыл еще 19 училищ»[35]. При этом ему приходилось преодолевать целый ряд препятствий: нежелание властей и консерваторов, отсутствие помещений и средств, а также учебного имущества, и даже отказ родителей отпускать своих детей в школы. Отчеты Магницкого, сохранившиеся в архивах Казанского учебного округа, являются также примером

острой критики существовавшей рутинной системы просвещения. Он призывал в них пересмотреть казенное отношение к народным училищам и резко улучшить состояние просвещения.

Начальству, конечно, не нравились критика и требовательность «беспокойного» инспектора. Попечитель Казанского учебного округа старался вообще убрать из своего округа непокорного инспектора. Поэтому Магницкий и был переведен в 1890 г. в Елабужский уезд, что в какой-то мере являлось ссылкой, но он и здесь работал, не покладая рук. Друзья Магницкого тоже понимали, что его перевод на новое место — не что иное как ссылка. К примеру, историк А. Ф. Можаровский, старый друг и даже кум Магницкого, в своем письме к нему от 29 октября 1890 г. советовал ему: «Утешайтесь тем, что место Вашей *ссылки* (выделено нами.— *Авт.),* еще не столь отдаленное — Елабуга, не Колыма, церквей много, звонят, надо полагать, громко, дела обеспечивают тонко. Что ни говори, а без подвохов на Ваше положение со стороны г. И. не обошлось...» И далее, в таком же полушутливом тоне утешая, А. Ф. Можаровский советовал Магницкому «поскорее забыть Казань многогрешную и просвещать тьму кромешную»[36].

Неутомимую и бескорыстную деятельность В. К. Магницкого в области просвещения вынуждены были признать даже консервативные правительственные круги, и он был награжден серебряной медалью.

Высоко ценил В. К. Магницкий педагогически-просветительскую деятельность своих соотечественников. Он целиком и полностью разделял взгляды И. Я. Яковлева, считавшего непременным условием обучения в национальной школе преподавание на родном языке. В. К. Магницкий в своем письме к директору народных училищ Казанской губернии прямо заявил, что он «убежденный единомышленник И. Я. Яковлева по указанному вопросу» (имеется в виду просвещение нерусских народов.— *Авт*)[37]. Следует отметить, что даже после выхода на пенсию в 1894 г. его активная работа в области просвещения не прекратилась. В. К. Магницкий принимает постоянное участие в школьных делах: состоит попечителем нескольких школ, заботится об их благоустройстве, об улучшении условий жизни учеников и учителей, по просьбе И. Я. Яковлева принимает выпускные экзамены, назначается председателем экзаменационной комиссии, продолжает оставаться искренним другом учителей и учащейся молодежи.

Наряду с педагогической работой В. К. Магницкий продолжал вести разностороннее научное изучение быта и культуры населения тех местностей, где ему приходилось жить и трудиться. В этот период (в бытность инспектором) появляются его работы «Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии», «Поверья и обряды в Уржумском уезде Вятской губернии», «Рассказы об Акрамовском картофельном

бунте», «Приволжские чуваши (этнографический очерк)», «Из быта чуваш Казанской губернии», он заканчивает работу над сборником «Материалы к объяснению старой чувашской веры», «Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде», а также публикует множество небольших работ по этнографии и фольклору других поволжских народов.

В 1894 г. Магницкий поселился в с. Шуматове Ядринского уезда в родительской усадьбе и полностью отдался научно-собирательской работе. Он был полон творческих планов и замыслов. В этот период он закончил работу над книгой «Чувашские языческие имена», писал многочисленные статьи и корреспонденции; выполнил большую часть задуманной им крупной работы по описанию чувашских и русских селений. Магницкий вел обширную переписку со своими корреспондентами, помогавшими ему, присылая те или иные сведения по специально составленному им на этот случай вопроснику.

Активными корреспондентами Магницкого были М. Федоров (д. Итяково), А. Егоров (д. Маслово), К. Мухин (д. Малое Карачево), М. Арзамасов (д. Тюрлема), А. Доброхотов (с. Байдеряково), М. Орлов, К. Степанов и др. Он переписывался со многими учителями по различным вопросам. В письме к Н. Я. Агафонову от 2 марта 1898 г. Магницкий сообщал: «Ваша правда, что я забился в глушь, но я в глуши нисколько не скучаю, хотя из-за болезненной своей застенчивости (от нее — угловатость, мешковатость и т. д.) ни с кем не веду знакомство, особенно с властвующими лицами... За мою нелюдимость, а пуще за мою газетную прикованность, а часто за строчение чувашам бесплатных «кляуз» (жалоб) власти, вроде Безумова и знаменитого нашего Березина, выдают меня за «исчадье ада», а я в отместку признаю за ними одну лишь доблесть — доблесть «сквернословия», а подчас и «кулака»...— из этих строк ясно видно, в каких отношениях находился В. К. Магницкий с властями. Но здесь же он писал и о своих друзьях: «Есть у меня два приятеля из сельских учителей, с которыми я отвожу душу. Посещая меня, они каждый раз привозят мне с собой что-либо по части археологии и этнографии.., и я по их указаниям совершаю иногда экскурсии. Есть у меня еще один приятель, обучавшийся в семинарии священник Архангельский — в селе Боль. Шатьма, с которым я веду частую переписку и меняюсь книгами (по моей рекомендации он зачислен в Общ. Арх. Ист. и Этн. членом-сотрудником и работает с изумительным усердием). Моими приятелями являются чуть ли не все приходские грамотники, начиная с первогодников-учеников. В марте прошлого года я добыл до 50-ти названий книжек на чувашском языке, и теперь у меня имеется свыше 100 бесплатных читателя. Прошлым летом Казанская Обсерватория пригласила меня вести записи грозы, а потом через земскую управу и «Сельскохозяйственного дневника», чем

я буду заниматься и наступающим летом, с добавлением ежедневных записей атмосферных осадков»[38].

Цитируемое письмо является ярким свидетельством того, какой многогранной и насыщенной была жизнь ученого до самых последних дней. Находясь в отставке, В. К. Магницкий помимо занятий в области этнографии ведет значительную общественную работу, вплоть до того, что выступает счетчиком 22 счетного участка во время I-ой всероссийской переписи населения в 1897 г., является попечителем Шуматовского земского училища и других школ, заботясь об их благоустройстве, об улучшении условий жизни учителей, ведет обширную переписку. На все дела хватало у него энергии и энтузиазма. Магницкий продолжал бороться за права нерусских народов, принял активное участие в так называемом «Мултанском деле», отмечая нелепые обвинения против удмуртов в человеческих жертвоприношениях, придуманные реакционерами для разжигания национальной розни. В 1899 г. он писал Н. Я. Агафонову: «...Куда ни глянешь, всюду главенствуют... мракобесы, а просвета ни откуда...»[39] Ясно видна глубина возмущения Магницкого существующими порядками, вместе с тем и его политическая ограниченность, не позволившая ему разглядеть желанный «просвет» и выход из мрака царизма. Оглядываясь на пройденный путь, в 1889 г. Магницкий с благодарностью вспоминал своих учителей — В. Г. Варенцова, И. А. Износкова, Н. И. Золотницкого, Н. Я. Агафонова, Е. И. Малова[40].

Умер В. К. Магницкий 62-х лет, в воскресенье 4 марта 1901 г., от воспаления легких. Его похоронили 6 марта на кладбище с. Шуматово «при стечении тысячной толпы» местных крестьян. Из письма его брата Константина к Н. Я. Агафонову от 29 сентября 1902 г. узнаем, что последними работами его были «Список населенных мест Ядринского уезда» и «Алфавит языческих имен чуваш»[41]. Но и после смерти В. К. Магницкого в печати продолжали появляться его лучшие работы по этнографии. Например, сборник «Чувашские языческие имена» вышел в Казани в 1905 г. В 1906 г. в «Известиях» ОАИЭ (том VII) была напечатана статья «К биографии В. А. Сбоева», еще ранее в Нижнем Новгороде вышла работа В. К. Магницкого «К истории «присурских» чуваш, черемис, мордвы и Флорищевой пустыни» (1903) и т. д.

* * *

В собрании и освещении этнографического и фольклорного материалов В. К. Магницкий руководствовался передовыми принципами и приемами, почерпнутыми из прогрессивной науки, из работ предшественников.

Прежде всего Магницкий любую свою работу о быте, нравах и т. п. изучаемого им населения стремился предварить

всесторонним «народонаселенческим», т. е. экономико-географическим описанием. Обязательным условием деятельности этнографа он считал также безукоризненную правдивость и объективность, исключающие всякую предвзятость и тенденциозное толкование описываемых явлений и фактов этнической культуры. Именно поэтому работы Магницкого основаны только на конкретных и проверенных фактах, что и позволило им сохранить свою непреходящую научную ценность до настоящего времени. Неслучайно впоследствии отмечалось, что «без материалов В. К. Магницкого трудно работать и этнографу, и историку не только чувашского народа, но и вообще народностей Волжско-Камского края»[42].

Во всестороннем этнографическом изучении народов Магницкий выделял два основных направления — исследование духовной культуры (сюда он включал 1) религию, обряды, обычаи; 2) фольклор и 3) язык) и материальной культуры, которую он никогда не отделял от духовной жизни. Магницкий выделял также такие аспекты исследования, как изучение экономического положения населения, этногенеза и этнической истории народов, археологических памятников.

Все исследования дооктябрьского периода русской этнографии были связаны с классовыми интересами ученых, которые разделялись в связи с этим на два лагеря, ставя перед собой различные конечные цели изучения народа: «изучать и знать народ, чтобы лучше им управлять; изучать и знать народ, чтобы помогать ему, чтобы бороться за его освобождение»[43]. В. К. Магницкий принадлежал к демократическому лагерю русских этнографов и не переставал критиковать невежественные суждения «просвещенных цивилизаторов», как он называл представителей официальной науки.

Здесь необходимо особо отметить, что на развитие и формирование научных интересов В. К. Магницкого исключительно большое влияние оказала деятельность различных научных обществ тогдашней России. Магницкий принимал активное участие в деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В отчете о составе Общества от 20 мая 1881 г. записано, что В. К. Магницкий является его членом-корреспондентом с 23 августа 1873 г.[44], т. е. почти с самого его основания, а в 1885 г. Магницкий стал действительным членом Общества[45].

Многие члены данного Общества, его основатели и члены совета были большими друзьями Магницкого, их связывали не только научные интересы, но и искренняя дружба (И. А. Износков, Н. И. Золотницкий, Н. Я. Агафонов, А. Ф. Можаровский и др.). Изучая отчеты о деятельности Общества, возможно проследить и за той активной работой, которую вел в нем Магницкий. Очень часто он выступал с докладами на заседаниях Общества, печатал свои труды в его изданиях.

В 80-х гг. Магницким были прочитаны на заседании Общества научные доклады: «О черной шаманской вере у чуваш» (1880—81), «Археологические и этнографические данные, собранные при поездке в с. Шуматово Ядринского у., Каз. губ.» (1881—82), «Особенности русского говора в Уржумском уезде» (1881—82), «Происхождение и значение названий селений: Сарда, Серда» (1885), «Об ирихах у чуваш» (1887), «Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии» (1887) и многие другие. Он представлял в Общество свои рукописи для обсуждения и публикации, также копии и оригиналы архивных документов, книги для библиотеки Общества, этнографические и археологические экспонаты для музея.

Наряду с этим, Магницкий участвовал в работе Общества естествоиспытателей при Казанском университете. С 1874 г. В. К. Магницкий — член-сотрудник отдела антропологии и этнографии этого Общества[46]. Здесь он находит для себя интересное занятие, связанное с этнографией: собирает материалы о лечебных травах у чувашей Чебоксарского уезда. В Общество им был представлен рукописный сборник «Уличные игры крестьянских детей села Беловолжского»[47]. Но, как сообщил ему редактор неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» Н. Ф. Юшков в письме от 31 июня 1874 г., рукопись была утеряна. «Представьте себе, какое несчастье — сборник Ваш неизвестно куда девался... Не осталось ли у Вас ее в черновом списке?»[48]. Судьба указанной рукописи Магницкого осталась неизвестной. Можно только предполагать, что некоторые из записанных детских песен и игр были включены в другие его сборники.

В. К. Магницкий не мог оставаться в стороне и от деятельности Русского географического общества. Он переписывался с секретарем этнографического отдела РГО В. Н. Майновым, который и сам интересовался бытом и культурой народов Поволжья.

В рукописях некоторых исследователей можно встретить утверждение, что В. К. Магницкий являлся членом РГО[49]. Но изучение списков его состава за 1877—1898 гг. одним из авторов данной статьи (Д. В. Абашевой) показало, что в них имя Магницкого не присутствует. В «Истории полувековой деятельности РГО. 1845—1895» в алфавитном указателе имен записано только, что «Магницкий доставлял статьи», в то время как рядом с другими фамилиями специально отмечено, что они члены общества[50].

В РГО Магницкий представил ряд материалов: «Выписка из межевых книг на землю чуваш Аттиковского прихода Чебоксарского уезда», «Договор притча села Беловолжского с доверенными от помещиков того же села о ручье», «Селения 2-го следственного участка Чебоксарского уезда с их досто-

примечательностями», «Этнографический очерк 2-го следственного участка Чебоксарского уезда» и др.[51]. Эти работы Магницкого в полной мере соответствовали тому научному профилю, которым в указанный период занималось Русское географическое общество. Отделение этнографии, например, интенсивно занималось изучением народных юридических обычаев и даже напечатало в газетах объявление с просьбой «доставлять в общество материалы, относящиеся до этого предмета». Члены общества составляли краткие программы и рассылали провинциальным писарям, священникам и частным лицам. В «Истории полувековой деятельности РГО» отмечается: «К кругу юридических явлений народного быта относилось сообщение, сделанное действительным членом М. Н. Раевским по поводу поступившей в отделение статьи г. Магницкого: «Этнографический очерк преступлений и проступков во 2-ом следственном участке Чебоксарского уезда». По предложению Раевского «из этой и других, ранее доставленных, статей Магницкого по тому же предмету было составлено для печати извлечение»[52].

В 1877 году В. К. Магницкий был принят в члены Археологической комиссии при Казанском университете.

В письме Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете от 28 октября 1890 г. Магницкому выражается благодарность за присланный им экспонат для музея[53].

В. К. Магницкий был известен местным корреспондентам и ученым кропотливыми исследованиями и преданностью избранной науке. Составляя вопросники-программы для своих корреспондентов, Магницкий руководствовался программами указанных выше обществ по вопросам этнографии и фольклора.

В. К. Магницкий по мере возможности внимательно следил за научной литературой, знакомился с различными теориями. Судя по сноскам, ссылкам и замечаниям, встречающимся в его архивных рукописях, можно сделать вывод (правда, далеко не однозначный) о том, что Магницкий увлекался эволюционистской теорией. Это не было случайностью: начиная с 70-х гг. XIX в. эволюционизм стал господствующим направлением в русской этнографии и популярным в западноевропейской этнографической литературе[54]. Книгу основателя этой школы Э. Тейлора «Первобытная культура» Магницкий перечитывал неоднократно и даже конспектировал.

Магницкий регулярно знакомился с изданиями различных обществ, постоянно читал специальные журналы. Вместе с тем нельзя не согласиться и с утверждением Н. Р. Романова о том, что «живя в глухой провинции, Магницкий не мог следить за развитием этнографической науки в России и усвоить идеи прогрессивных русских этнографов последней четверти 19 в.»[55]

Научные интересы Магницкого были весьма разносторонни,

В. К. Магницкий.

так что проследить их в данной статье возможно лишь в общих чертах. Пожалуй, правильнее будет начать это с его увлечения вопросами этногенеза чувашей. Он писал: «Чуваши живут с

незапамятных времен на той территории, которая входила в пределы сначала болгарского, а потом казанского и частью, кажется, касимовского царств, начиная со времен легендарного киевского князя Кия; искаженные фразы их речи без указания народности занесены в старинные русские письменники, но национальное их имя в исторических актах появляется впервые лишь в первой половине 16 столетия»[56].

Магницкий писал о том, что чуваши, несомненно, жили в Поволжье еще раньше, но «в Москве чуваш долгое время именовали собирательным именем «татары». Есть данные утверждать, что именем несуществующей более народности «буртасы» назывались также чуваши»[57]. Для того, чтобы прийти к предположениям, Магницкий должен был изучить имеющиеся источники по этногенезу чувашей, разыскать множество грамот,— как рукописных, так и опубликованных, сличить чувашские языческие имена с именами у других народностей.

Следует отметить, что современные исследователи высоко оценили идею привлечения древних языческих имен для изучения вопросов происхождения чувашей. Так, В. Ф. Каховский пишет: «В. К. Магницкий, составивший «Алфавит мужских языческих имен чуваш» Ядринского уезда, установил по данным ономастики 173 родовых фамилии (тавраш), принадлежащие различным древнетюркским племенам. На основе анализа ономастического материала удается в какой-то степени выяснить этнические связи чувашей с другими древнетюркскими племенами и народами Азии»[58]. По архивным источникам и сообщениям корреспондентов Магницкий выявил более 10 тыс. чувашских языческих мужских имен и опубликовал их в книге «Чувашские языческие имена» (1905). Он считал, что именник дает богатый материал для лингвистических исследований, а также «основание для объяснения происхождения некоторых русских фамилий от языческих имен казанских инородцев». В частности, по его мнению, фамилия «Тургенев» произошло от языческого чувашского имени «Тургеней». Он считал, что более 700 названий населенных пунктов связаны с инородческими именами.

Этот своеобразный труд Магницкого не утратил научной ценности и для современных исследователей, так как вследствие насильственной христианизации чувашей в XVIII—XIX вв. языческие имена их постепенно исчезли из живого бытования. Следует отметить, что Магницкий оставил черновые варианты списков языческих имен также и других народов края— удмуртов, марийцев[59].

И все же основным объектом этнографических исследований Магницкого была не этническая история, а повседневная жизнь, культура и быт чувашского народа. Магницкий, в отличие от буржуазных этнографов, утверждавших, что народы Поволжья живут во вражде и ненависти, каждодневно видел

проявление фактов дружелюбия и добрососедства между ними. Он отмечал, что это дружелюбие особенно проявляется на ярмарках, куда съезжаются люди разных национальностей со всех дальних и близких волостей. В статье «Беловолжская ярмарка» Магницкий дал конкретное этнографическое описание такого народного праздника представителей разных национальностей. Ярмарки интересовали Магницкого и раньше. Еще в 1865 г. он опубликовал статью «Воздвиженская ярмарка в д. Козловке». Наблюдая и изучая на таких ярмарках особенности быта, нравов и культуры разных национальностей, Магницкий пришел к правильному выводу о том, что изучать тот или иной народ оторванно от его окружения, от соседей не представляется возможным. Поэтому ученый всегда прибегал к сравнениям. Так, описывая свадебный обряд чувашей, Магницкий находит аналогичные моменты и у других народов, в частности у русских. Соответственно, он проводит мысль о возможном заимствовании тех или иных элементов свадебного обряда русскими у чувашей и наоборот (например, ковш с дырой, из которого пьют на свадьбе, взят у русских).

Большое внимание обращал Магницкий на национальные костюмы и убранство. В «Очерке юридического быта чуваш» им посвящена специальная глава. Магницкий отмечал, что чуваши не все носят одинаковый костюм, а их одежда разделяется в зависимости от того, к какой этнографической группе они относятся: к верховой (вирьял) или низовой (анатри). Здесь же он дает характеристику особенностей одежды обеих групп.

Магницкий особое внимание уделял изучению исторического прошлого края: собирал исторические сведения, производил археологические изыскания и т. д. Все это, конечно, играло вспомогательную роль в его исследованиях. Так, описывая современное ему состояние одежды чувашей, он не мог не оказаться перед вопросом: как же одевались чуваши раньше, в глубокой древности? И вот появляется статья «Село Шуматово и его приход» (1870), в которой Магницкий отметил также такие особенности быта и детали обрядов чувашей, которые уже в то время превратились в архаизмы и при поверхностном наблюдении могли остаться вовсе незамеченными.

Магницкий одним из первых среди этнографов Поволжья обратился к изучению архивных источников с целью достижения более полного освещения культуры и быта чувашей и других народов. В трудных условиях канцелярско-рутинной системы он проводил ценную работу по розыску и публикации ряда важных архивных материалов, которые он передавал в ОАИЭ при Казанском университете[60].

В. К. Магницкий большие усилия приложил для публикации источников, относящихся к истории городов Чебоксары, Козьмодемьянск и др. В частности, по фолиантам 1-й и 2-й народных переписей (1718—1722 и 1742—1743 гг.), извлеченным из

архива Чебоксарского уездного казначейства, им были напечатаны материалы, которые не утратили своего значения для историков края до настоящего времени.

Много труда положил Магницкий на разыскивание и приобретение старинных документов или копий с них, которые сохранились на руках у частных лиц; он готовил их для публикации с той целью, чтобы они стали достоянием науки. Копии с них в настоящее время находятся в ЦГА Чувашской АССР в фондах В. К. Магницкого[61]. Некоторые статьи появились именно в результате изучения и обработки старинных грамот, как, например, «К истории присурских чуваш, черемис, мордвы и Флорищевой пустыни»[62], в которой дается характеристика взаимоотношениям разных народов в ранние периоды истории. Изучив архивные источники допетровского времени, Магницкий пришел к важному выводу о том, что население Чувашского края в актах и грамотах называлось «черемисой» или «татарами»; он резюмировал: «Приводимая ниже грамота может служить указателем того, до какой степени произвольно в старые годы проводились в грамотах названия инородческих племен»[63]. А в другой статье по этому же вопросу Магницкий прямо указывал: «Посильные наши розыски по поводу представленных копий привели нас к выводу, что именем «черемиса» до 1-й ревизии (1718—1722 гг.) в актах именовались официально присурские чуваши»[64].

Таким образом, Магницкий требовал критического подхода к историческим источникам, чтобы не впасть в заблуждение, «пропустив» целую народность.

Магницкий призывал обратить внимание на такую этнографическую группу поволжских татар, как мишари. Он высказывал опасение в том, что «мишари Казанской губернии в предстоящую однодневную перепись России будут по-прежнему зачислены в число татар по привычке казанцев называть татарами безразлично все инородческие магоментанские племена»[65].

В. К. Магницкий считал, что для этнографии, особенно для изучения этнической истории народов, большую ценность представляют археологические данные. Во многих его дневниковых записях содержатся сведения по археологии края.

Через всю научную деятельность Магницкого проходит большой интерес к дохристианской, языческой религии чувашей. Этой проблематике он посвятил целый ряд статей, а также обширный специальный труд «Материалы к объяснению старой чувашской веры» (1881), который был высоко оценен его современниками и без которого в настоящее время не обходится ни один исследователь этнической культуры чувашей.

Занимаясь исследованием культуры и быта чувашей, Магницкий интересовался их языком. Он горячо поддерживал работу Н. И. Золотницкого над «Корневым чувашско-русским слова-

рем». К примеру, в письме от 10 апреля 1875 г. спрашивал его: «Что ваш словарь, Николай Иванович? Скоро ли чуваши дождутся его выхода?»[66]. Он сам долго занимался составлением русско-чувашского словаря. Так, 10 января 1867 г. он пишет своим родителям из Беловолжска: «Не знаю, как вы, а я провел праздник ни скучно, ни весело — доканчивал начатый чувашско-русский словарь, поэтому во все время не выходил из комнат»[67]. Свою работу Магницкий в конце 1875 г. передал Золотницкому уже после выхода «Корневого чувашско-русского словаря», о чем свидетельствует их переписка. Он составил дополнение к словарю Золотницкого, которое опубликовал в «Казанских губернских ведомостях» в 1884 г.

Магницкий одним из первых ученых-чувашеведов дал характеристику верховым и низовым чувашам, причем не только в отношении различий в их одежде, но и языка, диалектных особенностей, их говоров. Необходимо отметить, что занимался он диалектологией говоров и русского населения. Им был составлен сборник местных слов под названием «Особенности русского говора в Уржумском уезде» (1885 г.). Многие диалектологические материалы Магницкого до сих пор не опубликованы и хранятся в архивах.

Занимаясь изучением народной жизни в прошлом и настоящем, Магницкий улавливал и общественно-политические настроения местного населения. Его интересовала история народных волнений. Магницкий опубликовал интересные материалы об участии местного населения в пугачевском движении «Заметки о Пугачевском бунте (из народных преданий)», «Рассказы об Акрамовском картофельном бунте чуваш в 1842 г.» Важно отметить, что эти исторические события автор показывал через восприятие самого народа, видя их как бы глазами самих крестьян.

Долголетнее и кропотливое исследование истории, культуры и быта чувашей не могло не привести В. К. Магницкого к решению создать обобщающий труд. Он планировал подготовить обстоятельную монографию под названием «Чуваши», работа эта осталась незавершенной. В рукописи труда содержатся такие разделы: 1) Исторические сведения о чувашах; 2) Селения чувашей, их жилые и хозяйственные постройки; 3) Кушанья и напитки чувашей; 4) Костюмы чувашей; 5) Язык чувашей; 6) Религиозные верования чувашей; 7) Земледелие и ремесло чувашей[68].

Мы уже не раз отмечали, что научная деятельность В. К. Магницкого выходила и за пределы Казанской губернии. Так, находясь в конце 1870-х гг. в Вятской губернии, он занялся изучением местного населения. В результате им был подготовлен сборник «Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде, Вятской губернии» (1883). В предисловии к нему Магницким дана интересная характеристика многонационального насе-

ления этого края. В разные годы им были написаны статьи и о марийцах и башкирах, в частности, «Этнографические наблюдения и заметки по Уржумскому уезду», «Из быта казанских инородцев», «Башкирцы Елабужского уезда»[69], но все они остались в черновых вариантах.

Таким образом, В. К. Магницкий был ученым широкого диапазона. Кроме основных своих научных интересов к этнографии и фольклору, он увлеченно работал и в области истории, археологии и лингвистики, справедливо считая, что данные этих наук способствуют решению проблем этнографии и фольклористики. Вместе с тем вся разнообразная научная, издательская, собирательская и гражданская деятельность Магницкого ни в коем случае не свидетельствовала о возможном дилетантском подходе к какому-либо занятию. В каждом из направлений своих научных интересов Магницкий был по тем временам знатоком и достаточно компетентным исследователем, хотя, конечно, сегодня многие из его работ представляются нам несовершенными и наивными. Но никто не может не признать, что в изучении истории, культуры и быта чувашей, а также русских и других народов Чувашского края и Поволжья В. К. Магницкий успел сделать очень много, и его ценное научное наследие будет оказывать большую помощь все новым исследователям. Вместе с тем сегодня важно продолжить поиск новых материалов о личности Магницкого, необходим более глубокий и комплексный анализ его творческого наследия. Нельзя обольщаться только тем, что сделано до сих пор. Только так, конкретно и должно отдавать нынешнее поколение чувашского народа дань высокого уважения памяти истинного русского ученого-педагога.

Литература и источники

[1] *Кедров Н. М.* Василий Константинович Магницкий.— Известия по Казанской епархии, 1901, № 8; *Износков И. А.* Василий Константинович Магницкий.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее — ИОАИЭ). Казань, 1907, т. 17, вып. 5—6. *Агафонов Н. Я.* В. К. Магницкий (1839—1901).— В кн.: Агафонов Н. Казань и казанцы. Казань, 1906, вып. 1.

[2] *Никольский Н. В.* Биография В. К. Магницкого.— ИОАИЭ, Казань, 1919, т. 30, вып. 2.

[3] *Никольский Н. В.* В. К. Магницкий как этнограф.— В кн.: *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839—1901. Чебоксары, 1929, с. 36—40.

[4] *Корбут М. К.* Памяти первого краеведа Чувашии В. К. Магницкого (К 90-летию со дня рождения).— В кн.: *Корбут М. К.* Указ. соч., с. 5—6.

[5] Там же, с. 43.

[6] *Башкирова А. Ф.* Некоторые архивные материалы о педагогической деятельности В. К. Магницкого.— В кн.: О дореволюционной культуре чувашского народа. Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1957, вып. 15.

[7] *Романов Н. Р.* В. К. Магницкий — этнограф чувашского народа.— Ученые записки ЧНИИ, Чебоксары, 1962, вып. 21.

[8] Там же, с. 356.

[9] *Абашева Д. В.* Василий Константинович Магницкий как фольклорист

и этнограф. Автореф. дисс... канд. филолог. наук. М., 1975; *она же.* В. К. Магницкий как фольклорист (К 135-летию со дня рождения).—В кн.: Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1974, вып. 4; *она же.* В. К. Магницкий — фольклорист и этнограф (Биографический очерк).— В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1975, вып. 1; *она же.* Архивные работы В. К. Магницкого по чувашскому фольклору.— В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1976, вып. 2.

[10] Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 1215, оп. 1, ед. хр. 15, л. 68.

[11] *Корбут М. К.* Указ. соч., с. 6—7.

[12] Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета (далее — ОРРК), д. 2315, л. 54.

[13] Институт русской литературы (Пушкинский дом). Архив Н. Я. Агафонова (далее — ИРЛ-А), ф. 13, д. 314, л. 1—2.

[14] *Корсаков Д. Н.* Былое в жизни Казанского университета 1856—60 гг. Казань, 1904, с. 136—137.

[15] *Васильева М. А.* Песни казанского студенчества.— В кн.: Из прошлого Казанского университета. Казань, 1930, с. 5.

[16] *Корбут М. К.* А. П. Щапов как родоначальник материалистического понимания русской истории.— В кн.: Ученые записки Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1929, т. 88, кн. 1, с. 17.

[17] Там же, с. 35.

[18] *Щапов А. П.* Неизданные сочинения. Казань, 1926, с. 12.

[19] *Корбут М. К.* Указ. соч., с. 9.

[20] ОРРК. Архив В. К. Магницкого, ед. хр. 2310, л. 3.

[21] ИРЛ-А, ф. 13, д. 320, л. 1. Письмо датировано 23 февраля, но год не указан.

[22] Там же, д. 149, л. 4—5.

[23] НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 367, л. 501.

[24] ОРРК, д. 4729, л. 1.

[25] Справочный листок г. Казани, 1867, № 143.

[26] Казанские губернские ведомости, 1868, № 10.

[27] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 5, л. 5.

[28] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 4, л. 123.

[29] ОРРК, д. 2308, л. 25, 61.

[30] Там же, д. 2312, л. 202.

[31] НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 367, л. 501.

[32] Казанские губернские ведомости, 1864, № 14.

[33] Записки Оренбургского отдела Русского Географического Общества. Оренбург, 1881, вып. 3, с. 179.

[34] ОРРК, д. 130, л. 16.

[35] *Башкирова А. Ф.* Указ. соч., с. 241.

[36] ИРЛ-А, ф. 13, д. 313, л. 14.

[37] ЦГА ЧАССР, ф. 334, д. 3, л. 64.

[38] ИРЛ-А, ф. 13, д. 149, л. 3.

[39] ИРЛ-А, ф. 13, д. 314, л. 3.

[40] Там же, д. 149, л. 5.

[41] Там же, д. 150, л. 1.

[42] *Никольский Н. В.* В. К. Магницкий как этнограф, с. 39.

[43] *Токарев С. А.* История русской этнографии (Дооктябрьский период). М., 1966, с. 11.

[44] Отчет о деятельности и составе Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Сост. *И. И. Загоскин.* Казань, 1881, с. 26.

[45] Отчет о деятельности и составе ОАИЭ при ... Казанском университете за 1885 г. Сост. *А. С. Архангельский.* Казань, 1886, с. 3.

[46] Протокол заседания Общества естествоиспытателей № 54 от 30 марта 1874 г. Казань, 1874, с. 8.

[47] Протокол II заседания секции этнографии и антропологии от 23 ав-

густа 1873 г. Казань, 1873.

[48] ИРЛ-А, ф. 13, д. 321, л. 3.

[49] *Григорьев П. Г.* В. К. Магницкий — историк и этнограф чувашского края.— НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. № 5641.

[50] История полувековой деятельности ... Русского географического общества. 1845—1895. Сост. *П. П. Семенов*. СПб., 1896, с. 1353.

[51] В настоящее время эти материалы В. К. Магницкого хранятся в архиве РГО в Ленинграде: разряд 14, оп. 1, № 24—27.

[52] История полувековой деятельности.., с. 893.

[53] ОРРК, д. 2312, л. 150.

[54] См.: *Токарев С. А.* Указ. соч., с. 357.

[55] *Романов Н. Р.* Указ. соч., с. 359.

[56] *Магницкий В. К.* Чувашские языческие имена. Казань, 1905, с. 4.

[57] Там же.

[58] *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965, с. 42.

[59] См.: ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 5.

[60] ОРРК, д. 2313.

[61] ЦГА ЧАССР, ф. 334, дд. 5, 13, 18, 20.

[62] См.: Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Н.-Новгород, 1903, т. V, с. 24—43.

[63] См.: Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н.-Новгород, 1900, отд. III, с. 24.

[64] Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. V, с. 43.

[65] *Магницкий В. К.* Несколько данных о «мишарях» (мещеря, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях.— ИОАИЭ. Казань, 1896, т. 13, вып. 4, с. 248.

[66] ОРРК, ед. хр. 2308, л. 13.

[67] Там же, ед. хр. 2310, л. 33.

[68] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 7, л. 71—113.

[69] Там же, д. 5, л. 113; д. 7, л. 27; д. 16, л. 137.

ИЗУЧЕНИЕ В. К. МАГНИЦКИМ ОБЩЕСТВЕННОГО И СЕМЕЙНОГО БЫТА ЧУВАШЕЙ

П. П. ФОКИН

В собирательской и исследовательской деятельности В. К. Магницкого трудно выделить отдельно взятые проблемы, ибо его интересовали любые факты народной жизни. Накапливая и систематизируя этнографический материал о чувашах в течение многих лет, он уделял внимание при этом и их общественному и семейному быту.

Следует отметить, что эта проблема ранее затрагивалась в работах его предшественников — А. А. Фукс, В. А. Сбоева, С. М. Михайлова[1]. По сравнению с этими авторами В. К. Магницкий сделал существенный шаг вперед в этнографическом изучении чувашей, в частности, собрав и обобщив большой объем информации об их общественном и семейном быте. Собственно, В. К. Магницкий обладал существенным преимуществом перед предшественниками, с одной стороны, в отношении знания материала и языка изучаемого народа (в этом качестве он превосходил, например, А. А. Фукс и В. А. Сбоева), с другой стороны, несравнимо высоким уровнем образования, в чем уступал ему С. М. Михайлов, талантливый самоучка, не прерывавший связей с родным краем.

При изучении народного быта В. К. Магницкий использовал источники разного характера. Надо заметить, что он не стремился к объемным сочинениям, а очень часто ограничивался заметками в газеты, добросовестным заполнением вопросников, приведением всех имеющихся на этот счет данных. Пространные ответы на вопросники, сочинения по их сюжетам направлял в различные научные общества (РГО, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, отдел антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей при том же университете, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и др.). Вместе с тем не вся накопленная им информация соответствующим образом обработана или опубликована.

Сбор материалов по общественному и семейному быту, внутренней жизни семьи, деревни, описание норм и стереотипов поведения требуют продолжительного квалифицированного их изучения. Существенную долю использованных Магницким

данных — а они были получены «из первых рук» — составляют личные наблюдения и впечатления. Постоянные контакты с чувашами, частые разъезды, и не только по служебным делам, позволяли ему накапливать ценные и достоверные сведения. В его публикациях, не говоря уже о черновых записках, касающихся быта крестьян, часто встречаются такие замечания, как «мне довелось лично видеть», «по моим наблюдениям» и т. д. Биографы Магницкого отмечали, что у него были хорошо налаженные контакты с простыми людьми. Известно, например, что в с. Шуматове к нему, старосте церкви, обращались просто по имени-отчеству, без добавления общепринятой фразы «ваше превосходительство»[2]. Личные связи, доверительные беседы позволяли ему получать такие сведения, в частности, по семейному быту, которые «закрыты» для постороннего человека.

С самого начала исследовательской работы В. К. Магницкий наладил целенаправленную переписку с грамотными крестьянами, учителями, священнослужителями. Что важно отметить, к своим корреспондентам он подходил дифференцированно, с учетом их образовательного уровня и социального положения. Так, по просьбе Магницкого крестьянин А. Егоров из д. Маслово Чебоксарского уезда предоставил свой «дневник», в котором фиксировал более или менее значительные деревенские события. Гораздо более сложные задачи ставил В. К. Магницкий, к примеру, перед священником Н. В. Смеловским, пространные письма-сообщения которого в полтора десятка страниц большого формата (объемом в 0,85—1,0 авторских листа), как правило, начинаются любезным обращением «Добрый племянник». Отдельные части в них нередко пронумерованы, являются ответами на тот или иной конкретный вопрос, в частности, о семейно-брачных отношениях, быте, религиозных воззрениях чувашей, причем они не всегда связаны какой-либо одной узкой тематикой. Можно предполагать, В. К. Магницкий просил Смеловского выяснять довольно непростые, если не сказать дотошные, требующие специального изучения, вопросы. Это видно из ответов Смеловского, писавшего в одной из своих корреспонденций с изложением брачных норм и запретов: «Легко предлагать вопросы, отвечать-то только трудно, а, пожалуй, частенько и не найдется что отвечать»[3]. Нередко сообщения, по признанию самого Смеловского, превращались в «очерки» (кстати, писал он их в течение 10—15 дней)[4]. Фрагменты из писем Н. В. Смеловского и Н. А. Архангельского, как надежных корреспондентов, В. К. Магницкий включал в свои статьи практически без исправлений. Он всегда указывал респондента, что позволяет соотносить факты с конкретной территорией (вплоть до деревни).

Другой круг источников — это материалы следственной практики. Мирские сходы и волостные суды действовали в основном по нормам обычного права. В официальном судопроизвод-

стве Магницкому как до судебной реформы 1864 г., так и после нее приходилось сталкиваться с расхождениями между требованиями закона и нормами обычного права, правосознанием населения, нередко не понимавшего состава проступка или преступления. В. К. Магницкий, состоявший членом Казанского юридического общества, был знаком с программами научных обществ, рассылавшимися для сбора сведений о «юридическом быте». Ориентируясь на них, он накопил большой объем материала, сам написал несколько интересных работ. Из них прежде всего следует отметить неопубликованный «Этнографический очерк преступлений и проступков во втором (следственном) участке Чебоксарского уезда»[5]. Обработав текущую судебную статистику, Магницкий систематизировал «преступления и проступки», совершенные населением этого следственного участка. Работа состоит из 10 разделов. В них в основном обобщены те «проступки», которые в соответствии с действовавшим законодательством квалифицировались как правонарушения. Однако, вряд ли можно назвать этнографическими разделы «Преступления государственные», «Преступления против порядка управления», «Ослушание власти», «Присвоение власти». В них приведены единичные факты соответствующих правонарушений. Для изучения общественного быта чувашей особый интерес представляют разделы «Преступления против постановлений по службе государственной и общественной», «Преступления против имущества и доходов казны», «Преступления против общественного благоустройства и благочиния», «Преступления против прав семейственных».

В. К. Магницкий привлекал церковные документы. Так, для написания статьи о статистике браков в 1866 г. он обработал книги брачных обысков Шуматовской церкви за 1803—1806 гг., 1841 г., 1847 — 1857 гг., 1884—1886 гг., обследовал всего данные о 491 обвенчанной паре[6]. Только подсчеты занимают 16 листов большого формата[7]. Но материалы такого рода источников, относящихся к небольшой округе, он экстраполировал на чувашей вообще, чего в других работах, написанных по полевым данным, он не делал. Выписанные сведения из ревизских сказок 1748 г. также относятся к небольшой территории.

Сочинения предшественников, собственные материалы, сообщения корреспондентов — вот круг источников, которые легли в основу работ В. К. Магницкого об общественном и семейном быте чувашей.

Исследовательский интерес В. К. Магницкого к этой области начался в 1863 г., когда он приступил к работе в качестве следователя Чебоксарского уезда, т. е. после объявления крестьянской реформы. В общем русле повышенного интереса научной общественности России к общине Магницкий не мог пройти мимо нее. Для ясности мы считаем необходимым обратить внимание на некоторые особенности в условиях чуваш-

ской деревни, в которых Магницкий стремился разобраться. Известно, что общины некоторых соседних народов (русских, татар) были простыми, т. е. включали одно селение[8]. Наряду с ними встречались и раздельные общины как следствие владения до реформы частями одного и того же населенного пункта разными помещиками: бывшие крепостные одного помещика составляли свою общину, другого — вторую и т. д. Так, в с. Беловолжское (Богородское) Чебоксарского уезда, в котором проживал В. К. Магницкий, согласно X ревизии (1858 г.) насчитывался 361 чел. обоего пола, после реформы оно делилось на 5 раздельных общин[9].

В родной для Магницкого Шуматовской общине Ядринского уезда было 41 поселение[10]. Встречались и такие примеры, когда деревня дробилась в составе двух и более общин. В частности, в общине № 16 Убеевской волости Ядринского уезда не было ни одного цельного селения, в нее входили только отдельные части нескольких деревень, другие части находились в иных общинах[11]. В структурном плане относительно крупной единицей после распада патронимии исторически выступала деревня. Далее шла община, которая в отдаленном прошлом, если быть точнее, в средневековье, объединяла несколько родственных деревень, в т. ч. материнскую и дочерние. В XIX в. главная роль в соблюдении традиционных норм стала принадлежать отдельному селению. В общественной и культовой практике община постепенно перестала выступать как основное ядро.

Следует отметить, что один из каналов закрепления единства общины проходил через коллективные языческие моления, тогда как территориальная структура с церковными приходами, установленная после христианизации, не всегда учитывала общинные границы, что в итоге приводило к ломке общинных норм. В XIX в. община в целом утратила многие прерогативы, особенно в духовной сфере: корреспонденты Магницкого сообщали главным образом об односельских коллективных молениях[12]. Таковыми были *сумăр чук* — моление о дожде с жертвоприношениями и ритуальными омовениями — купанием в пруду, моление киремети и др. Материалы Магницкого позволяют выявить весьма архаичные проявления былой организации духовной (обрядовой) жизни деревни (околодка). В частности, привлекает внимание запись в «дневнике» А. Егорова о молении киремети в д. Маслово в начале 1870-х гг. Его организаторами являлись 4 близкородственные семьи («у кого находилась киреметь»), их доля в жертвоприношениях была выше, чем у других семей: по одной овце, гусю, утке и т. д.; вклад следующей группы, состоявшей из 8 дальнеродственных первым семей, несколько уступал первым: по одному гусю, утке и т. п., затем — остальные 36 дворов. Наравне с последними участвовали 5 семей из другой деревни, родственных первой группе. Данный факт показывает, что не только деревни *ял,*

но и околодки вместе с материнскими селениями имели самостоятельные культовые объекты.

Материалы свидетельствуют о том, что деревня контролировала за участием в общих обрядах всех семей (не исключался и персональный контроль) в соответствии с их статусом и положенными ролями, наказывая в случае нарушения или стремления избежать их[13].

В материалах В. К. Магницкого представлена обширная информация об общинной деятельности. В частности, он стремился осветить такие вопросы, как низовая структура руководства общиной, роль должностных лиц, их отношение к традиционным мероприятиям и т. п.

В XIX — начале XX вв. община у чувашей выступала прежде всего как административно-фискальная единица, а селение как хранящая и воспроизводящая соционормативную культуру на традиционно-бытовом уровне, контролирующая и за ее соблюдением. На этом этапе *«ял»* (букв. деревня) в смысле мир, народ осознавалась крестьянами как ведущая инстанция и судья, и это восприятие относилось уже не к общине в целом, как это было раньше, а к селению.

Известно, что община в целом была связана круговой порукой всех ее членов. В условиях Чувашии подати и повинности распространялись и раскладывались по деревням, входившим в общину, на сходе выборных. Магницкий зафиксировал, что для руководства общиной и селением чуваши выбирали не только предусмотренных законом лиц, но и, в дополнении к ним, в «своем околодке выбирают еще нечто вроде помощника сельского старосты — деревенского начальника — волоскового и погоняльщиков в помощь плательщикам (сборщикам податей). Выбор этих лиц обусловливается у них тем обстоятельством, что деревни их нередко состоят из 10—12 самостоятельных околодков, отстоящих один от другого на значительном расстоянии. О выборе волоскового и погоняльщиков — приговоров не составляется; и они к присяге не приводятся, но народ предоставляет им ту же власть, как и присяжным старостам и сборщикам»[14]. В данном пояснении существенное значение имеет следующее положение: под деревней Магницкий понимал сложную общину, а самостоятельные околодки — это отдельные населенные пункты *кас* или *ял*.

В черновиках Магницкого имеются сведения о помощниках сельских старост (волосковых или «добросовестных»). «Добросовестные в нашем (т. е. Чебоксарском.— *П. Ф.*) уезде выбираются в одном только 2-м мировом участке, по распространению бывшего 1-го мирового посредника Семунова, вырезавшего для добросовестных специальные печати»[15].

Что касается функций выборных лиц, то они не были достаточно последовательными. А. Егоров из д. Маслово (официально — околодок Масловка Воскресенской волости) приводил,

например, такие факты в связи с празднованием 26 апреля 1873 г. агатуя (массового праздника по окончании весеннего сева): «Накануне агатуя сельский староста собрал сход, объявил обществу, чтобы ему не жаловаться, что случится во время агатуя (напр., драку, грабеж, ссору, обиду и о блудовстве)»[16]. Далее он писал, что пьяные мужики передрались, порвали друг другу рубахи, считавшие себя пострадавшими обратились с жалобой к старосте. «Староста жалобу не принял ни от кого, говоря: «Я вас судить не могу. Если бы русский праздник (т. е. официальный, например, престольный.— *П. Ф.*), я судил бы. (Я рассудил бы). Наш — незаконный праздник. Как хотите, дело не мое»[17].

В данном случае при проведении несанкционированного властями традиционного мероприятия староста выступает как официальное лицо и категорически отказывается от контроля, соблюдения порядка. В то же время А. Егоров сообщал и об активной роли того же старосты при проведении языческих обрядов. В информации «Происшествие семыр чуга в 1873 году июня 14 дня» он отмечал: «По приказанию сельского старосты д. Масловки собрались все малолетние ребята и пошли по деревне» собирать крупу, яйца и т. п. для обрядовой трапезы во время проведения языческого обряда — моления о дожде.

По обычаю, после моления дети и молодежь должны были обливать друг друга водой. При этом обрядом было санкционировано усиленное обливание молодух. Одна из них, заявив, что ее уже облили, закрылась в избе. Ребята пожаловались старосте, от которого получили следующее распоряжение: «Староста им велел настоять на своем, чтобы как-нибудь облить ее водой, хоть дверь изломать да войти, вытащить ее на волю. Так и сделали. Изломали дверь, вытащили ее наружу. И была облита водой. Этого мало. Взяли с нее рубаху, штаны, лапти, онучи, бросили в воду, т. е. в пруд, где варили кашу»[18] (точнее, на берегу которого варили кашу).

Не менее характерен и другой случай, когда сельский староста опять-таки выступал в качестве руководителя традиционного обряда. Описывая обряд опахивания деревни для отведения угрозы эпизоотии, проведенного в той же деревне Масловка, в «Этнографических набросках (Дополнение к этнографическому очерку преступлений и проступков во 2-м следственном участке Чебоксарского уезда)» Магницкий писал: «По наряду старосты собираются по деревне все взрослые девицы... Перед процессией сельский староста обходит все дома и приказывает огни потушить и на время процессии ставить вокруг деревни сторожей с строжайшим запрещением из оной никого не выпускать»[19].

Таким образом, выборный староста двояко проявлял свое отношение к общественным мероприятиям, проводимым всей деревней. В одном случае он относится негативно к празднику

агатую, уже практически утратившему дохристианское религиозное содержание. Вероятно, подобное отношение объясняется выпивками во время этого праздника, вызывающими неприятные последствия («драку, грабеж, ссору, обиду»). С другой стороны, очевидно включение данного лица в широкий круг обрядов, проводимых всей деревней. Известное отражение это нашло при проведении некоторых массовых обрядов, например, *сёрен*, в которых молодежь из своей среды выбирала основных действующих лиц, нарекая их при этом официально существовавшими должностями («староста», «пурмис», и т. п.)[20]. Однако мы не можем считать старосту только обрядовой фигурой, он является выборным лицом прежде всего с административными функциями. Можно констатировать, что при выборе старосты (и прочих должностных для работы в пределах селения лиц) чуваши учитывали их компетентность в повседневной и обрядовой жизни.

Из материалов Магницкого видно, что простые крестьяне неохотно соглашались быть выборными. Исполнение обязанностей и поручений, связанное с частыми поездками в волостную контору (нередко за десятки верст), серьезно мешало ведению хозяйства. Однако некоторые слои чувашской деревни находили выгоду в занятии этой должности. Если одни, чтобы не быть избранными, угощали односельчан водкой, другие, наоборот, поили, чтобы их выбирали[21]. Корреспонденты Магницкого, да и он сам, не пытаются анализировать такую ситуацию.

Хотя в распоряжении В. К. Магницкого имелись сообщения о коштанах, специфической прослойке крестьянства, выступавших в интересах зажиточных слоев, людей зачастую грамотных, кляузниках, привыкших и умевших общаться с низовыми звеньями царской чиновней администрации, имевших определенный вес в жизни деревни, тем не менее он не уделил им особого внимания. Здесь мы ограничимся только одним замечанием из потока информации о коштанах. Так, в неопубликованных «Этнографических набросках (Дополнение к этнографическому очерку преступлений и проступков...)» он зафиксировал, что возвращенные крестьянам бумаги, просьбы, приговоры сельских сходов, не имеющих силы, «всегда сохраняются у коштанов»[22].

Некоторый объем сведений касается регулирования хозяйственной жизни. Магницкий отмечает, что община занималась распределением сенокосных угодий[23]. Как известно, устанавливались единые сроки начала тех или иных работ. Этнографический материал свидетельствует, что начало сенокоса на общинных лугах определялось в целом по общине, а на сельских лугах — самой деревней. О начале взмета пара решало также отдельное селение. Пахать разрешалось только тогда, когда освобождалось место для пастьбы деревенского стада, как правило, это время наступало после уборки сена.

Несмотря на усиленное насаждение христианства, ряд предписаний традиционной религии, связанных с хозяйственной деятельностью, в пореформенной деревне продолжали соблюдать. Магницкий отмечает факт существования контроля за исполнением дохристианских норм: «Блюстителем исполнения последних... является мир (халых)», и называет это, будучи на первом этапе своей деятельности на официальных позициях чиновника юридического ведомства, самоуправством[24].

Один из прецедентов был связан, в частности, со старинным обычаем охранения земли — синзе. В период синзе, когда, по языческим представлениям чувашей, земля была беременной, запрещалось выполнять некоторые работы (копать землю, пахать), которые могли бы тревожить покой земли. Считалось, что нарушение запрета повлечет стихийные бедствия, неурожай. За соблюдением запрета строго следила прежде всего деревня, а за ней, в свою очередь, округа, не всегда состоявшая только из деревень, входящих в одну общину. В. К. Магницкий привел факт судебного разбирательства, когда истцом выступил нарушитель запрета, выехавший пахать во время синзе. Узнав об этом, односельчане направились «тотчас же в дом к виновнику на расправу, но тот успел скрыться, и они ограничились тем, что сняли со всех сох сошники и унесли с собой»[25]

Здесь, на наш взгляд, не исключен и такой вариант. Крестьянин, о котором идёт речь, начал пахать, когда сено с угодий деревни не было скошено, поэтому негде было пасти скот в случае, если распахать паровое поле. Он же, подняв свой участок, нарушил прежде всего общеустановленную норму. Обратившись к властям как пострадавший за самовольную выходку, наносящую ущерб селению, он вряд ли мог рассчитывать на поддержку, в то время как его поступок, связанный с нарушением нехристианского правила, мог быть оправдан. Полностью отрицать частичную рациональность запрета не пахать в дни синзе, когда свободных пастбищных угодий не хватало, скорее всего будет неверным.

Занятый практической следовательской работой, В. К. Магницкий больше внимания уделял юридической стороне общественного быта. Сразу следует отметить, что материалы Магницкого представляют большую ценность для изучения обычного права чувашей. Эта сторона творческого наследия исследователя нашла определенное отражение в литературе[26]. По долгу службы В. К. Магницкий считал необходимым обследовать прежде вопрос о регулировании общественной жизни селения. Она строилась с соблюдением норм обычного права. Ими были проникнуты почти все сферы народного бытия, в т. ч. производственная, обрядово-культовая, семейная и повседневно-бытовая. Подробнее остановимся на таком аспекте как охрана собственности. Одной из ее особенностей являлось активное включение селения в разбирательство при хищениях частного

или общественного имущества. Из материалов Магницкого можно сделать вывод о существовании и функционировании относительно четкой системы разбора и расправы. Особое значение придавалось формам наказания. Так, мелких воров, пойманных с поличными, наказывали сразу же на месте: вору на спину или на грудь вешали украденную вещь и с побоями и бранью его водили по улицам селения... Это было не только физическое, но и тяжелое моральное наказание. Иногда сельский сход (Магницкий назвал его «чувашским судом», учитывая, что самовольно без разрешения властей сход не должен был собираться) применял наказание розгами[27].

Для розыска украденного (пропажи) проводился подворный обыск в своей деревне. В случаях конокрадства при поиске по следам украденной лошади преследователи, дошедшие до другого селения, должны были остановиться. В чужом селении самостоятельно устраивать обыск или вести следствие не разрешалось, необходимо было созвать мужчин той деревни и вместе с ними продолжать расследование. Этим самым деревня, житель которой подозревался в краже, выступала как бы гарантом соблюдения законов (норм обычного права). Чтобы разрешить подозрение, она принимала равное участие в розыске и не позволяла иносельчанам самовольных действий на своей территории с целью предотвращения унижений и оскорблений жителей этой деревни. Считалось, что раскрытие преступления, совершенного жителями своего селения,— это прежде всего дело той деревни, где живет или может жить подозреваемый.

Факты нарушения среди односельчан, подозрения рассматривались на сходе. При разборе, как не раз отмечается в трудах и архивных материалах В. К. Магницкого, потерпевший и обвиняемый (или подозреваемые) должны были принимать присягу. Для доказательства своей правоты, честности нужно было поднять с земли соломинку или лучинку и разгрызть ее. В материалах описывается также случай, когда с земли поднимали сухой прутик, зубами разгрызали его, приговаривая при этом: «Сяк патак бек хордар»[28] (пусть иссохнет, как этот прутик). Это означало, что если участвующие в присяге лица будут говорить неправду, то они высохнут как соломинка, лучинка, прутик (заболеют и в муках умрут). Иногда клялись хлебом-солью: при этом съедали кусочек обмакнутого в соль хлеба[29].

В некоторых случаях вопросы дознания разрешались с помощью духовенства и церкви. Так, при подозрении в убийстве по соглашению со священником приводили обвиняемого в церковь, где находилось тело убитого. В данном случае использовалось поверие чувашей о том, что если к телу убитого подвести убийцу, то из раны потечет кровь. Более того, некоторые священники настаивали, чтобы судебные следователи в своей практике также опирались на это поверие. Такие факты

были известны Магницкому из его непосредственных наблюдений[30].

Материал, собранный и обработанный Магницким, показывает, что под контролем общественного мнения находилось соблюдение традиций, норм, стереотипов в семейно-брачных отношениях. Семейному быту он посвятил несколько работ. В частности, один из трудов по данной теме, а именно «Очерк юридического быта», был написан в то время, когда он работал следователем. Таким образом, исследовательский интерес совпал с профессиональным интересом. Из наблюдений В. К. Магницкого следует, что во второй половине XIX в. большие патриархальные семьи у чувашей уже не были характерными. «Чувашскую семью, состоящую из двух, трех женатых, неразделенных сыновей,— писал он,— можно встретить как редкость»[31].

По его данным, при выделе четких норм, а именно, чем наделять вновь образовавшуюся семью, не существовало. «В благоустроенной семье выделяющемуся сыну строят общими силами дом, с необходимыми при нем службами, неподалеку от родительского — в старину на самом дворе, и снабжают необходимым скотом, возвращая приданный с приплодом»[32]. Важно отметить, что, излагая фактический материал, Магницкий стремился в некоторой степени осветить вопрос в динамике, сравнивать с прошлым («в старину»). Думается, однако, что его утверждение «с необходимыми ... службами» не совсем верно. Выделившаяся семья первоначально могла быть обеспечена жилым домом и некоторыми хозяйственными постройками (например, хлевом). Многое же — амбар, конюшню, сарай для хранения инвентаря и т. п.— приходилось возводить впоследствии в основном своими силами, в течение 10—15 лет и более.

Причину разделов и выделов Магницкий видел прежде всего в личностных мотивах: «Обыкновенно выдел женатого сына бывает у них тем скорее, чем сварливее мать и жена сына», но в то же время отметил, что «живет и распадается чувашская семья непроизвольно, в силу социальных и физических законов природы»[33]. Смысл последней фразы не совсем ясен, в частности, он оставил без объяснения, что он подразумевал под социальными законами природы.

Магницкий вкратце описал внутрисемейные отношения. Он отметил, что внешне-распорядительные функции принадлежали отцу, а внутренняя власть — контрольно-исполнительная — матери[34]. Собственность семьи являлась коллективной, однако Магницкий посредством длительных наблюдений пришел к мнению, что женщины имели и личную собственность. «Заработки женщин — от продажи холста, ниток, масла и проч. составляют их неотъемлемую собственность и идет на удовлетворение их женских нужд: наряды, приданое и пр.»[35].

Данное высказывание требует некоторого уточнения. Хотя

выручка от продажи, в частности, масла как продукта привнесенной живности, считалась собственностью женщин, необходимо учитывать, что корм для скота получали с надела мужа, сына. Лен или коноплю возделывали на надельной земле, изделиями из них (холст, нитки и пр.) распоряжались производители, т. е. женщины. Таким образом, в вопросе о собственности и расходах по традиции признавались личные потребности женщин, которым предоставлялась возможность самим выбирать необходимый товар и самостоятельно расходовать прибыль, точнее, некоторую сумму.

В. К. Магницкий установил, что из сыновей не выделялся младший: «За редким исключением, остается в отцовском доме, который и наследует по смерти родителей»[36] (обратим внимание на некатегоричность формулировки «за редким исключением»). «Все разделы и наследования,— говорится в «Очерке юридического быта»,— у чуваш совершаются без всяких письменных актов, последние составляются очень редко, в исключительных случаях, с целью закрепить наследство за непрямыми наследниками, приемышами, незаконнорожденными... Имущество сирот, если у них осталось после родителей, поступает к тем лицам, у которых они живут»[37].

Одним из сложных и запутанных вопросов для Магницкого и Смелова оказался брачный возраст. Привыкший в официальных делах следовать письменным документам, Магницкий слишком доверял им, возводя данные этих источников чуть ли не в абсолют. Ему потребовалось определенное время, чтобы разобраться в реальной ситуации, когда он стал подходить к ним критически, в особенности к церковным записям. Вероятно, полностью приняв за истину метрические записи и книги брачных обысков, которые велись священнослужителями, он пытался опровергнуть выводы В. А. Сбоева. В работе этого исследователя «Заметки о чувашах» отмечалось, что у чувашей женихи бывали моложе своих невест. При этом он уточнял, что такое бытовало «до обнародования ныне действующего узаконения о летах»[38]. Кстати, работа Сбоева была написана на сорок с лишним лет раньше того времени, когда Магницкий занялся изучением статистики браков. Магницкому же приходилось в основном оперировать фактами, относящимися ко второй половине XIX в., ибо его попытка углубиться в первую половину столетия оказалась безуспешной: «Не мог извлечь сведений по поставленным вопросам за неудовлетворительностью записей»[39]. Тем не менее единичные факты он сумел получить.

О брачном возрасте чувашей Магницкий писал следующее: «Цифровые данные наглядно показывают, что сообщения В. А. Сбоева, будто чувашлята женятся в самой ранней юности, лишено фактического основания... По приведенным цифровым данным нормальный возраст для женихов у чуваш 22 года,

а невест — 24, случаи же женитьбы пятнадцатилетних мальчиков на 30-летних девицах и в прежнее время, несомненно, были исключительными. Подобные случаи были и в Шуматовском приходе: так, в книге брачных обысков за 1804 год я нашел случай женитьбы 17-летнего юноши на 25-летней девушке»[40]. Из составленных Магницким таблиц видно, что из 451 брака, первого и для жениха и для невесты, в 139 случаях, что составляет 28,6%, т. е. каждый четвертый брак, невеста старше жениха от 1 года до 13 лет.

При рассмотрении брачного возраста В. К. Магницкий проявил свое недопонимание реальной ситуации. После выхода статьи «Этнографическо-статистические данные о браках чуваш» на допущенные ошибки обратили внимание его корреспонденты — компетентные в этом вопросе лица из числа священнослужителей. По их признаниям, когда вступали в брак лица, не достигшие официально установленного возраста, родители могли уговорить священника (возможно, за мзду), чтобы тот согласился совершить венчание позднее — по достижению ими совершеннолетия. В одной из своих работ Магницкий, ссылаясь на письмо священника Тобурдановского и Норвашского приходов (Цивильский уезд), приводил следующий факт: «Практиковалось так: придут отцы малолетних к священнику, отдадут деньги за свадьбу, справят по-чувашски и самую свадьбу, и живут малолетние невенчанными. А как исполнятся года, придут в церковь и без всяких церемоний повенчаются». Далее эти данные он уточнял показаниями Смеловского: «Дети, родившиеся от таких сожительств, записывались в «метрики» уже после венчания»[41].

Однако Магницкий являл собой пример исследователя, стремившегося к объективности в освещении этнографического материала. Так было и на этот раз. Свое заблуждение в вопросе о брачном возрасте Магницкий принял: «Признаюсь: сущность данного явления я не понимал до дебатов в Казанском обществе археологии, истории и этнографии, вызванных моим сообщением «Этнографическо-статистические данные о браках чуваш в Казанской губернии», в которой я, опираясь на просмотренные мной «Метрические записи» и «Книги брачных обысков», попытался заподозрить достоверность сообщения В. А. Сбоева. После напечатания... сообщения я получил... разъяснение практиковавшихся в данном случае приемов записей браков»...[42] Это высказывание содержится в работе, опубликованной лишь через 18 лет после его кончины.

Выбор брачного партнера был связан с соблюдением ряда запретов. Магницкий, обобщив имевшиеся в литературе сведения и дополнив выявленным им самим материалом, показал, что у чувашей существовали детализированные нормы выбора супругов. «Чуваши степени родства считают и простирают далее назначенной уставами церкви и нормы»[43],— отмечал Магницкий.

В то же время причины их проявления и бытования он не сумел достаточно четко объяснить, хотя его предшественниками (А. А. Фукс, В. А. Сбоевым, С. М. Михайловым) частично это было сделано. Препятствия Магницкий усматривал только по одной линии — материнской, их возможность и наличие по отцовской линии он не упоминает. Смеловский писал: «Степени — сыбык — родства у чуваш соблюдается строго»[44], однако сам остановился только на одном моменте — запрете на женитьбу на девушке из деревни, откуда вышла замуж мать жениха. Для иллюстрации Смеловский привел пример с неким (скорее, условным) Сергеем: «Для Сергея,— пишет он,— братья матери дяди — кокки, кокази, и для сверстников однодеревенцев Сергея эти и братья, и дядья тож кокки, коггази, коггами»[45], потому ни этот юноша, ни его сверстники-односельчане, по его мнению, жениться на девушках той деревни не могли. На самом деле такой запрет был действителен для Сергея и его братьев, но отнюдь не для всех односельчан. Если бы такое табу существовало, то слишком был бы широк для одной деревни круг селений, запретных для брака. Через некоторое время Магницкий уточнял: «Грехом у чуваш считалось брать невест... из той, из которой вышла замуж мать жениха»[46].

Представляется необходимым разобраться еще в одной путанице: «В Чебоксарском уезде, по словам священника села Кошек В. Я. Смелова, у чуваш считается счастливым выход невест в замужество «м а л а л л а» (вперед), а несчастливым — «к а я л л а» (назад). Направление «малалла» считается на восток от деревни, а «каялла»— к г. Чебоксарам. В Цивильском уезде, по словам того же о. Смелова, направление «малалла» и «каялла» считают по отношению к р. Суре»[47]. Что касается сторон света, то тут ошибок нет: восток малалла, запад — каялла. Скорее всего, следовало бы указать не Цивильский, а Ядринский уезд, так как относительно Цивильского уезда р. Сура слишком далека, чтобы фигурировать в качестве ориентира. И еще. Как неоднократно отмечали наши информаторы, выражения «малалла юрать, каялла юрамасть», («вперед можно, назад нельзя»), или «майăн юрать, хирĕç юрамасть» («в лад можно, не в лад нельзя») означают, что можно выдавать в ту деревню, куда уже вышла замуж сестра девушки (это будет «малалла» или «май»), но нельзя выходить в ту деревню, откуда родом мать (так как было бы «каялла» или «хирĕç»)[48]. Это, по нашему мнению, нисколько не связано со сторонами света.

Ссылаясь на церковные записи середины — второй половины XIX в., Магницкий утверждал, «что указание г-жи Фукс и С. М. Михайлова, будто у чувашей считается грехом брать невест из своей деревни, несправедливо»[49]. По его материалам, из 430 браков, первых для обоих супругов, 30 были заключены между односельчанами[50], что составляло менее 7%. Известно,

что родство до седьмой степени включительно у чувашей являлось препятствием к браку. Разумеется, в маленькой деревеньке многие односельчане могли доводиться друг другу родственниками по мужской линии. Фукс и Михайлов указывали на бытование народной памяти о запрете на брак между односельчанами, не отрицая возможности таковых. А для Магницкого в некоторых случаях при исследовании того или иного вопроса достаточно было одного прецедента для категорического отрицания. Однако, в одном случае, например, по поводу возраста жениха, несмотря на прецедент, он отрицает Сбоева, а в другом, где речь идет о локализации брачных партнеров, не пытается проследить изменение традиций в силу изменившихся условий, без учета последних необоснованно опровергает предшественников.

Значительное внимание уделил Магницкий изучению свадебной обрядности[51]. Не углубляясь в рассмотрение данного вопроса, отметим только некоторые слабые места, имеющиеся в работах В. К. Магницкого. Данные о свадебном обряде чувашей, скомпонованные по трем уездам, хотя и поданы им с указанием локальных отличий, тем не менее ареальные различия четко, комплексно не систематизированы. Этот недостаток можно объяснить неразработанностью в то время методов картографирования (как известно, одним из первых преимущество этого метода понял Д. К. Зеленин). В ряде случаев Магницкий допустил неточности или не разобрался (например, в функциях таких свадебных чинов, как *туй пуçĕ*—распорядитель свадьбы и *хăйматлăх* — посаженый отец).

Описывая свадебную обрядность, Магницкий зафиксировал, что калым («холым») отцом невесты тратится как на изготовление недостающего ей приданого, так и на справление брачного пиршества. В состав приданого, кроме одежды и украшений, входили «лошадь (лаша), или, по бедности, жеребенок (тиха), корова (инэ), несколько овец (сурых)», а «холым бывает от 3 до 500 р. сер., и соизмеряется с количеством и качеством приданого (ябала)»[52]. Он ошибочно считал, что холым является денежной платой за невесту.

В оценке нравственных норм чувашей в некоторых случаях В. К. Магницкий оказался также не на высоте. Так, он утверждал, что «чуваши беременными невестами мало гнушаются, потому что холым за них не платится, роды на другой или третий день после брака у них не редкость»[53]. Исключительные случаи, возможно, бывали, однако никто из серьезных исследователей ни до него, ни после подобные факты не приводил.

При публикации молодежных песен д. Маслова (а им приведены всего три текста в переводе на русский язык) он пропустил в печать, мягко говоря, вульгарный вариант одной песни, оставив некоторые места на чувашском[54]. Между тем в

широко распространенном у чувашей анат енчи варианте этой песни говорится о том, что девушка не должна показывать свою симпатию к юноше. Не совсем четко изложен вопрос о знакомстве брачных партнеров. Так, в одной из работ Магницкий писал, что молодые (жених и невеста) впервые видели друг друга только после сватовства: «Чувашские ярмарки в их быту имеют огромное значение: на них чувашская молодежь, не участвующая в сватовстве невест, знакомится с своими будущими супругами жизни»[55]. В другой же отмечал, что на «хир поххи» (молодежных праздниках), ярмарках и базарах «молодежь знакомится для будущих супружеских связей»; во время сватовства «хир тобакан» (сваха) находила возможность ненароком выгадывать у невесты, нравится ли ей жених[56].

Описание свадьбы изобилует пространными цитатами из книг А. А. Фукс и В. А. Сбоева (в сущности, основная работа о свадьбе относится к раннему периоду исследовательской деятельности Магницкого).

Информация, собранная В. К. Магницким о других семейных обрядах и праздниках, менее богата.

Изучение творческого наследия Магницкого показывает, что им зафиксирован и впервые введен в научный оборот ценный и богатый фактический материал об общественно-семейных отношениях чувашей, сделана попытка осмыслить их. В целом его материалы и сочинения представляют большой интерес для изучения развития соционормативной и духовной культуры чувашского народа.

Литература и источники

[1] *Фукс А. А. Записки...* о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840; *Сбоев В. А.* Исследования об инородцах Казанской губернии, ч. 1. Заметки о чувашах. Казань, 1851; *Михайлов С. М.* Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853.

[2] *Никольский Н. В.* Биография В. К. Магницкого.— ИОАИЭ. Казань, 1919, т. 30, вып. 2, с. 241.

[3] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 8, л. 87 (об.).

[4] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 8, л. 88.

[5] Мы пользовались списком, хранящимся в НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 517, инв. № 5666.

[6] *Магницкий В. К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии.— ИОАИЭ. Казань, 1891, т. 10, вып. 2. Нами использован отд. отт.: Казань, 1891.

[7] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 18, л. 175—216.

[8] *Воробьев Н. И.* Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953, с. 64.

[9] Крестьянское землевладение Казанской губернии, вып. 7. Чебоксарский уезд. Казань, 1907, с. 22—25.

[10] Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985, с. 152—153.

[11] Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань, 1896, с. 64, 363.

[12] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 1, л. 140—160.

[13] См., напр.: Там же, л. 149—149(об.).

[14] НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. № 5666, л. 15.
[15] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 10, л. 177.
[16] Там же, д. 1, л. 147. Околодок Масловка в описываемое время входил в сложную общину. См.: Крестьянское землевладение Казанской губернии, с. 18—21.
[17] Там же.
[18] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 10, л. 149—149 (об.).
[19] Там же, л. 182.
[20] Тимофеев Г. Т. Тăхăръял (Сĕве тăршшĕнчи чăвашсем). Этнографи очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ. Шупашкар, 1972, с. 231.
[21] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 18, л. 33—35 (об.).
[22] Там же, д. 10, л. 177 (об.).
[23] НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. № 5666, л. 71—72.
[24] Там же, л. 33.
[25] Там же, л. 33—34. См. также: Из Казанской губернии.— Русские ведомости, 1868, № 9.
[26] См., напр.: *Фокин П. П.* Обычное право чувашей в трудах В. К. Магницкого.— В кн.: Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары, 1981; *Денисова Н. П.* Обычное право чувашской крестьянской общины.— В кн.: Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары, 1987.
[27] НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. № 5666, л. 86; *Магницкий В. К.* Курьез из-за присяги, случившейся с чувашиным.— Голос, 1871, № 189.
[28] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 18, л. 35 (об.).
[29] НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. № 5666, л. 99.
[30] *Магницкий В. К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Казань, 1888, с. 17.
[31] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1868, № 93.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. № 5666, л. 162.
[37] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1868, № 93.
[38] *Сбоев В. А.* Указ. соч., с. 26—27.
[39] *Магницкий В. К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш.., с. 2—3. Первоначально работу он хотел озаглавить так: «Статистико-исторические данные о браках чуваш» (См.: ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 18, л. 175) или «Статистические записки о браках чуваш» (Там же, л. 204).
[40] *Магницкий В. К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш, с. 6.
[41] *Магницкий В. К.* Из быта чуваш Казанской губернии (Ирихи. Киремети. Браки).— Этнографическое обозрение. М., 1893, № 3, кн. 18, с. 136.
[42] *Магницкий В. К.* Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (по архивным документам).— ИОАИЭ, Казань, 1919, т. 30, вып. 2, с. 292.
[43] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1868, № 86.
[44] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1868, № 87.
[45] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 8, л. 80 (об.).
[46] Там же.
[47] *Магницкий В. К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш, с. 9.
[48] Полевые записи автора, 1986, дер. Бишево Урмарского р-на Чувашской АССР.
[49] *Магницкий В. К.* Этнографическо-статистические данные о браках чуваш, с. 9.

[50] Там же. См. кроме того: ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 18, л. 175—216.
[51] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1868, № 85—89.
[52] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1868, № 86.
[53] Там же, № 87.
[54] *Магницкий В. К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде, с. 98.
[55] *Магницкий В. К.* Беловолжская ярмарка.— Казанские губернские ведомости, 1873, № 60.
[56] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1866, № 86.

ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ В ТРУДАХ В. К. МАГНИЦКОГО

Н. П. ДЕНИСОВА

В. К. Магницкий внес значительный вклад в изучение религии чувашского народа. Благодаря уникальным описаниям религиозных верований и обрядов его труды не утратили своего значения и в наши дни. Научное наследие В. К. Магницкого в этой области — свыше двадцати работ, посвященных различным религиозным вопросам, и богатейший архив — далеко не полностью изучено.

Проблемы религии в трудах В. К. Магницкого получили разностороннее освещение, но особенно ценным было предпринятое им изучение религии в историко-этнографическом плане. В. К. Магницкий собрал и опубликовал материалы о дохристианской религии чувашей, попытался реконструировать систему традиционных обрядов и представлений чувашского народа. Этому был посвящен наиболее крупный его труд — «Материалы к объяснению старой чувашской веры», получивший широкую известность.

На протяжении всей своей творческой деятельности В. К. Магницкий тщательно фиксировал сведения из религиозно-обрядовой жизни чувашей и других народов Волго-Вятского края. Наряду с исследованием «старой чувашской веры» Магницкий также касался вопросов о влиянии религии на обычное право, взаимосвязи религии и мифологии, собирал обрядовый фольклор, занимался составлением музейных коллекций из предметов религиозного культа, публиковал заметки к вопросу о христианизации и значении религиозно-нравственного воспитания в просвещении чувашей.

В беловолжский период круг интересов начинающего ученого был необычно широк, но особое его внимание привлекали обычаи, обряды и верования чувашей, народные предания, заговоры, обрядовый фольклор. По многочисленным статьям В. К. Магницкого в периодической печати 1860—1870 гг. можно проследить, как шло постепенное собирание сведений, положенных затем в основу книги «Материалы в объяснению старой чувашской веры».

Уже в статьях 1867—1869 гг., опубликованных в «Казанских губернских ведомостях», «Русских ведомостях» и других перио-

дических изданиях, В. К. Магницкий описывал чувашские праздники и обряды: Новый год, семик, *уй чӳкĕ, мăн чӳк; çинçе, сĕрен, калăм кун, автан сăри* и пр.[1]

Его собирательская деятельность приобретает отвечающий научным требованиям целенаправленный, систематический характер после установления связей с РГО и получения специальных этнографических программ. В 1870 г. В. К. Магницкий направляет несколько рукописей в Русское географическое общество. Среди них наиболее значительная работа — «Этнографический очерк преступлений и проступков во 2-ом следственном участке Чебоксарского уезда». Один из разделов — «Преступления против веры» — содержит описание некоторых дохристианских культов и представлений чувашей: приводятся сведения о различных жертвоприношениях, киреметях, синсе, материалы о мусульманской пропаганде, отмечаются случаи святотатства, в том числе и со стороны православного духовенства. Там же имеются очень интересные данные об охранительных обрядах русских и чувашей (обычай ставить при падежах скота и эпидемиях «железную городьбу» — производить ритуальное опахивание селений; надевать на корову хомут, чтобы защитить ее во время эпизоотий от болезней и т. д.). В. К. Магницкий дает детальное описание и некоторых очистительных церемоний — прогона скота через ритуальный огонь, добытый трением, и земляные ворота. Примечательно участие в этих древних архаических обрядах православного духовенства, служившего молебен, что придавало всему действию сложный, синкретический характер.

Материалы к этой работе В. К. Магницкий собирал, по-видимому, по программе для сбора сведений о народном юридическом быте Н. В. Калачова, составленной в 1864 г. совместно с Г. А. Мулловым и напечатанной в 1866 г. во всех губернских газетах, в том числе и в «Казанских губернских ведомостях», где сотрудничал Магницкий. В его архиве имеется письмо священника В. Я. Смелова, в котором содержатся ответы на вопросы программы, высланной ему Магницким[2].

Рукопись «Этнографический очерк преступлений и проступков...» получила два положительных отзыва. Один из них был написан известным юристом Г. А. Мулловым. Рецензенты отметили содержательность материалов, представленных в статье, но вместе с тем указали на недостаточную четкость плана и задачи работы[3].

Известный этнограф Е. И. Якушкин в своей статье[4] использовал сведения из публикаций В. К. Магницкого. Последний затем вновь обратился к вопросу о воздействии религии на нормы обычного права чувашей, дополняя и уточняя материал, приведенный Якушкиным, опубликовал заметку[5].

Некоторые факты, собранные В. К. Магницким в связи с изучением вопроса о влиянии религии на обычное право, позд-

МАТЕРІАЛЫ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ

СТАРОЙ ЧУВАШСКОЙ ВѢРЫ.

СОБРАНЫ

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТНОСТЯХЪ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ

В. МАГНИТСКИМЪ,

Членомъ-сотрудникомъ Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Изданіе Комиссіи Миссіонерскаго противомусульманскаго Сборника при Казанской Духовной Академіи.

КАЗАНЬ

Типографія Императорскаго Университета

1881.

Титульный лист книги В. К. Магницкого.

нее будут использованы в книге «Материалы к объяснению старой чувашской веры».

Интерес к вопросам религии чувашей усилился у Магницкого после знакомства с Н. И. Золотницким, состоявшегося в 1874 г. Как известно, В. К. Магницкий считал себя учеником Н. И. Золотницкого, был продолжателем его начинаний. В приложениях к «Корневому чувашско-русскому словарю» Золотницкого содержится анализ чувашских молитв, названий богов, некоторых обрядов, сопоставление сибирских шаманов и чувашских йомзей. Н. И. Золотницкий впервые стал изучать религию чувашей в сравнении с религиозными системами других тюркских народов, финно-угров, славян.

Сюжеты, поднятые Н. И. Золотницким, привлекали и Магницкого. Уже в 1874—1875 гг. Н. И. Золотницкий был знаком с одним из рукописных вариантов статьи В. К. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры», положен-

ной затем в основу одноименной книги. В октябре 1876 г. в Казани, на заседании Отдела антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей он организовал обсуждение доклада В. К. Магницкого «О жертвенных приношениях чуваш», посвященного описанию поклонения киремети и йерехам[6].

Рукопись книги «Материалы к объяснению...», за исключением переводов чувашских текстов, была закончена В. К. Магницким в начале 1877 г. и представлена через Н. И. Золотницкого на IV Археологический съезд в г. Казани (1881 г.). В предисловии к книге В. К. Магницкий выражает благодарность своему учителю, пишет: «Н. И. Золотницким сделан для меня перевод значительной части вошедших в «Материалы» чувашских молитв и объяснено значение отдельных старинных чувашских слов, кроме того, я щедро пользовался от него советами и указанием источников, благодаря чему рукопись разрослась до непредвиденных размеров»[7].

Представительный IV Археологический съезд в г. Казани, собравший ведущих востоковедов, этнографов и историков России, выработал широкую программу, положенную в основу деятельности образованного после съезда Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В программе съезда были сформулированы важнейшие вопросы, предложенные на обсуждение, в том числе и по изучению религиозного быта[8].

Василий Константинович был приглашен на съезд, но из-за служебных обязанностей присутствовать на нем не мог. Доклад о рукописи его книги на тему «О шаманской или старой чувашской вере» был сделан Н. И. Золотницким. Представляя работу на заседании по Отделению восточных древностей, Золотницкий указал, что она дает описание чувашской религии в сопоставлении с верованиями марийцев, татар и русских. Отмечая как недостаток «не вполне научную обработку», он вместе с тем подчеркнул, что «Материалы» представляют так много интересного для этнологии и археологии здешнего края, что умолчать об их достоинстве перед собранием представителей науки... было бы недобросовестным»[9].

Особенно ценным считал Н. И. Золотницкий в рукописи В. К. Магницкого «подлинные тексты молитвенных призываний, заклинаний, наговоров и перечни духов. Все эти тексты,— отмечал он,— следует признать очень древними, так как в них многие выражения вовсе непонятные даже и тем из нынешних чуваш, которые употребляют их при молениях, заклинаниях и т. п., и не подходит к формам нынешнего говора чуваш: они отчасти объясняются из языков арабского и персидского или же составляют остатки древнего болгарского наречия»[10].

Как отмечено в протоколах съезда, «Материалы» В. К. Магницкого «1) заключают в себе тексты, имеющие следы старинного наречия, замечаемого в болгарских надписях; 2) уяс-

няют отатарение чуваш посредством ислама; 3) указывают на древние отношения чуваш к хозарам; 4) доказывают общность некоторых понятий у разных народов, как например, кража для общего блага вообще, а у чуваш и вотяков кража земли под видом невесты»[11]. Примечательно, что в оценке ученых-современников подчеркивалось большое значение «Материалов» Магницкого прежде всего для изучения этногенеза и этнической истории чувашского народа.

Работа В. К. Магницкого, получившая одобрение съезда, была также рассмотрена Советом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и рекомендована им к публикации в изданиях Общества. С этой целью в 1879 г. ее передали на редактирование Н. И. Золотницкому. После его смерти в 1880 г. эту работу завершил Е. А. Малов, член комиссии по изданию миссионерского противомусульманского сборника, на средства которой и была издана книга.

Основными источниками, как отмечал В. К. Магницкий в своем предисловии, стали его собственные данные, «полученные путем непосредственных распросов чуваш и других лиц в восточной половине Чебоксарского уезда», а также материалы, представленные ему учителями Чебоксарского и Ядринского уездов[12]. Особенно ценную информацию В. К. Магницкий получил от учителя А. Егорова из дер. Масловой Чебоксарского уезда и учителя Аликовского и Тюрлеминского училищ Г. Филиппова. А. Егоров собрал для В. К. Магницкого подробные описания религиозных представлений и обрядов чувашей, сделал записи молитв и заклинаний, представив материал практически по всем разделам книги. В монографии В. Г. Магницкого содержатся около 30 ссылок на его данные (наиболее важными являются сведения о йомзях, легенды о киреметях, описания чувашских праздников).

Источники, собранные В. К. Магницким и его корреспондентами, характеризуют преимущественно верховых чувашей (вирьял), средненизовых (анат енчи). Некоторые из них имеют локальное значение и не были характерны для всех групп чувашей.

При собирании материалов из области древней религии В. К. Магницкий сталкивался со многими сложностями в записи молитвенных текстов (загадочные архаические выражения, иноязычные заимствования, забывание религиозной терминологии уже исчезнувших на его глазах обрядов). Отсутствие специальной подготовки и глубокого знания истории языка заставляло его при переводе обрядового фольклора обращаться за помощью к Н. И. Золотницкому. Высоко оценивая значение работы В. К. Магницкого, языковеды в то же время отмечали необходимость проверки некоторых мест «по говорам или же посредством сложной критической обработки текста»[13].

Описание дохристианской обрядовой системы чувашей, сде-

ланное В. К. Магницким в последний период ее живого функционирования, и спустя 100 лет не утратило своего научного значения, хотя полученные за это время сведения и исследования этнографов и религиеведов во многом дополнили и уточнили ряд его положений.

Структура работы В. К. Магницкого отражает реальный процесс развертывания обрядовых действий. Начиная с мифов и легенд об изобретении земледелия и происхождении киреметей, автор переходит к характеристике цикла аграрных праздников и обрядов, описывая их в соответствии с важнейшими моментами сельскохозяйственных работ — пашней, севом, уборкой и молотьбой (разделы, посвященные *акатую /сабантую, ака пăтти, уй чӳкĕ, çăмăр чӳкĕ, синçе / синксе,* краже земли и воды, *авăн пăтти*). Далее приводятся обряды, связанные со скотоводством и пчеловодством. Охарактеризовав круг календарных праздников (*сурхури, шӳйтан эрни, çăварни, калăм кон, вирĕм сĕрен* и др.), В. К. Магницкий затем переходит к описанию цикла обрядовых действий при беременности, рождении ребенка, его болезнях и их лечении, описываются свадьба, развод, похороны, поминки, представления о загробной жизни. Следует отметить, что не всегда автор выдерживает эту схему достаточно строго (особенно в отношении календарных обрядов).

Принципы отбора этнографического материала определялись задачей — дать реконструкцию дохристианской системы религиозных верований и обрядов чувашского народа. «Материалы» В. К. Магницкого сразу стали заметным явлением в этнографической науке, о чем могут свидетельствовать отклики и рецензии, появившиеся после ее публикации. Особенно примечательна рецензия Г. Н. Потанина, известного этнографа и путешественника, внесшего большой вклад в изучение культуры народов Азии[14]. В 1880-е гг., работая в Казани, Потанин входил в кружок Н. Я. Агафонова и К. Е. Лаврского, объединявший демократически настроенную интеллигенцию. Через К. Е. Лаврского Магницкий летом 1881 г. познакомился с Г. Н. Потаниным и получил от него для работы «Программу вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у сибирских инородцев» (СПб., 1881), которую использовал при сборе материалов по религии чувашей[15].

Работа «Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде» имела сходную с «Материалами» композицию и подбор материалов. В предисловии автор отмечал, что при составлении сборника он руководствовался теорией пережитков («переживаний») Э. Тейлора[16]. Отсюда интерес к суевериям и предрассудкам, наиболее архаическим явлениям бытовой и религиозной жизни, место и значение которых он понимал с позиций эволюционизма.

В. К. Магницкий, как нам представляется, сознательно избегал каких-либо обобщений или теоретизирования, считая их одним из наиболее существенных недостатков современной ему

этнографической науки[17]. Поэтому большая часть его работ имеет описательный характер. Такой подход, в определенной степени сужавший значение исследований В. К. Магницкого, был продиктован, прежде всего, слабой степенью изученности этнографии и, в частности, религии чувашского народа, а также обусловлен общим уровнем развития этнографической науки в России в конце XIX в.

Особого внимания заслуживает цикл исследований о культах киреметей и йерехов[18]. Он детально фиксирует места нахождения йерехов и киреметей, жертвоприношения им, последовательность обрядовых действий и молений. Здесь уместно указать, что еще в 1870-х гг. В. К. Магницкий обратил внимание на то, что чувашские крестьяне почитали древние городища и курганы, нередко называя их «киреметями». Считая ошибочным мнение Н. И. Золотницкого о том, что на местах языческих жертвоприношений чувашей никогда не встречается никаких укреплений, он указывал, что чуваши Янцибуловского прихода Чебоксарского уезда на месте «Хола ту» совершали свои мольбища[19]. В статье «Из поездки в с. Шуматово» уточняет, что название «киреметь» не всегда означало местожительство самого духа «киремети», а большая часть таких «киреметищ»— городища, курганы, покинутые кладбища — «неприкосновенное» или «святое место», где чуваши совершали моления и оставляли жертвоприношения. Нередко киреметями называли места, где чуваши устраивали публичное общественное моление в честь верховного бога, об урожае и дождях[20].

Заслуживает внимания и суждение В. К. Магницкого о необходимости рассматривать функционирование культа киремети у народов Поволжья в совокупности с описанием их названий и особенностей обрядовых действий, совершаемых верующими на «киреметях», что должно содействовать более детальному изучению зарождения и эволюции этого культа[21]. Сложный, а порой противоречивый материал, собранный В. К. Магницким о чувашских киреметях, позволил ему сделать предположение об их происхождении от культа предков. Это нашло подтверждение в работах этнографов, исследовавших позднее также на примере киреметей слияние культа предков с почитанием мусульманских святых.

Исследуя культ йереха у чувашей, В. К. Магницкий написал специальную работу, в которой в хронологической последовательности привел подробную сводку описания культа в этнографической литературе[22]. «Составляя статью об ирихах, я старался привести в ней по возможности всех, кто писал об ирихах, чтобы последующие исследователи не имели надобности разыскивать сообщения предшественников»,—отмечал он[23]. Противоречивые суждения об этом культе разных авторов, отсутствие обстоятельного объяснения его значения в религиозной жизни чувашей, на взгляд В. К. Магницкого, следует объ-

яснить прежде всего тем обстоятельством, что многие авторы о йерехе «писали крайне неопределенно, поверхностно, не видавши нередко и в глаза описываемого предмета, и притом с целью не выяснения сущности дела, а из глумления и презрения к языческим верованиям чуваш»[24].

Интересные сведения о культе йерех, собранные В. К. Магницким лично и через своих многочисленных корреспондентов, не были им тщательно проанализированы с целью выяснения генезиса и эволюции этого культа. Отметим, что и в трудах советских исследователей вопросы, связанные с происхождением культа «йереха» в религии чувашей, не получили еще своего окончательного разрешения[25].

С особым увлечением он занимался пополнением музейных коллекций по религии. Собирательская деятельность В. К. Магницкого была наиболее тесно связана с научными обществами Казанского университета, а также с его этнографическим музеем. Он передал для этого музея в отдел антропологии и этнографии Казанского общества естествоиспытателей предметы культа «Мелим-хузя» в дер. Масловой Чебоксарского уезда, приношения йерехам: обрезки холста, нохратки, монеты, куски хлеба, обрядовое печенье, ритуальную утварь и др.

В 1881 г. Магницкий для выступления в Обществе археологии, истории и этнографии с сообщением о поминальных обрядах чувашей собрал коллекцию предметов поминального культа — столик, сделанный из обрезков гробовых досок, посуду и передал в музей Общества. В отчете, опубликованном в ИОАИЭ, упоминаются жертвы киремети («нохратки, кусочки холста и пр.»), собранные для РГО[26]. Для исследования религии чувашского народа большое значение имела публикация Магницким работы неизвестного автора XVIII в. «О чувашах» (позднее было установлено авторство К. С. Мильковича)[27]. Она впервые была напечатана в 1827 г. в «Северном архиве». В. К. Магницкий справедливо определил особое значение этого описания дохристианских обрядов и религии чувашей в XVIII в.: для реконструкции системы традиционных верований оно является одним из наиболее подробных и информативных источников. Магницкий составил предисловие и комментарии, дал перевод чувашских слов и выражений, внес свои поправки и дополнения (в начале XX в. статья Мильковича была еще раз опубликована Н. В. Никольским)[28].

Большая заслуга В. К. Магницкого состоит в том, что он не только сам деятельно собирал этнографические материалы, но и сумел приобщить к этому других. Особенно стремился он усилить изучение культуры коренных народов Поволжья, поддерживая своим участием и помощью начинающих исследователей-чувашей: И. Н. Юркина, Н. М. Охотникова, М. Ф. Федорова. Под его влиянием И. Н. Юркин в 1893 г. написал работу «Древняя чувашская религия»[29].

С увлечения сюжетами фольклора, религиозно-мифологическими образами и представлениями чувашей начинаются и первые шаги в литературе М. Ф. Федорова. С помощью В. К. Магницкого была подготовлена и напечатана его статья «Предания чуваш Бичуринского прихода Чебоксарского уезда и способы лечения у них болезней»[30]. В этой работе содержатся новые сведения о мифологии чувашского народа (варианты легенд об Улыпах), имеются материалы о йомзях и приемах их «лечения».

Совместно с Н. М. Охотниковым Магницкий подготовил рукопись обобщающей статьи «Чуваши», где рассматривались все стороны традиционной культуры народа. В ней имеется раздел о религиозных верованиях[31].

Наиболее ярко и действенно гуманистические убеждения В. К. Магницкого проявились в широко известном «Мултанском деле». Грубо фальсифицированное, оно по существу было направлено на разжигание шовинистических настроений и служило обоснованием для притеснений «инородцев». Обвинительный приговор был вынесен не только невинным людям, но и целому народу. В ходе судебного разбирательства, длившегося четыре года, он подтверждался дважды (в декабре 1894 г. и в октябре 1895 г.), причем решающее значение при вынесении обвинения имело выступление эксперта — казанского профессора, известного этнографа И. Н. Смирнова. Замечательную роль в разоблачении этого позорного процесса сыграл В. Г. Короленко, сумевший мобилизовать на защиту удмуртов прогрессивно настроенную общественность и в первую очередь юристов, этнографов, журналистов[32].

В. К. Магницкий сотрудничал с В. Г. Короленко в Нижегородской ученой архивной комиссии. Он одним из первых деятельно откликнулся на призыв В. Г. Короленко своими научными выступлениями и публицистическими заметками. Магницкий знал быт вотяков по службе в Уржумском уезде. Еще в 1891 г. он выступил с опровержением ложных измышлений о существовании среди удмуртов ритуала человеческих жертвоприношений и утверждал, что об этом не может быть и речи, а слухи о них распространяются на почве какого-то символического обряда, аналогичного чувашскому обряду «кражи земли» в неурожайные годы[33]. В 1894 г. публикует статью «Из быта казанских инородцев (к вопросу о человеческих жертвоприношениях)»[34]. Как свидетельствуют приводимые в ней данные, ряд нелепых сообщений о варварских обычаях и религиозных обрядах (человеческие жертвоприношения у удмуртов, самоубийство из мести — «сухая беда» у чувашей) нередко исходили из кругов реакционно настроенного православного духовенства или возникали на почве злоупотреблений судебно-административных деятелей «живоглотов». В статье высказан протест против притеснений «инородцев».

После второго обвинительного приговора, вынесенного в

Елабуге в сентябре 1895 г., он отправляет статью в ИОАИЭ. В ней В. К. Магницкий высказал убеждение в том, что народы Поволжья, в частности, удмурты, «возводят покойников в особое божество. Известные мне верования инородцев в загробную жизнь людей не позволяют мне, между прочим, уверовать в достоверность русской легенды относительно вотяков, будто бы они для умилостивления какого-то «злого божества» (кереметь?) через известные им промежутки времени приносят ему в жертву живых людей... Если б вотяки доподлинно приносили по временам в жертву живых людей... то, по нашему мнению, они в лице «жертвоприносимых» сами создавали бы себе заведомо каждый раз новых «злых духов»[35].

Готовясь к защите удмуртов, В. Г. Короленко изучал разнообразные этнографические материалы, в том числе привлекал и работы В. К. Магницкого (в его архиве сохранилась папка с тщательными конспектами «К мултанскому делу»)[36].

Свою поддержку позиции В. Г. Короленко В. К. Магницкий высказывал не только в научных изданиях, но и в газетах[37]. Занимаясь казалось бы сугубо научными вопросами, как древняя религия чувашского народа, он в то же время чутко реагировал на проблемы общественной жизни.

Заметки и статьи Магницкого о мусульманизации чувашей[38] характеризуют значение религии как важного фактора этнической истории чувашского народа. Глубоко зная быт и культуру чувашей, он мог правильно оценить роль религии в тех или иных сферах их жизни. Так, по поводу статьи И. Меньшова о чувашах в Башкирии, Магницкий справедливо отметил, что причиной их переселения было не столько стремление избежать принятия православия, сколько социально-экономические условия — нехватка земельных угодий и обнищание[39]. Говоря о христианизации чувашей, он указывал, что «чуваши, обращенные в православие более ста лет тому назад и совершенно освоившиеся со своим новым религиозным положением, не мешающим им оставаться при своих древних верованиях»[40] никогда не были до фанатизма заинтересованы в их неприкосновенности.

В этой связи интересна рукопись статьи «Из поездки в Чувашский край (Беглые заметки)», где говорится о христианско-языческом синкретизме религиозных представлений чувашей. Магницкий описал традиционное чувашское моление о дожде в д. Сехры Шуматовского прихода, во время которого чуваши не только закололи белых лошадей, быка и барана, но и купили Илье-пророку новое решето, объясняя это тем, что «пророк Илья уж очень состарился, лошадь, на которой он ездит, также состарилась, а телега, на которой он развозит воду, и решето, через которое льет воду, расхудились. Нужно заметить, что чуваши, отмечал Магницкий, с ликами святых на иконах соединяют те же понятия, каких они держатся относительно покойников»[41].

Магницкий был верующим человеком, состоял в миссионерской организации «Братство Св. Гурия», хотя и был далек от его деятельности. В своих очерках он касался вопросов христианизации чувашей, писал о проблемах церковных и миссионерских школ и училищ. Его привлекала работа в области просвещения «инородцев», которая в то время была неотделима от миссионерской.

Незадолго до смерти по просьбе крестьян Магницкий становится церковным старостой. Узнав о хищениях священнослужителей Шуматовской церкви, он вступает с ними в конфликт и оставляет должность. Переживания, связанные с этим делом, значительно ускорили его кончину[42].

Труды Магницкого оставили заметный след в разработке вопросов религии чувашского народа.

Литература и источники

[1] *Магницкий В. К.* Празднование чувашами Нового года.— Справочный листок г. Казани, 1867, № 17; *он же.* Старые оставленные кладбища во 2-ом стане Чебоксарского уезда (Из путевых заметок).— Казанские губернские ведомости (далее — КГВ), 1866, № 46; *он же.* Из Казанской губернии.— Чебоксары.— Русские ведомости, 1868, № 9; *он же.* Корреспонденция из Чебоксар.— Русские ведомости, 1868, № 272.

[2] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 8.

[3] Архив Географического общества СССР, р. 14, оп. 1, 1871, № 27.

[4] *Якушкин Е. И.* Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и праздники.— Этнографическое обозрение. М., 1891, кн. 9, № 2.

[5] *Магницкий В. К.* К статье Е. И. Якушкина «О влиянии верований на юридические обычаи».— Этнографическое обозрение. М., 1891, кн. 9, № 4, с. 199.

[6] О жертвенных приношениях чуваш.— Известия по Казанской епархии, 1876, № 2, с. 51—59.

[7] *Магницкий В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881, с. III—IV.

[8] См.: Труды IV археологического съезда в России.— Казань, 1884, т. 1, с. XII—XIV.

[9] Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1891, т. 2, с. 253.

[10] Там же, с. 254.

[11] Труды IV археологического съезда в России, т. 1, с. VIII.

[12] *Магницкий В. К.* Материалы к объяснению... с. III.

[13] *Ашмарин Н. И.* Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш.— Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань, 1921, т. 2, с. 93—94.

[14] *Потанин Г. Н.* Рец. на кн. В. К. Магницкого «Материалы к объяснению старой чувашской веры».— Известия РГО. СПб., 1882, т. 18, вып. 2, с. 151—152.

[15] *Магницкий В. К.* Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии.— Известия Общества археологии, истории и этнографии (далее — ИОАИЭ). Казань, 1884, т. 3, с. 160—179.

[16] *Магницкий В. К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Казань, 1888, с. IV—V.

[17] *Магницкий В. К.* Дополнительные сведения о С. М. Михайлове.— КГВ, 1869, № 99.

[18] *Магницкий В. К.* Из поездки в с. Шуматово Ядринского уезда Ка-

занской губернии; *он же.* Из быта чуваш Казанской губернии (Ирихи. Киремети. Браки).— Этнографическое обозрение. М., 1893, кн. 18, № 3, с. 131—138.

[19] *Магницкий В. К.* Археологические достопримечательности в районе с. Шуматова, Ядринского уезда.— В кн.: *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839—1901 гг. Чебоксары, 1929.

[20] *Магницкий В. К.* Из поездки в село Шуматово, с. 167—169.

[21] *Магницкий В. К.* Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда.— ИОАИЭ. Казань, 1919, т. 30, вып. 2, с. 231—232.

[22] *Магницкий В. К.* Об ирихах у чуваш.— ИОАИЭ. Казань, 1891, т. 9, вып. 1.

[23] *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды, с. 62.

[24] *Магницкий В. К.* Из быта чуваш Казанской губернии, с. 131.

[25] *Денисов П. В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959, с. 35—38; *Дзенискевич Г. И.* К вопросу о культе йереха у чувашей.—В кн.: Из культурного наследия народов России. Сборник МАЭ, Л., 1972, вып. 28, *Фокин П. П.* Следы матрилокальности брака у чувашей.— В кн.: История, археология и этнография Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1975, вып. 56.

[26] *Магницкий В. К.* Из поездки в село Шуматово, с. 163.

[27] *Милькович К. С.* О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. С предисл. В. К. Магницкого. Казань, 1888.

[28] *Милькович К. С.* Быт и верования чуваш Симбирской губернии (Из записок уездного землемера Мильковича 1783 г.). Предисл. Н. В. Никольского.— ИОАИЭ. Казань, 1906, т. 22, вып. 1.

[29] НА ЧНИИ, отд. I, т. 57, № 3431.

[30] См.: Известия по Казанской епархии, 1876, № 21, с. 647—652. Примечания к статье принадлежат В. К. Магницкому.

[31] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 7, л. 71—113.

[32] *Короленко В. Г.* Мултанское жертвоприношение.— Собр. соч. М., 1955, т. 9, с. 337—392.

[33] *Магницкий В. К.* Елабужский уезд.— Волжский вестник, 1891, № 129.

[34] *Магницкий В. К.* Из быта казанских инородцев (К вопросу о человеческих жертвоприношениях).— Этнографическое обозрение. М., 1894, кн. 12, № 3, с. 136—137.

[35] *Магницкий В. К.* Городище «Пиндер-Сырч» и курганы в Ядринском и Курмышском уездах Казанской губернии.— ИОАИЭ. Казань, 1896, т. 13, вып. 5, с. 364—373.

[36] *Власова З. И.* Этнографическая деятельность В. Г. Короленко и ее общественное значение.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968, вып. 4, с. 28.

[37] *Магницкий В. К.* С. Шуматово.— Волжский вестник, 1896, № 1; *он же.* Из быта казанских инородцев.— Вятский край, 1895, № 59.

[38] *Магницкий В. К.* К вопросу о тамбовских и казанских татарах.— ИОАИЭ. Казань, 1895, т. 12, вып. 5; *он же.* Несколько данных о «мишарях» (мещеря, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях.— ИОАИЭ. Казань, 1896, с. 13, вып. 4; *он же.* Список селений «мишарей» в Буинском у. Симбирской губернии.— ИОАИЭ. Казань, 1901, т. 17, вып. 2.

[39] *Магницкий В. К.* Замечания на «Этнографический очерк быта чуваш И. Меньшова.— Записки Оренбургского отд. РГО. Оренбург, 1881, вып. 4, с. 180—181.

[40] Там же, с. 181.

[41] *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды, с. 65.

[42] Там же, с. 32—33.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. К. МАГНИЦКОГО И ЕГО СВЯЗЬ С ЧУВАШСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ

А. В. ВАСИЛЬЕВ

Выросший и живший среди чувашей, В. К. Магницкий хорошо знал их жизнь и быт, духовную культуру, фольклор. И со всей прямотой защищал национальное достоинство этого народа. Так, например, когда некий Михневич в «Волжском вестнике» выступил со своими впечатлениями о чувашах, сложившимися у него при проезде через Цивильский уезд, когда там свирепствовал тиф, назвал их «ничтожными инородцами», у которых даже «чувство самосохранения» ослаблено, дал уничтожающую оценку умственным способностям[1], Магницкий в той же газете выступил с горячими опровержениями. Он заметил, что небойкость чувашей воспринимают как «тупость и неспособность к их умственным восприятиям»[2]. В статье он пишет, что среди чувашей распространяется грамотность, школы и училища в крае переполнены учащимися-чувашами, некоторые, получившие образование, выступают на литературном поприще. Среди них он называет Н. М. Охотникова, студента математического факультета Казанского университета, автора статьи «Грамота среди чуваш», И. Н. Юркина, подготовившего к печати сборник этнографических очерков и чувашских песен (более 1000 текстов), отмечая, что труд экспонировался на Казанской научно-промышленной выставке, Н. А. Александрова, преподавателя Казанской учительской семинарии, выпустившего сборник церковных хоровых песнопений на чувашском языке и подготовившего другой, с нотными записями чувашских народных песен, учителей, членов-сотрудников общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете М. Ф. Федорова, И. Я. Зайцева, Е. В. Васильева, священников из чувашей, выступающих на страницах «Известий по Казанской епархии» Н. Е. Ефимова, Г. Ф. Филиппова, Д. Ф. Филимонова. «Были уже случаи окончания курса учителями-чувашами в Оренбургском учительском институте»[3].

В. К. Магницкий изучал не только быт, но и духовную культуру чувашского народа, собирал и записывал легенды и предания, художественно обрабатывал их, выражая при этом авторское понимание сути данного исторического факта. И в результате получались как бы легенда или предание в расска-

зе, т. е. они становились сюжетной основой историко-этнографического очерка, в котором излагалась также история выявления и записи данного произведения устного народного творчества. Автор часто выступает в роли рассказчика, что вызывает доверие к материалу.

Предание о Пугачеве подается В. К. Магницким в таком виде, что читатель воспринимает его почти как достоверное событие, зафиксированное очевидцем. «Чуваши, заслышав о приближении Пугачева, скрылись в соседние леса. Не верить этим рассказам, нет, кажется основания, потому что в этой деревне на памяти жителей коей был бунт, перемерли недавно очевидцы, и Пугачев оставил им по себе хорошую память, сжегши селение за то, что к приходу его в нем не оказалось ни одной живой души и не было приготовлено ему провианту»[4]. Пугачевцы повесили единственного человека — старуху, встретившуюся им в безлюдной деревне, за то, что она отказалась им открыть, куда скрылись ее односельчане.

Хотя из отношения автора «Заметки» к герою предания Пугачеву видно, что он не одобряет его действия, тем не менее говорит: «Замечательно, историческая литература о Пугачевском бунте везде выставляет чуваш в числе сподвижников оного».

Очень близка к художественному очерку публикация «Об Акрамовском картофельном бунте чуваш в 1842 году»[5]. В этом произведении в образных художественных деталях описаны действительные события, происшедшие в Козьмодемьянском уезде (ныне Моргаушский район Чувашской АССР), близ села Акрамово. Очерк опять таки построен по принципу «рассказ в рассказе». Достоверность изложения В. К. Магницкий аргументирует подробно: «Переписываясь прошлой зимой с священником села Анат-Киняры (Сюлдикассы) Козьмодемьянского уезда, Николаем Васильевичем Смеловским, ... я случайно спросил его: не знает ли он об Акрамовском бунте чуваш в виду того, что о. Смеловский священствует в Кинярах с 1849 года и что Анат-Кинярский и Акрамовский приходы расположены рядом... В ответ на мой запрос о. Смеловский прислал мне обширное письмо, сообщая в нем сведения, не лишенные, как мне кажется, исторического значения... Передаю сообщенное им его подлинными словами».

И далее В. К. Магницкий включает в свой очерк комментарии Н. В. Смеловского. «Акрамовцы и кинярцы не воевали, пародию на войну произвели «тептяевцы», т. е. Тептяевская волость Кожвашского прихода». Тут автор комментариев подробно разъясняет, где находится то или иное близлежащее селение, а затем представляет нам самих очевидцев, т. е. участников Акрамовского восстания: «Об этом третьего дня подробно передавали мне мои старики деревни Киняр, околодков: Калайкассы — Александр Онисимов и Ярабайкассы — Емельян Ники-

тин; обоим за семьдесят лет, а первый вдобавок слепой...»

Описание событий ведется от имени трех лиц, т. е. в очерке мы наблюдаем тройное циклическое повествование. Тем самым усиливается восприятие читателями вышеуказанных событий. Начиная рассказ, автор предоставляет слово второму рассказчику, который лучше знает о них, тот же в свою очередь, передает слово очевидцам, участникам восстания, которые все видели своими глазами и испытали «на своей шкуре» царские нагайки и свинцовые пули. И это уже кульминационный момент очерка. Рассказ стариков предстает перед нами уже в конкретных образах. Это рассказ-воспоминание со своими стройным сюжетом и композицией: завязкой, кульминацией и развязкой, с монологами-размышлениями, с эпизодами стычек с солдатами-карателями.

Чувашские крестьяне выступают против общественных запашек, не хотят, чтобы отторгали их без того скудные земли. На них не действуют уговоры начальства, и они выгоняют из села малочисленный отряд солдат. Но в село нагрянули казаки, собрали сельских жителей, заперли их в сарай и держали впроголодь. Им на выручку из соседних волостей поспешили крестьяне. На призыв карателей не сопротивляться, сдаться властям из толпы раздались выстрелы. Однако силы были слишком неравные. Казаки перешли реку вброд и началась стрельба, рубка. Крестьян догоняли и наносили беспощадные удары. Сопротивление сломили и погнали крестьян в село. На другой день их подвергли экзекуции, били шомполами. Многих погнали в губернский город, часть же посекли прутьями и отпустили по домам. Долго еще в лесах и оврагах находили трупы людей.

Вроде бы здесь лишь констатация фактов, но они-то и показывают жестокость карателей, царской администрации по отношению к крестьянским массам, а в данном случае — к национальным меньшинствам. В. К. Магницкий свой очерк построил так, чтобы не было заметно сочувственного отношения к восставшим. Ведь о побоище рассказывает не он сам, а крестьяне-очевидцы. И записал их повествование опять-таки не Магницкий, а священник Смеловский. Тем не менее очерк получился впечатляющим. Весьма вероятно, он отредактировал рассказ очевидцев, усилил детали. В нем хорошо передан мир крестьян. Не случайно М. Я. Сироткин включил его в хрестоматию, как одно из первых произведений художественной литературы[6].

Несколько работ В. К. Магницкий посвятил публицистической литературной деятельности С. М. Михайлова, М. Ф. Федорова, Н. М. Охотникова, И. Н. Юркина. Он призывал чувашскую интеллигенцию брать пример с Михайлова. Следовало бы собрать и издать все его труды, предлагал он.

С большой теплотой отзывался ученый о Н. М. Охотникове. Знакомство их произошло по инициативе И. Я. Яковлева.

В. К. Магницкий читал рукописи работ Охотникова, писал о них отзывы. Этнографический очерк «Приволжские чуваши» с комментариями, краткой биографией Охотникова Магницкий опубликовал после смерти молодого исследователя[7]. Часть переписки Магницкого с М. Ф. Федоровым, И. Н. Юркиным и другими представителями чувашской интеллигенции хранится в архивах Казани и Чебоксар. При содействии В. К. Магницкого М. Ф. Федоров был назначен учителем Чебоксарского городского училища, затем он стал его заведующим. В 1893 г. М. Ф. Федоров просит В. К. Магницкого посодействовать в устройстве своей дочери в Казанскую женскую гимназию. Известно, что трое детей педагога учились в Казани. Не прервались их связи и после переезда М. Ф. Федорова в Царевококшайск.

Особенно много писал В. К. Магницкому И. Н. Юркин. Немало писем его имеется в рукописном отделе научной библиотеки Казанского университета. В письмах И. Н. Юркина отражены многие стороны жизни чувашской интеллигенции и, в частности, самого писателя. «... На днях мне еще довелось узнать о новой книге, изданной вами в прошлом 1888 году под названием «О чувашах, этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия». Желательно мне также приобрести эту книгу... Сведения эти мне необходимо нужны, так как я занимаюсь поэзией на своем национальном чувашском языке и, кроме того, собираю материал для истории»[8]. В другом письме он благодарит В. К. Магницкого за присланную книгу: «Брошюру о чувашах, присланную бандеролью, я получил, за что, конечно, чувствительно благодарю... У нас здесь (в Симбирске.— *А. В.*) несмотря, что есть Карамзинская библиотека, но нужных книг в ней никогда не найдешь и не получишь, хотя они по каталогу значутся. Несколько раз также являлся за книгами Сбоева об исследовании инородцев Казанской губернии и Золотницкого «Чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов», но все-таки не добился, а покупать, для этого нужно иметь много денег»,— пишет Юркин в сентябре 1889 года[9].

Он делился с В. К. Магницким своими планами. «В настоящее время пишу быль, небольшой рассказ листах на тридцати... О содержании этой были Охотникову известно, о подробностях, если желаете, то можете узнать у него под заглавием «Этемĕн мулĕ ăста, куçĕ те çавăнтах» (Где капитал копится, там с него глаз не сводится)»[10].

И. Н. Юркин собирался издать сборник произведений народного творчества и даже получил разрешение от цензурного комитета. Прорецензировал сборник Н. М. Охотников, однако впоследствии публикацию задержали. Обо всем этом писатель сообщил В. К. Магницкому. Тот, видя, что нелегко печататься, посоветовал писать статьи по истории и этнографии. Работы этнографического характера легче было опубликовать.

Юркин с большой радостью сообщил В. К. Магницкому, что получил письмо Н. И. Ашмарина, состоявшего членом Московского этнографического общества. Ашмарин уведомил Юркина, что Московское этнографическое общество постановило напечатать сборник чувашских песен и что ему поручено, как знакомому с чувашским языком, перевести их по-русски[11]. Через некоторое время И. Н. Юркин сообщает В. К. Магницкому, что едет в Москву по этим делам, для встречи с Ашмариным. Характерно, что писатель иногда добавляет в письме чувашские предложения, а в конце пишет: «Чунтан савнă тусу (Твой друг сердечный) Ив. Юркин». Следовательно, отношения его с Магницким были весьма хорошие и близкие. Юркин пишет ему о планах издавать чувашскую газету, и о том, что собирается попросить у чебоксарского купца П. Ефремова денег в долг для издательского дела. Однако В. К. Магницкий реально смотрел на вещи, советовал Юркину заняться исследовательской работой. Думается, не без влияния В. К. Магницкого писатель создает статьи по истории, этнографии, языку и т. п.

В близких отношениях был ученый-педагог и с Н. И. Золотницким, с его учениками М. Д. Дмитриевым, Г. Ф. Филипповым и др. В одном из писем к Магницкому Н. И. Золотницкий пишет, что он читал статью М. Ф. Федорова, получил из типографии 50 экземпляров оттисков, из которых 10 оставил себе, остальные отсылает через Г. Ф. Филиппова Магницкому[12]. Вообще, последний имел с Золотницким большую деловую переписку. Хотя их взаимосвязи не касались собственно литературы, они способствовали общему развитию культуры.

Можно сказать, что В. К. Магницкому доставляло большое удовольствие, радость видеть тягу чувашской интеллигенции к культуре и искусству. У нас нет сведений о знакомстве им с поэмой М. Ф. Федорова «Леший». Однако, думается, копию ее автор ему прислал. Есть версия, что она переведена автором на русский язык. Возможно, ученому-этнографу оно было доставлено именно в русском варианте. Так или иначе, но В. К. Магницкий был знаком с чувашским языком, и даже неплохо владел им. Это доказывается тем, что в своих работах он свободно использовал примеры из чувашского фольклора на языке оригинала. Использовал он и чувашские выражения.

Таким образом, можно сказать, что ученый-демократ В. К. Магницкий всей своей деятельностью способствовал развитию просвещения, культуры и, в частности, литературы чувашей. Однако тут возникает вопрос: а почему же он писал И. Н. Юркину, чтобы тот не тратил свои силы на «писанину». «Советую вам идти по стопам Вашего родича Михайлова, а не гнаться за литературной славой: она придет само собой»[13]. В. К. Магницкий видел, как понапрасну тратятся время и силы писателя. Печатались-то религиозная и учебная литература, этнографические и фольклорные исследования. Поэтому он

хотел помочь Юркину тем, что советовал ему заняться этнографией. С. М. Михайлов, М. Ф. Федоров, Н. М. Охотников, действительно, начали с этнографии и публицистики. Таким путем печатали свои материалы из мифологии чувашей М. П. Арзамасов, К. П. Прокопьев, А. В. Рекеев. И. Н. Юркин последовал совету Магницкого. Некоторые его работы увидели свет. Например, в журнале «Этнографическое обозрение» (в статье Н. И. Ашмарина «Народная поэзия у чуваш»), в «Известиях общества археологии, истории и этнографии». Юркин был избран членом-корреспондентом этого общества.

В. К. Магницкий поддерживал связь с И. Н. Юркиным вплоть до своей смерти.

В. К. Магницкий ратовал за развитие чувашской литературы, радовался любой оригинальной публикации словесного творчества. Коль трудно или невозможно печатать авторские произведения, то нужно искать иные пути. Эта мысль заботила его прежде всего.

Исходя из изложенного, можно сказать, что В. К. Магницкий хотя и лишь косвенно, способствовал развитию художественной литературы чувашей.

Литература и источники

[1] *Михневич.* Из тифозных деревень Цивильского уезда.— Волжский вестник, 1891, № 255.

[2] *Магницкий В. К.* Чуваши (Вниманию г. Михневича).— Волжский вестник, 1891, № 265.

[3] Там же.

[4] *Магницкий В. К.* Заметка о Пугачевском бунте (Из народных преданий).— Казанские губернские ведомости, 1866, № 17.

[5] Волжский вестник, 1883, № 34.

[6] Чăваш литературин (Октябрьти революцичченхи тапхăр). Хрестомати. *М. Я. Сироткин* йĕркеленĕ. Шупашкар, 1951.

[7] Симбирские губернские ведомости, 1893, № 20, 21, 31, 52.

[8] Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета, д. 2307, с. 1.

[9] Там же, с. 3.

[10] Там же, с. 5.

[11] Там же, с. 33.

[12] Там же, д. 1815, с. 23—24.

[13] НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, л. 33.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧУВАШЕЙ В ТРУДАХ В. К. МАГНИЦКОГО

Г. Б. МАТВЕЕВ

В освещении материальной культуры чувашей, как и других этнографических аспектов, отразились мировоззрение, практические и научные интересы В. К. Магницкого. Близки и понятны были ему идеи о культурном единстве человечества, использовании фактов этнографии для реконструкции прошлого. Известно, что в отношении литературы В. К. Магницкий испытывал «голод»: «Этнографическую программу... Русского Географического Общества мне впервые удалось добыть в 1869 году, а с научными выводами ознакомиться лишь из книги «Первобытная культура»,— писал В. К. Магницкий в 1878 году[1].

Магницкий считал необходимым проследить эволюцию, выявить взаимовлияние культур (чувашской и марийской, чувашской и татарской, русской и чувашской). Теоретические обобщения в его работах отсутствуют, ибо прежде всего он считал себя собирателем. «Вопросы пищи и одежды, занятий их... В. К. Магницкий ставил очень часто в своих журнальных статьях и разрешает их в отношении тех мест, где производились их наблюдения, почти исчерпывающим образом»,— отмечал Н. В. Никольский[2]. Для него было характерно стремление уточнять, углублять проделанное его предшественниками (В. А. Сбоевым, Н. И. Золотницким и др.), резко критиковал он фальсификаторов. Обилие фактов и точность записей исследователя является хорошим подспорьем при картографировании материальной культуры.

Магницкий материальную и духовную культуру народа рассматривал в неразрывном единстве. В этом отношении показательна фиксация материальных компонентов свадьбы, обрядов жертвоприношения и т. д., позволяющих проследить функциональное значение ритуальной трапезы, предметов свадебной одежды, свадебного дарообмена. Без учета этого обстоятельства анализ творческого наследия Магницкого в области материальной культуры был бы не полным.

По собранным Магницким и его корреспондентами материалам можно получить довольно ясную картину об основных продуктах, особенностях повседневного и праздничного питания, приготовлении ряда кушаний, способах их подачи. Ему было

известно более 50 чувашских блюд (первых блюд — более 10, вторых — около 20, столько же мучных изделий, молочных — 5 и т. д.)[3]. Кроме того, зафиксированы употреблявшиеся чувашами овощи и дикорастущие травы. Внедрение в обиход некоторых культур (картофеля, огурцов) связывается Магницким со страницами истории народа, этноконтактами. Так, он выяснил, что в селениях Чебоксарского уезда, примыкающих к Волге, огурцы являлись товарной культурой и вывозились на продажу (в этом Магницкий усматривает влияние татар), тогда как в других местах этого не наблюдалось[4]. Резко выраженная сезонность в питании, неравномерное расходование продуктов в течение года, частые голодовки как характеристики быта чувашской деревни постоянно являлись темами его статей. «К февралю месяцу у многих жителей кончаются пищевые запасы как для себя, так и для скота»,— писал, например, В. К. Магницкий. Один из голодных годов (1891 г.) отражен в статье «Из поездки в Чувашский край»[5]. Ему было известно, что на питании отрицательно сказывались значительные расходы, связанные с проведением поминальных обрядов и другими ритуальными традициями. Выступая против языческих обрядов, он, однако, недооценивал значение ритуальной трапезы в семейном и общественном быту. Это присуще статьям, написанным в начале его деятельности (в частности — «Очерку юридического быта...»)[6].

В. К. Магницкий особое внимание уделил обрядовым блюдам и способам угощения на разных этапах свадебного ритуала (при сватовстве, в свадебных пирах у невесты и у жениха и т. д.), в т. ч. состав обрядовых блюд, кто и как угощает и т. п. В частности, можно привести такие штрихи, характеризующие обрядовые блюда, как круглый хлеб и сыр. Подачей пива как главного вида угощения санкционируется почти каждый элемент ритуала: его в бочонке привозят на сватовство; с ведром пива брат жениха с супругой ходят по домам, приглашая на свадьбу; полный ковш в руках родителей при благословении; прощаясь, невеста обносит им своих родственников; *той поçĕ** (предводитель свадебного поезда) или *мăн кĕрӳ* (старший дружка) потчуют им при совершении того или иного обрядового действия и т. д.

Магницкий описывает этикет застолья во многих его проявлениях, сопоставляет традиции разных местностей. Можно привести, например, такой факт: молодую в Ядринском и Козьмодемьянском уездах встречала мать жениха с хлебом и сыром; в Байдеряковском приходе Тетюшского уезда, «как только поезд с молодой въезжает во двор жениха, тетка жениха с полной чашкой масла подходит к молодой и мажет ей язык»[7].

---

* В цитатах чувашские слова даются как у В. К. Магницкого, в тексте — по современной орфографии с учетом диалектных особенностей.

Заметим, что обряд сохраняется у части приуральских чувашей до настоящего времени (делается это якобы для того, чтобы язык у молодой был «мягкий»— *чĕлхи çемçе пултăр).*

Из материалов В. К. Магницкого можно почерпнуть сведения о традициях приготовления обрядового супа с клецками — *салма (салма ящки):* в одних местностях готовила молодая (д. Масловка), в других — сестра жениха (с. Шуматово). Ценны для изучения материальных компонентов и такие сведения, которые касаются обрядов, проводимых с целью пожелания благополучия, зажиточности: обсыпание молодых мукой, наполняемой в рукава кафтанов и рубашек, кидание салмой в лицо молодым[8].

Определенный набор ритуальных кушаний зафиксирован при описании поминальных обрядов. Вот один из них: «Когда ставят столбы на могиле, берут вареную телятину, баранину и конину, пива, водку, блины и другие съестные припасы»[9].

Думается, не будет ошибкой утверждение, что в материалах В. К. Магницкого (особенно в его книге «Материалы к объяснению старой чувашской веры») описаны почти все значительные традиционные обычаи и обряды, связанные с трапезой. Для каждого обряда он выявляет набор кушаний, которые отмечаются как важные элементы жертвоприношения. Например, для обряда *кил-йыш пăтти,* кроме каши — полбенные или ячменные калабашки («до 150»), юсманы (лепешки из пресного теста с кровью), пиво; для обряда *авăн пăтти*—кашу, курятину, каравай хлеба, лепешки[10].

В наборе обрядовых блюд В. К. Магницкий зафиксировал и такие элементы, которые предназначались исключительно для жертвоприношения. Они представляют собой рудименты языческих пережитков, например, печенье из теста *кук хорань* в виде птицы с крыльями из пуха и одним «рогом» (с воткнутым перышком) — для Торы — верховного бога, юсманы с примесью олова — для киремети — злого духа, орхамах — «сусляный пряник, изображающий лошадь, украшенную плющенным золотом»[11].

В материалах В. К. Магницкого получали отражения разнообразная утварь, в т. ч. из долбленого дерева, клепок, бересты, луба, глины, металла. По признанию самого собирателя, на ярмарках он «больше всего всматривался в предметы торговли производства чуваш», в их числе плетеные изделия, чирясы (дойницы, кадушки, в которых в поле носили молочный напиток *турăх уйранĕ,* хранили масло, мед), сюпсе, ковши и т. п.[12]. В его черновых работах удалось обнаружить списки с большим перечнем видов посуды и утвари с указанием цен каждого из предметов[13]. Судя по ним, наиболее ценились сюпсе для хранения одежды, клепаные изделия, пивные чаши, ковши, посуда из металла. В одной из своих корреспонденций В. К. Магницкий пишет, в частности, что приобрел для музея ОАИЭ

17 образцов чувашской самобытной утвари[14]. Ряд экспонатов был представлен им на Научно-промышленную выставку в 1890 г.

Обстоятельно освещена В. К. Магницким чувашская народная одежда, знатоком которой его можно считать по праву. Этой темой Магницкий заинтересовался еще в 1860-е гг. Важные сведения об одежде чувашей содержатся, например, в его ранней работе «Очерк юридического быта...» В предисловии он подверг критике В. А. Сбоева за отнесение данных, полученных в одной местности, ко всем чувашам и указал при этом, что этот исследователь рассматривает только переходную зону между верховыми и низовыми группами. Магницкий выявил ряд различий в одежде этнографических групп, которые, по его мнению, особенно проявляются в цвете кафтана, способах ношения полотенчатого убора сурпана, в наличии или отсутствии головных уборов *хошпу и тохъя*, в наборе украшений (например, в бытовании *шулкеме* у верховых, *сурпан çакки* у низовых и т. п.). В статье «Село Шуматово и его приход» подробно описывается верхняя одежда местного населения (чапан, «кюрготла» чапан, холщовый белый шубор), покрой мужской и женской рубашек, пояса и поясные украшения (*сарă, хӳре, енчĕк*) передник, нагрудные и нашейные украшения *шулкеме, ама, хĕрес çакки, çуха*, головные уборы и прически. Объектом его внимания одежда Шуматовской округи вновь стала в 1890-е гг. Собиратель уточняет и дополняет ранее сообщенные сведения, указывает на изменения, происходящие в одежде чувашского населения, особенно мужчин. Благодаря хорошо налаженной связи с корреспондентами, В. К. Магницкий собирает материал и по другим местностям. В частности, большую ценность представляет информация А. Егорова из д. Масловки[15]. Можно думать, что именно по просьбе Магницкого корреспонденты указывали цены на каждый вид одежды, расход материала на их пошив, срок службы праздничной и повседневной одежды. И все же накопленный материал В. К. Магницкий считал недостаточным. По-видимому, свою основную задачу он видел в подробном анализе сходства и различий костюмных комплексов этнографических групп. Об этом свидетельствует, в частности, такое высказывание: «Особенности костюма выступали бы резче, если бы их описывать сравнительно, что, может быть, со временем нам и удастся»[16]. С той же целью, а также в научно-практических интересах он приобретал в разных местностях чувашские куклы *покане*, экземпляры которых им были переданы на Казанскую научно-промышленную выставку[17]. Музейными экспонатами стали покане, изображающие свах в свадебных костюмах, женские украшения *сарă, хӳре*, мелкие украшения— гребешки *той поç тори* (их носили мужчины и женщины на поясах), кисточки *пӳç тупри*, ракушки каури (т. наз. змеиные головки) *хорт поççи* и т. д.[18]

В указанных работах главным образом автор описал шуматовский свадебный наряд: одежду жениха, дружков, невесты и ее подруг, свах. Им зафиксированы обряды, сопровождавшие одевание невесты, снятие с нее покрывала, облачение ее в наряд замужней женщины. Он подробно рассматривает подарки, которые невеста преподносит жениху, его родителям и родственникам: *кĕрӳ титри* — платок для жениха, вышитые рубашки — предназначенные жениху и его родителям, белый холст на пошив рубашки — родственникам, полотенца — мужчинам, сурпаны — женщинам. Им приведена также сцена преподнесения матерью жениха подарка (нагрудного украшения замужней женщины шулкеме) невесте[19]. При описании свадебного обряда представлен костюм жениха: кафтан черного, синего, желтого или зеленого цвета (особо обращается внимание на нарядность этого типа одежды), теплая шапка, обвязанная красным или желтым развевающимся платком (последний элемент — знак отличия головного убора жениха), бисерное ожерелье, рукавицы, нагайка. Обращается внимание на наряд: казалось бы, малозаметных фактов, но имевших определенный смысл. В частности, «на свадьбе лицо, подводящее молодым, по приезду их от венца, в подарок лошадь — одевается нарочно в изорванный кафтан и подпоясывается лыком»[20].

Свою давнюю мечту — проделать сравнение одежды чувашей и марийцев — В. К. Магницкий осуществил в работе «Костюм чувашей и черемис в Чебоксарском уезде»[21]. Автор сопоставил летние кафтаны и типы рубашек по материалу, покрою, форме воротника, рукавов, длине, украшениям. Он считает, что черный цвет кафтана у чувашей (речь идет о козловской подгруппе средненизовых, а также низовых) заимствован от русских и татар. Вступает в полемику с С. М. Михайловым, полагавшим, что черный цвет кафтана низовых более древний, чем белый (по Магницкому, белый, наоборот, древнее). Свою гипотезу обосновывает тем, что по наступлению синзи (старинного обряда охранения земли) обязательно одевались в белую одежду. Особые отличия в бело-холщовой рубашке чувашек и мариек автор прослеживает по узорам, которые он подробно описывает. Отмечаются также возрастные и локальные различия в чувашской рубашке (по узорам на груди, у ворота и т. д.). В работе нашли отражение особенности покроя ряда элементов верхней одежды.

Автор приводит сведения о прическах чувашек и мариек, устанавливает связь между прической и этикетом поклонения старшим (так, сгибание чувашских и марийских девушек при поклоне связано, по его мнению, с обычаем привязывания кос к поясу).

По форме хушпу В. К. Магницкий выявил различие двух групп — *мал ен* и *кай ен*.

Значительный материал исследователем собран по технике

изготовления одежды. Этому вопросу он уделил внимание особенно в последние годы, живя в с. Шуматово. Его сведения охватывают обработку волокна, прядение, ткачество, отбивание холста, валяние сукна, шитье бисером и монетами и другие процессы. Нередко сообщения посвящены описанию того или иного занятия. Так, 16 мая 1896 г. Магницкий записал об отбивании холста, организуемого в виде помочи, отметил календарные сроки (середина апреля), приспособления и предметы (колотушки, дуплистое бревно, которое при битье издавало характерный стук)[22]. Заметно стремление Магницкого выявлять местные чувашские особенности, в числе которых он подметил, например: «В семьях, где недостаток женского пола, у чувашей прядут пряжу для тканья и мальчики и женатые мужчины зауряд с женским полом: прядильщики-мужчины зимой ходят со своими прялками (кончала) в посиделки — характерная особенность чуваш»[23].

Данные о процессах и способах изготовления различных видов одежды и украшений В. К. Магницкий собирал по программам Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. И здесь Магницкий оставался верен себе: он стремился к максимально полному охвату материала. Его интересовали многие стороны: кто, где, чем занимался, где и по какой цене покупал сырье и сбывал продукцию, где и когда приобрел специальность и т. п. Он обнаружил такое новое ремесло, как обивка тесьмы жестью. Широкой и узкой тесьмой, обитой жестью (*шуç тытнă хăю*), чувашские женщины стали украшать в конце XIX в. свой рубашки (на подолах и плечах), масмаки, нагрудные украшения *хĕрес сакки* и др.[24]

Большую заслугу В. К. Магницкого в описании чувашских селений, исследовании топонимики можно считать общепризнанной. Особенностью расселения чувашей являлось, как известно, преобладание гнездового типа в результате образования дочерних селений вокруг материнских или чересполосного расположения. В связи с этим требовалась точная фиксация местных чувашских названий селений и околотков. Итогом многолетних (1860—1900 гг.) полевых исследований являлся огромный труд «Опыт историко-географического словаря Казанской губернии» (к сожалению, смерть автора помешала завершить эту работу)[25]. Рукопись В. К. Магницкий намеревался представить в ОАИЭ для публикации[26]. Основную часть работы, охватывающей более 1 тыс. листов, занимает описание селений Ядринского, Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов. В ней нашли отражение не только чувашские, но и татарские, русские, марийские, а также смешанные по национальному составу населенные пункты. В частности, татаро-мишарским В. К. Магницкий посвятил специальную статью[27]. Ряд заметок историко-этнографического характера написан по отдельным селениям[28]. Особенно обстоятельно рассмотрены в работах Магницкого его

основные пункты проживания — сс. Беловолжское и Шуматово.

По каждому селению Магницкий отмечал его тип, русское и чувашское названия, местоположение относительно источника водоснабжения, состав жителей, их занятия, выявлял предания и легенды, связанные с происхождением, историю церкви и имеющихся учреждений. Фиксировал названия отдельных частей населения («концов», «касов», улиц), включая общий план местности, сведения о наличии почтового тракта, достопримечательностях (например, места древних поселений). Иначе говоря, исследователь охватывал почти весь комплекс признаков, характеризующих поселения[29]. Проделанная им работа и поныне имеет большую ценность.

Собранные сведения В. К. Магницкий сопоставлял с переписными материалами и другими историческими источниками. Тщательно проанализировал он, в частности, данные 1 и 2 переписей по Чебоксарскому уезду (первая половина XVIII в.)[30]. При этом обнаружил в них ряд недостатков. Так, термином «деревня», как им установлено, были обозначены не отдельные населенные пункты, а совокупность нескольких родственных селений, искажения допускались в названиях. Кстати сказать, благодаря Магницкому, просматривавшему и внесшему немало исправлений в готовившиеся к публикации «Списки населенных мест Казанской губернии», удалось избежать ошибок и пробелов. Им зафиксированы изменения, происшедшие за период между переписями. Внимание исследователя привлекала миграция чувашских крестьян в другие уезды и губернии.

Материалы В. К. Магницкого содержат важную информацию о жилище и постройках чувашей, особенно верховых (с. Шуматово и близлежащие районы). Он настоятельно рекомендовал своим корреспондентам собирать разностороннюю информацию о строениях. Это видно, например, из его обращения к И. Н. Юркину, которому он советовал, в частности, писать о том, «как чуваши... строят дома, где берут бревна, какой толщины, сколько и на что, как выбирают места для построек и т. д.»[31] Сведения В. К. Магницкого о внутренней планировке жилища, связи дома со двором и другие отчасти использованы при подготовке материалов к историко-этнографическому атласу[32].

В его архивном фонде немало ценных и подчас уникальных данных. На наш взгляд, таковыми являются планы застройки чувашских усадеб до перепланировки. Традиционный план усадьбы середины XIX в., обнаруженный в фонде Магницкого, из всех имеющихся по центральным районам Чувашии является пока самым старинным. В нем отражен ряд традиционных признаков планировки: изба с входом на восток, расположенная в середине усадьбы, открытые сени с чуланом *пăлтăр,* несомкнутое расположение хозяйственных построек по периметру усадьбы, наличие двух клетей (или клети с амбаром) напротив входа в избу, постановка избы близко к помещениям для скота,

многочисленность строений, особенно навесов *лупасай*, сооружение бани и пивоварни вне усадьбы, обширный двор.

Специальной работы, посвященной жилищам и хозяйственным постройкам, у В. К. Магницкого не имеется. Предметом особого внимания этот раздел материальной культуры чувашей стал в рукописи «Чуваши», подготовленной им совместно с Н. М. Охотниковым (1890 г.)[33]. Описание традиционного жилища этими авторами следует считать наиболее обстоятельным из тех, что было сделано в XIX в.

Элементы устройства усадьбы, дома, предметы интерьера Магницкий часто освещает посредством лаконичных записей и наблюдений. Приведем несколько примеров. В с. Первое Чурашево Чебоксарского уезда он обратил внимание на «старинные амбары, резко отличающиеся от обыкновенных и по назначению и по структуре. Сруб срублен «в лапу»[34]. Интересна, например, такая запись: «Подобно татарам чуваши покрывают постель простынями (пеетрядь), изредка они с вышивкой и кружевами. В с. Бишево Чебоксарского уезда нам показали старинную наволочку на подушку, расшитую вышивкой из шелка»[35]. По наблюдениям Магницкого, у чувашей, как и у татар, гостям для сиденья стелются или продолговатые подушки, или войлок[36], невесту в родительском доме усаживают на перину на нарах перед печью, причем кухонная часть избы *тёпел кукри* отделяется занавеской, изготовленной невестой[37].

Земледельческие занятия, скотоводство, промыслы и ремесла чувашей рассматриваются В. К. Магницким в ряде статей. Этих вопросов он касается уже в первых своих публикациях. Обстоятельно описывает В. К. Магницкий хмелеводство во втором стане Чебоксарского уезда[38], знакомит читателей с такими распространенными ремеслами чувашей, как плетение, кулеткачество[39]. В 1880—90-е гг. Магницкий собирал материал о занятиях чувашей Ядринского и Козьмодемьянского уездов Казанской губернии.

Серии статей (как, например, «Село Шуматово»)[40] имеют характер путевых заметок, что, однако, не снижает их ценность, ибо эти местности автором описываются систематически — из года в год. Это дает Магницкому возможность показывать жизнь народа в динамике, делать соответствующие обобщения. Вот тому наглядный пример: «В 1883 и 84 гг. вследствие голода от неурожаев много чуваш из Ишаковского прихода переселились в Оренбургскую губернию. До развития пароходства на Волге чуваши этого прихода поголовно занимались «бурлачеством», с прекращением же тяги судов лямками они занялись тканьем у себя на домах кулей, а некоторые сверх того перевозкой закупаемого на приходских водяных мельницах хлеба в Чебоксары... Значительная часть населения для тканья кулей уходили и на сторону в соседние уезды»[41]. Он отмечает производство колес, ободьев, гнутье дугов и полозьев (с. Мор-

гауши), плетение тарантасов (с. Яндашево Чебоксарского уезда), изготовление деревянной посуды и др. Неоднократно подчеркивается прогрессивное значение ярмарок для развития культуры и народной техники. В. К. Магницкий писал, например: «Чуваши в старину одевали на оси (телеги.— *Г. М.*) простые выдолбленные чурбаны (каска урапи) и так летом ездили. Теперешние же колеса со спицами впервые увидели и ввели в употребление благодаря Беловолжской ярмарке»[42].

В дневниках В. К. Магницкого последовательно зафиксированы основные и подсобные занятия жителей Шуматовской волости, разные историко-этнографические сюжеты из жизни этого села. Эта информация является важным дополнением к официальной статистике. Показательны, например, такие сведения: «В д. Кильдиши 8 плотников, 3 мастера-подеревщика, которые выдалбливают ковши алтар, ночевки, корыта, гнут дуги из ветлы и вяза ценой от 1 руб. до 1 руб. 50 коп.; корзинщики плетут из прутьев корзины для телег и саней; бондари, пильщики, веревочники, сапожники, войлочники (войлоки валяют для спанья и хомутов по 15 коп. с фунта шерсти); стекольщик делает по заказам оконные рамы ценой за 40—50 коп. за раму со стеклами, столярному делу учился в соседней деревне у бывшего солдата И. Сидорова; портные шьют кафтаны, шубы, за шубу берут от 50 коп. до 1 руб., имеют швейную машину; сапожники (за новые сапоги из его товара берут 2 руб. 50 коп.), кузнецы, серебреники, гребеньщики (гребни выделывают из дерева, рога)»[43].

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что в одной небольшой статье охватить все проделанное В. К. Магницким в области изучения материальной культуры чувашей трудно. Направления этнографических исследований, которые проводил он, по-прежнему актуальны: идет ли речь об ареальном изучении материальной культуры или о сравнительном исследовании материальной культуры народов, либо о связи этнографических исследований с практикой и т. п. На современных этнографов возлагается важная обязанность — сполна выявить творческое наследие В. К. Магницкого и использовать их в научных трудах. Подготовка материалов по атласу дает хорошую возможность реализовать этот пробел. Вклад В. К. Магницкого в изучение материальной культуры чувашей в целом значителен.

Считаем необходимым заметить, что наследие В. К. Магницкого пока еще недостаточно используется в краеведческой работе. А между тем конкретный материал, содержащийся в опубликованных газетных заметках, в дневниковых записях, позволяет полнее представить повседневную жизнь и занятия крестьян многих селений нынешних Козловского, Мариинско-Посадского, Моргаушского, Урмарского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского районов республики.

[1] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 3, л. 17.
[2] *Никольский Н. В.* В. К. Магницкий как этнограф.— В кн.: *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839—1901. Чебоксары, 1929, с. 38—39.
[3] См., напр.: ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 3, л. 39 и далее.
[4] Там же, д. 5, л. 41.
[5] *Магницкий В. К.* Из поездки в Чувашский край.— Волжский вестник, 1891, № 182.
[6] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов.— Казанские губернские ведомости, 1868, № 86—89, 93.
[7] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 7, л. 45.
[8] Там же, д. 16, л. 37.
[9] Там же, л. 32.
[10] Там же, д. 4, л. 62.
[11] *Магницкий В. К.* Село Шуматово и его приход.— Казанские губернские ведомости, 1870, № 68.
[12] *Магницкий В. К.* Чувашский край. Село Моргауши Козьмодемьянского уезда.— Волжско-Камское слово, 1882, № 164.
[13] См., напр.: ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 18, с. 41.
[14] Там же.
[15] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 16, л. 39 и далее.
[16] *Магницкий В. К.* Село Шуматово и его приход.
[17] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 4, л. 75—76.
[18] *Магницкий В. К.* Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда, Казанской губернии.— Известия и ученые записки Казанского университета. Казань, 1882, № 1—2.
[19] *Магницкий В. К.* Очерк юридического быта...— Казанские губернские ведомости, 1886, № 87.
[20] *Магницкий В. К.* Из поездки в село Шуматово, с. 230—231.
[21] *Магницкий В. К.* Костюм чуваш и черемис во 2-ом стане Чебоксарского уезда.— ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 18, л. 14 и далее.
[22] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 3, л. 73.
[23] Там же, д. 5, л. 41.
[24] Там же, д. 6, л.
[25] Там же, д. 3, 4, 6—9, 11, 13—15, 19.
[26] *Романов Н. Р.* В. К. Магницкий — этнограф чувашского народа.— Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1962, вып. 21, с. 364.
[27] *Магницкий В. К.* Список селений мишарей в Буинском уезде Симбирской губернии.— ИОАИЭ. Казань, 1901, т. 17, вып. 2—3, с. 120—132.
[28] См., напр.: Село Тюрлема Чебоксарского уезда.— Волжский вестник, 1895, № 19; Чувашский край. Село Ишаки Козьмодемьянского уезда.— Волжско-Камское слово, 1882, №№ 161—162; Чувашский край. Село Моргауши Козьмодемьянского уезда.— Волжско-Камское слово, 1882, № 164, и др.
[29] См., напр.: Селения 2-го (следственного) участка Чебоксарского уезда и их достопримечательности.— НА ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 517, инв. 5664 (копия). Оригинал хранится в архиве Географического общества СССР.
[30] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 5, л. 143 и далее.
[31] *Корбут М. К.* В. К. Магницкий и его труды, с. 24.
[32] *Матвеев Г. Б.* Жилища и постройки чувашей в середине XIX — начале XX вв. (Северо-западные районы Чувашии).— В кн.: Бытовая культура чувашей (Материалы к историко-этнографическому атласу). Чебоксары, 1985, с. 30—66.
[33] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, л. 65—66.
[34] Там же, л. 95.
[35] Там же, л. 94.
[36] Там же, д. 16, л. 35.
[37] Там же, д. 7, л. 41.

[38] *Магницкий В. К.* Хмелеводство во 2-ом стане Чебоксарского уезда.— Справочный листок г. Казани, 1867, № 79; Из Казанской губернии. Чебоксары.— Русские ведомости, 1868, № 9.

[39] *Магницкий В. К.* Из Казанской губернии Чебоксарского уезда.— Русские ведомости, 1870, № 91.

[40] *Магницкий В. К.* Село Шуматово.— Волжский вестник, 1885, № 249; 1886, № 113; 1887, № 222; 1888, № 169, 188; 1889, № 185; 1889, № 215.

[41] *Магницкий В. К.* Чувашский край. Путевые заметки по Козьмодемьянскому и Ядринскому уездам Казанской губернии.— Волжско-Камское слово, 1882, № 160.

[42] *Магницкий В. К.* Беловолжская ярмарка. Этнографические материалы.— Казанские губернские ведомости, 1873, № 60.

[43] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 5, л. 37.

В. К. МАГНИЦКИЙ — СОБИРАТЕЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Д. В. АБАШЕВА

К сбору фольклора В. К. Магницкий обратился в самом начале своей трудовой жизни, в селе Беловолжском. Он вживался в среду тех людей, от которых впоследствии записывал произведения фольклора. Крестьяне воспринимали его не как «чужака», а как своего человека, желанного гостя. Его часто приглашали на народные гулянья, где в непринужденной обстановке пелись песни, загадывались загадки. Это создавало атмосферу полного взаимного доверия между исполнителями и собирателем. Тесный контакт плодотворно сказывался на степени научной достоверности и богатстве репертуара. В архивных фондах Магницкого можно найти много материалов с указанием на то, когда и при каких условиях исполнялась та или иная песня или загадывалась загадка: «20-е октября. Именины Артемия. Вечером гости — мужики и бабы подвыпивши поют песни (особо записанные), загадывают загадки»[1]. Тут же Магницкий приводит более 40 номеров загадок.

Магницкий обычно не отдавал предпочтение тем или другим жанрам фольклора, а старался записывать все, что мог услышать, т. е. придерживался метода фронтального накопления фольклорного материала, а затем классифицировал и систематизировал его. Фольклорно-этнографическое обследование населенных пунктов было типичным для его собирательской работы. Например, живя в селе Беловолжском, он наряду с изучением быта, записал весь песенный репертуар жителей этой деревни. Так же действовал позже, работая в Уржумском уезде. Применяемый Магницким принцип давал возможность не только представить разнообразный фольклорный репертуар жителей того или иного села, уезда, но и учитывать особенности, выявить закономерности его развития. Этот принцип, широко распространившийся позднее, позволяет конкретно судить об исторических судьбах народной поэзии.

Преобладающее место в фольклорном собрании Магницкого занимают песни; затем — малые жанры (пословицы, поговорки, загадки), детский фольклор. Записывал он и сказки, легенды, предания, связанные с историей определенной местности,— топонимический фольклор. Он стремился зафиксиро-

вать все нюансы, не допускал никаких искажений, поправок и «улучшений», старался сохранить даже речевые особенности и произношение. Кроме того, Магницкий очень строго соблюдал принцип принадлежности фольклорно-этнографического материала к определенной местности. Он считал, что география бытования играет важную роль: позволяет судить о конкретно-исторических условиях возникновения и последующего развития жанра. Точное указание времени и места записи давало возможность сравнивать произведения одного населенного пункта с фольклором другой местности. Это говорит о том, что Магницкий был хорошо знаком с опытом собирательской деятельности предшествовавших ученых.

Результатом четырнадцатилетней кропотливой работы Магницкого стал сборник песен крестьян села Беловолжского[2].

В 60—70 гг. в России издаются сборники народных песен отдельных местностей. Сборник В. К. Магницкого по своему объему и составу стал одной из лучших работ такого типа. Он включает более 200 самых различных народных песен, в то время как некоторые другие сборники его предшественников были гораздо меньше. Например, в сборнике Н. А. Смирнова — не более 100 песен, они не разбиты по группам и не паспортизованы, так же невелика книга А. Савельева[3].

Во многих сборниках первой половины и середины XIX века включали ранее опубликованные записи. Однако такое во второй половине XIX века начинает быстро изживаться. Магницкий, как и большинство наиболее передовых собирателей этого времени, поместил только свои собственные записи, стараясь не повторять работу других собирателей.

О том, как тщательно отбирал для публикации собранный материал, свидетельствует следующий факт: при подготовке к изданию песен села Беловолжского он выявил, что из собранного 20 текстов уже опубликованы в сборнике А. В. Можаровского[4]. Поэтому он 17 текстов исключил, по двум привел местные добавления, и лишь три оставил «столько же по несходству, сколько по особому значению» (с. 5). Этим самым он не повторил сделанное другим, но указал на бытование в данной местности опубликованного.

В предисловии Магницкий подчеркнул, что «записанными далеко не исчерпывается запас известных им песен. Это в особенности нужно сказать про песни обыденные. В то время как песни обрядовые-круговые (хороводные), свадебные и т. д. остаются неизменными более или менее продолжительное время, песни обыденные, за исключением некоторых любимых, меняются чуть ли не каждое лето» (с. 3). По мнению собирателя, «источником пополнения запаса песен у крестьян служат исключительно наезды в селение лиц так называемых чужестранных: портных, шерстобитов, валяльщиков, плотников, печников и т. д. и т. д., а также выезды жителей известного се-

ления в другие: съездит, например, девушка погостить в другую деревню, и она оттуда непременно привезет хоть одну песню, неизвестную на ее родине» (с. 4).

Всего помещено 211 русских народных песен, которые были наиболее популярны в то время в Беловолжском; они разделены по жанровым разновидностям. Это, по терминологии собирателя, песни детские (7 текстов), обыденные (89), исторические (5), стихи нищих (4), круговые-хороводные (22), троицкие (4), плясовые (10), игровые (14), свадебные (37), свадебные припевы девушек (5), причитания дружек и свадебные обряды (14). Последние три раздела можно было бы объединить в один по тематическому признаку, но Магницкий предпочел разбить их на отдельные группы. Некоторые песни по своему содержанию не совпадали с названиями тем разделов, в которые были включены, например, в раздел детских песен вошли и песни вечериночные.

Издание сборника «Песни крестьян села Беловолжского...» явилось большим событием для Казани как местного научного центра. Еще современники Магницкого высоко оценили этот труд. Непроходящая научная ценность подтверждается ссылками на него ряда наших современников-исследователей фольклора[5].

Значительное количество произведений русского фольклора содержит и другой сборник В. К. Магницкого «Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде». Из предисловия узнаем о стиле работы составителя: «Сборник наш был составлен... в 1878 году... и представлен в... Общество Археологии, Истории и Этнографии, под заглавием: «Переживание древней культуры у жителей 2-го стана Чебоксарского уезда». Пересмотрев сборник вновь, мы дополнили его некоторыми новыми материалами, ... местные слова сличили с «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля»[6].

Во 2-й половине XIX в. стали составлять фольклорно-этнографические сборники по отдельным губерниям, краям России. В. К. Магницкий включился в такую работу. Записи в основном проводились в русских селах, что и обусловило преобладание материала по русским, проживающим в окружении других народов. Фольклорный и этнографический материал Магницкий соединил, руководствуясь термином Э. Тейлора «переживание». Автор отметил как важный для себя труд В. И. Даля (с. 1)[7].

Книга состоит из 7 разделов («отделов», по определению В. К. Магницкого), фольклорные записи включены во второй («Детские прибаутки, прозвища, игры, потехи и загадки»), четвертый («Народные песни»), пятый («Побаски: пословицы и поговорки»).

Систематический сбор детского фольклора начался в 60-х гг. XIX в., а к выходу работы Магницкого образцы детского фольклора включали и в общие издания, и в отдельные сборники.

Собирался детский фольклор к этому времени и по отдельным губерниям. В Казанской губернии этим занимался А. Ф. Можаровский и К. С. Рябинский.

В предисловии Магницкий высказал ряд теоретических положений о жанрах детского фольклора: «Относительно детских прибауток, прозвищ и проч. заметим, что это произведения не самих детей, а взрослых. Шутливые прозвища, как и все легкое, смешное, приходят к детям и хранятся между ними, подобно тем обломкам древних мифических песен, которые легкостью склада и игривостью содержания привлекали детское внимание и переданы взрослыми детям, как забава, как шутка» (с. IV). Он считал верным утверждение Э. Тейлора о том, что игры детей привлекают внимание этнологов потому, что «многие из них составляют лишь шуточные подражания серьезному жизненному делу... Ясный пример того могут представлять лук и стрелы. Древнее оружие, которое у диких племен все еще занимает свое смертоносное место на охоте и в битве, стало простым переживанием в виде игрушки» (с. IV).

В этом разделе Магницкий приводит 20 прибауток, записанных им в разных уголках Чебоксарского уезда. Он включил не только собственно прибаутки, но и все те образцы детского фольклора, которые могут развлечь, утешать и занять детей («Тяни холсты», «Ладушки, ладушки», «Сорока-ворона» и др.). В разделе помещены колыбельная песня «Спц, усни! Угомон тебя возьми» (с. 35), а также некоторые заклички («Солнышко-ведрышко»—с. 35). Образцы дразнилок представляют большую ценность, так как дореволюционными исследователями они собирались очень редко. Отдельно описаны детские игры, приведены девять считалок.

Включено в сборник около ста загадок, они расположены в алфавитном порядке по отгадкам.

Как бы продолжением сборника «Песни крестьян села Беловолжского» является четвертый раздел, в тексте названный «Песни крестьян». Магницкий их расположил по месту записи: 1—2) с. Беловолжского, 3) с. Алексеевского (Сизинери), 4) с. Тюрлемы, 5) д. Масловой. Здесь приводятся тексты 74 песен русских крестьян и 4 — чувашей деревни Масловой. Последние даны в переводе на русский. Это собрание дает фактический материал для изучения изменения песенного фольклора в связи с применением в жизни и быту. В этом отношении интересны песни «Волга-матушка шумит» (Волга-матушка шумит. Пароход сверху бежит, Пароход с двумя трубами, По названью — «Самолет» с. 54), «Катюшенька хороша, хороша» (с. 65), «Раскрасавица девочка! На белой груди цепочка» (с. 79) и др.

Магницкий зафиксировал первые образцы частушек — нового жанра, появившегося в селах Чебоксарского уезда в конце

XIX века, назвав их «любезностями девушек с парнями». Например:

«Что ты, Маша, приуныла?
Не купить калача?
Еще Машу распотешу,
Кренделей сверху повешу» (с. 81).

Приведены сравнения вариантов песен разных сел. Так, в нем можно встретить записи следующего характера: «Шла Машурка из садочку (поется как в селе Беловолжском, с следующим добавлением...)»— далее приводится добавление — вариант. Собиратель старался сравнивать свои записи с подобными других фольклористов края.

Есть в сборнике раздел, включающий, по терминологии Магницкого, побасенки (пословицы и поговорки). Здесь их более 770 номеров. Материалы Магницкого касаются местных особенностей, но в то же время в них отразились и общерусские проблемы: характерные для того времени социальные процессы (расслоение деревни, обнищание крестьян), тяжелая доля женщины, а также исторические события и внутренний мир человека.

Здесь проявилось все богатство идейно-тематического содержания русских пословиц и поговорок, например, «В правом кармане — вошь на аркане, а в левом — блоха на цепи», «Дыр много, а вылезть неоткуда», «Сердце — не холоп, ему не прикажешь», «Часом с квасом, порой с водой» и др.

В первоначальной рукописи сборника Магницкого было отражено и довольно много антиклерикальных пословиц («Бог душу не вынет, сама не выйдет», «До бога высоко, до царя далеко», «Заставь дурака богу молиться, готов лоб разбить»), но опубликовать их он не мог по цензурным соображениям.

Интересны собранные Магницким пословицы и поговорки о социальном неравенстве, о тяжкой жизни трудового народа в пореформенную эпоху: «Богатый на деньги, голь — на выдумку», «Мужик Онтошко украл немножко. Грех воровать, нельзя миновать: скотина околевает», «Обижают на большой дороге, а здесь кругом обирают и зла не помнят». Запись социально острых пословиц и поговорок еще раз подчеркивает демократические взгляды собирателя и его установку на живой народный репертуар. Имеются самобытные оригинальные образцы, особенно те, что созданы под воздействием инонационального соседства. Например, Магницкий приводит пословицу «Мин дувас да мин дувас... нам теперя не до вас!» и отмечает в сноске, что здесь отразилось чувашское влияние: «минь дувас» по-русски значит: «Что же делать, чего делать?» (с. 106). Магницкий обратил внимание на то, что эта пословица бытовала в среде чебоксарских лавочников, а они, как известно, находились особенно в тесном контакте с чувашскими крестьянами. В данном случае в русской пословице использовано целое выражение из

чувашского языка, но в сборнике встречаются такие пословицы, в которых заимствовано из другого языка лишь одно слово. Например: «Пошла «ташла»— грош нашла, еще пошла — два нашла». Магницкий привел перевод: «Чувашское слово, значит: «Пляши!». Известной и в других вариантах пословице использование чувашского слова придает неповторимый местный колорит. В пословицах встречаются реалии и названия, характерные только для данной местности, как, например: «Вали в «Ковали», завтра в «Пигали»*, с примечанием: селения Казанского уезда (с. 100). Иногда в поговорки превращались сочетания слов, произносимые с акцентом, свойственным чувашам, например: «Кончал базар! (Эта фраза на чувашский лад произносится по поводу окончания какого-нибудь дела или безуспешных поисков какой-нибудь вещи)»,—заметил Магницкий (с. 105.) Эта поговорка бытует в народе и в настоящее время. Также под чувашским влиянием создана русскими пословица: «Тух! нечистый дух». Разъясняя слово «тух», Магницкий указал: «Чувашское слово, значит: выдь! вон!» (с. 115). Подобные записи ценны еще и потому, что их было сделано в то время очень мало.

В своей фольклорно-этнографической работе Магницкий исходил из необходимости раскрыть проблемы: какими причинами вызван тот или иной «норов» и «обычай»? Какие явления народной жизни ими обусловлены? Отыскивая ответы на эти, поставленные в предисловии к сборнику вопросы, В. К. Магницкий предоставил в распоряжение исследователей свой богатый фольклорно-этнографический материал.

Научно достоверные записи фольклорных произведений не только русского, но и чувашского населения данного края — ценный материал для современных исследователей.

Литература и источники

[1] ЦГА ЧАССР, ф. 333, оп. 1, д. 8, л. 19.

[2] *Магницкий В. К.* Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии. Казань, 1877. Стр. в тексте даются в скобках по этому изданию.

[3] *Савельев А.* Сборник донских народных песен. СПб., 1866; *Смирнов Н. А.* Русские народные песни новейшего времени. СПб., 1895.

[4] *Можаровский А. Ф.* Святочные песни, игры и гадания Казанской губернии. Казань, 1873.

[5] См.: *Кравчинская В. А.* Устная песенная лирика второй половины XX века.— Русское народное поэтическое творчество. М.—Л., 1956, т. 2; *Лазутин С. Г.* Русские народные песни. М., 1965 и др.

[6] *Магницкий В. К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник. Казань, 1888, с. V—VI. Стр. в тексте даются в скобках по этому изданию.

[7] *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1880.

* Скорее всего, опечатка: с. Шигали. Оба входили в Цивильский уезд.— *Ред.*

РОЛЬ В. К. МАГНИЦКОГО В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЧУВАШИИ

Е. П. МИХАЙЛОВ

Изучение древностей Чувашского края в дореволюционное время неразрывно связано с именем В. К. Магницкого. Однако эта сфера его многогранной деятельности оставалась вне серьезного внимания, хотя и упоминалась в ряде работ историографического характера.

Археологией, как и многими другими областями гуманитарных знаний, В. К. Магницкий начал интересоваться в начале 1860-х гг. Во время разъездов по служебным и личным делам он обращает внимание на курганы, городища, старые кладбища, надгробные камни с письменами.

В некоторых газетных публикациях он сообщает об отдельных археологических объектах. Так, Магницкий описывает «развалины каменного дворца Екатерины 2-й... между околодком Ямским (Муни-Сирмы) и Картлуями (Аманик) в версте от первого и четверть версты от второго в пахотном поле»[1]. Но, по мнению С. М. Шпилевского, «это была древняя татарская башня»[2]. В. К. Магницкий привел различные предания, связанные с городищем «Карман-ту» (Разбойничий городок) у дер. Карабаши[3].

В одной из газетных статей Магницкий пишет о посещении им 7 кладбищ, на которых были захоронены некрещеные чуваши. На них еще были надгробные камни с надписями. Указано точное расположение кладбищ, что облегчает современным исследователям их разыскание. В заключении отмечено, что, описывая эти памятники старины, он имел целью «заявить о них как факте для исследования и принятия мер к сохранению их, потому что много камней с них, вопреки первоначальному назначению», использованы как строительный материал[4].

Затем он сообщает о Кульгешевском кладбище с «двумя замечательнейшими на нем, из всех виденных мною камнями с татарскими на них надписями и фигурами», о городище «хола сёрче» между с. Бишево и д. Осиново, «крепости» на Криушском мысу, называвшемся также «Чар ту». В. К. Магницкий, по его словам, «признаков крепости нигде не заметил»[5].

Приехав летом 1873 г. к отцу в с. Шуматово, Магницкий узнает, что Шуматовское волостное правление должно сооб-

щить в Казанский губернский статистический комитет сведения о городищах, курганах и др. памятниках на территории волости. В связи с отсутствием у волостного правления таких сведений, В. К. Магницкий проводит осмотр известного ему еще в 1850—1854 гг. «бугра кургана» между с. Шуматово и дер. Юманай. По окружающей «бугор» горизонтальной местности Магницкий уверенно предполагает, что бугор — курган. От волостного писаря он получил сведения о кургане близ дер. Тиньгеши и местности «сьув олых», «при распашке коего выпахиваются гробовые доски». Результат этой поездки был изложен в виде статьи, редактор «Казанских губернских ведомостей» Н. Ф. Юшков доложил об этом на съезде естествоиспытателей в Казани[6].

В 1874 г. В. К. Магницкий публикует статью о двух курганах в версте от Цивильско-Ядринского почтового тракта «не доезжая верст двух до села Балдаевской Сугути»[7]. После раскопок одного из них Средневолжской экспедицией ГАИМК по руководством П. Н. Третьякова в 1930 г. в научную литературу они вошли как Атликасинские[8]. В центре одного кургана была яма, оставшаяся от раскопок ядринского мирового посредника. В статье высказано сожаление, что раскопка не была доведена до основания кургана и выполнена по самой середине в виде колодца вопреки программе Археологического общества. Это говорит о том, что Магницкий знал о методике, разработанной одним из ведущих археологических учреждений России.

И в Вятском крае Магницкий интересовался местной археологией, написал несколько работ о древностях Вятки[9]. Во время поездок на родину он смотрел городища в с. Шутнерово и у д. Карман-Сирма[10]. В научной литературе последнее известно под названием «Пичке сăрчĕ» или Ягаткинское.

После выхода в отставку и возвращения в Чувашию он провел ряд специальных «экскурсий» по осмотру и описанию археологических объектов на территории Ядринского и Курмышского уездов.

В июне 1895 г. Магницкий в сопровождении учителей Шумшевашского и Шуматовского начальных училищ К. С. Степанова-Вазик и М. Е. Егорова, а также грамотного чувашского крестьянина д. Кильдишево М. Кузьмина осмотрел городище «Пиндерь сырч» у дер. Янымово (в научной литературе известно как Янымовское городище). На месте были собраны «несколько мелких раздробленных костей, лежавших поверх земли». Наиболее цельные кости, главным образом зубы, Магницкий доставил в ОАИЭ. Тогда же по совету М. Кузьмина были осмотрены распахивавшиеся курганы в 0,5 версты от дер. Ордашево, два — на правом берегу речки Пюгю (Пӳхӳ) в окрестностях дер. Кильдишево, два («по выпуклостям», вероятно, и три) — налево от дороги из дер. Кильдишево в дер. Верхние Сунары, один — в 0,5 версты от дер. Паймурзино (у Магниц-

кого дается чувашское название «Кюрьде кассы»)[11]. Эти памятники, кроме последнего, до этого не были известны[12]. Все они находятся на территории Ядринского района.

В 1896 г. Магницкий в сопровождении Степанова и Громова посетил и описал два городища под названием «хола сёче» у деревень Пизенеры и Изванкино[13]. Первое было указано К. С. Степановым-Вазик. Сведения о втором Магницкий получил от учителя Аликовского двухклассного училища В. Н. Орлова.

В том же году В. К. Магницкий между с. Шуматово и дер. Юманай выявил еще три кургана (близ описанного им еще в 1873 г.). Он отмечает, что они не были до этого им замечены из-за их сильной распашки[14].

В июне 1897 г. Магницкий осмотрел и описал (в поездке его сопровождали К. С. Степанов-Вазик, студент Казанского университета В. И. Аристовский и священник с. Раскильдино М. С. Самсонов) указанные ему К. С. Степановым два городища у деревень Тури Выла и Кармал. Тогда же они посетили урочище «хола çочё» в 5 верстах к юго-западу от с. Раскильдино, в удельном лесу (указали священник М. С. Самсонов и церковный староста с. Раскильдино), «однако признаков каких-либо укреплений ... не нашли». Во время «экскурсии» были получены сведения о курганах у дер. Малые Туваны и Егоркино (у Магницкого — Егорт ошкынь)[15]. В мае 1898 г. мальчик Андрей Лукин из д. Ванькино В. К. Магницкому показал городище «Йикар тюмески» («Йĕкĕр тĕмески»)[16].

Большой объем информации об археологических памятниках содержится в незавершенной работе В. К. Магницкого «Опыт историко-географического словаря Казанской губернии»[17].

Собранные им сведения еще при его жизни были привлечены при составлении списков и описаний памятников Казанской губернии[18].

В. К. Магницкому, как и немалой части дореволюционных авторов, была присуща лишь общая описательная характеристика памятников без должной научной интерпретации, что объективно отражает уровень развития археологической науки того времени. В. К. Магницкий не проводил раскопок, но был знаком с достижениями полевой археологии России того времени. Он был противником самовольных и неправильных с научной точки зрения (кладоискательских) работ.

Большое внимание В. К. Магницкий уделял пополнению археологических коллекций музеев, сдавал туда всевозможные случайные находки. За полный учет и описание археологических памятников Ядринского уезда Магницкий был удостоен похвальной грамоты (отзыва) на Казанской научно-промышленной выставке 1890 года[19].

В. К. Магницкий привлек к исследованиям местных учите-

лей — К. С. Степанова-Вазик, В. Н. Орлова, М. Ф. Федорова, Е. В. Васильева, И. Васильева. О К. С. Степанове он сказал, что тот — «счастливый разведчик местонахождений городищ и курганов в Ядринском уезде и, частию, в соседнем Курмышском». Под влиянием Магницкого заинтересовался археологией и написал несколько работ священник Н. А. Архангельский[20]. Магницкий оказывал ему всемерную помощь и содействие. По его рекомендации Архангельский был избран членом-сотрудником, а затем действительным членом ОАИЭ при Казанском университете. Свои работы Архангельский давал на просмотр Магницкому, просил у него советы, пользовался его библиотекой.

Информация, собранная Магницким, не утратила своей ценности. С течением времени многие из курганов распаханы, население забыло о городищах. Материалы В. К. Магницкого оказывают большую помощь по выявлению и исследованию археологических памятников в северной части Чувашии. Не все отмеченное им осмотрено и описано и к настоящему времени[21].

Литература

[1] *Магницкий В. К.* Из путевых заметок по 2-му стану Чебоксарского уезда.— Казанские губернские ведомости, 1866, № 3.

[2] *Шпилевский С. М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, с. 514.

[3] *Магницкий В. К.* Разбойничий городок и клады в нем близ деревни Карабаш.— Казанские губернские ведомости, 1866, № 46.

[4] *Магницкий В. К.* Старые оставленные кладбища во 2-ом стане Чебоксарского уезда (Из путевых заметок).— Казанские губернские ведомости, 1866, № 46.

[5] *Магницкий В. К.* Археологические достопримечательности во 2-ом стане Чебоксарского уезда (Отрывок из путевых заметок).— Казанские губернские ведомости, 1874, № 12.

[6] Статья эта была утрачена. Между тем о ней упомянул С. М. Шпилевский (Указ. соч., с. 525). В. К. Магницкий возобновил ее по сохранившемуся у него черновому наброску и отправил в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), но и это описание, по словам Магницкого, «не дошло до Общества». См.: *Магницкий В. К.* Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губ.— ИОАИЭ. Казань, 1884, т. 3, с. с. 161. М. К. Корбут обнаружил работу в делах ОАИЭ (ныне хранится в ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 1, лл. 231—236 об.) и опубликовал в сокращенном виде. См.: *Магницкий В. К.* Археологические достопримечательности в районе с. Шуматова, Ядринского уезда. — В кн.: *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839—1901 гг. Чебоксары, 1929, с. 92—97.

[7] *Магницкий В. К.* Курганы в Ядринском уезде.— Казанские губернские ведомости, 1874, № 84. Рукопись хранится в ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 1, л. 253—253 (об.).

[8] *Третьяков П. Н.* Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК.— Сообщения ГАИМК. Л., 1931, № 3, с. 13—16.

[9] *Магницкий В. К.* Клады из мелкой серебряной монеты в Вятской губернии.— ИОАИЭ. Казань, 1901, т. 17, вып. 4, с. 217—221; *он же.* Описание кургана и черемисского предания о нем.— Вятские губернские ведомости, 1880, № 41. Неопубликованные работы по Вяткому краю хранятся в ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 19, л. 72—84.

[10] Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского уни-

верситета, д. 2311, л. 20—26; *Магницкий В. К.* Два «Хола сёче» (городища) в Ядринском уезде.— ИОАИЭ, Казань, 1897, т. 14, вып. 1, с. 102. Рукопись статьи хранится в ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 3, л. 79—81.

[11] *Магницкий В. К.* Городище «Пиндерь сырч» и курганы в Ядринском и Курмышском уездах.— ИОАИЭ. Казань, 1896, т. 13, вып. 4, с. 364—373. Рукопись статьи хранится в ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 6, л. 108—110 (об.).

[12] Объяснительная записка к археологической карте Казанской губернии. Казань, 1890, с. 12.

[13] *Магницкий В. К.* Два «Хола сёче» ... с. 101—108.

[14] Там же, с. 101.

[15] *Магницкий В. К.* Поездка в Курмышский и Ядринский уезды с археологическою целью.— ИОАИЭ. Казань, 1898, т. 14, вып. 4, с. 434—441.

[16] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, д. 9, л. 59; Научный архив ЧНИИ, отд. I, ед. хр. 201, с. 299—300.

[17] ЦГА ЧАССР, ф. 334, оп. 1, дд. 3, 4, 6—9, 1, 13—15.

[18] *Шпилевский С. М.* Древние города... Казань, 1877; Объяснительная записка к археологической карте Казанской губернии. Казань, 1890 и др.

[19] *Кедров Н. М.* Василий Константинович Магницкий.— Известия по Казанской епархии, 1901, № 4, с. 371.

[20] *Архангельский Н. А.* Курганы в Туруновском и Мало-Шатьминском приходах Ядринского уезда Казанской губернии.— ИОАИЭ. Казань, 1896, т. 13, вып. 4, с. 287—289; *он же.* Из археологической экскурсии в 1898 году по Ядринскому уезду.— ИОАИЭ. Казань, 1900, т. 16, вып. 1, с. 72—78; *он же.* Археологические достопримечательности Ядринского уезда Казанской губернии.— ИОАИЭ, Казань, 1900, т. 16, вып. 2, с. 213—225 и др.

[21] Например, нами в 1986 г. по материалам Магницкого осмотрено и описано городище «Йёкёр тёмески» у д. Ванькино Ядринского района.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОСТУПКОВ ВО 2-М (СЛЕДСТВЕННОМ) УЧАСТКЕ ЧЕБОКСАРСКОГО УЕЗДА

В. К. МАГНИЦКИЙ

I. Преступления против веры

Второй следственный участок Чебоксарского уезда населяют [...] чуваши, черемисы, татары и русские. Все они, за исключением некоторой доли татар, по вероисповедованию считаются православными христианами, но в действительности чуваши и черемисы и до сих пор полнейшие язычники, а крещеные татары — магометане. Это последние как нельзя более красноречиво доказали в 1866 году открытым поголовным отпадением в магометанство. Относительно чуваш и черемис [...] убедиться в нем легко — стоит только на самое короткое время побывать в любом чувашском и черемисском селении. Правда, языческое миросозерцание чуваш и черемис, коренящееся в шаманстве, далеко не сохранилось в своем начальном виде и представляется в настоящее время младенческим решением важнейших религиозных вопросов: но по милости их захолустного положения и поголовной неразвитости держится крепко. В доказательство приведу несколько случаев из следственной практики. В деревне Еметкиной (Кунерь) Бишевского прихода случилась кража лошадей. Владелец последних, слыхав ночью скрип ворот, вышел во двор и, увидев кражу, сбил тотчас понятых. Последние, выйдя за околицу, настигли там неизвестного остановившегося чувашина деревни Малой Карачевой (Сядырга) Карачинского прихода и татарина соседней деревни Янгильдинской (Карамышевской) и, как время было позднее, лишь только за полночь,— задержали их. Чуваш с татарином оправдались, показали, что они виновником кражи считают однодеревенца обокраденного, потому что он на их глазах перед тем куда-то пробирался тайком через овраг. Был отыскан и однодеревенец, и, в свою очередь, показал, что он, по случаю болезни детей, ходил совершить чук (жертвоприношение) керемети, а ночь выбрал для того, как наиболее благоприятную от неблагоприятных встреч. Спрошенные по поводу последнего обстоятельства обыватели деревень Еметкиной и Карачевой показание заподозренных подтвердили за присягой на повальном обыске.

В октябре м-це 1867 года чувашин деревни Акчуриной (Акчур) Бичуринского прихода ходил по лесу с ружьем стрелять

зайцев. Вдруг ему видится в лесу волк, и он бух! в него. Но каков же его ужас, когда в подстреленном оказался его однодеревенец. Последний, как оказалось на следствии, перед тем возвращался из г. Цивильска с богомолья Тихвинской Божьей Матери и в лесу у дуба совершал для вящего благополучия окончательный чук керемети [...].

Свечи в церквах усердно ставят и чуваши с черемисами; собственно говоря, они для них только приходят в церковь. Откуда у чуваш и черемис взялся обычай ставить свечи, мне неизвестно, но достоверно известно, что они ставят их и в кереметях. Последним кроме того они приносят в жертву серебряную и медную монету и суррогаты их нохрадки — оловянные и жестяные кружки наподобие мелкой серебряной монеты, куски черного и белого хлеба, пряник-оргамах, яйца, птиц живых — гусей, уток и кур. Совершенно безучастные к интересам церкви, чуваши и черемисы далеко не хладнокровны к имуществу кереметей. Как бы чувашин, напр., не нуждался в деньгах, положим, он скорее решится умереть с голоду, чем воспользоваться кереметной жертвой. Попадись в поле кереметные — гусь, утка, курица,— чуваш сделает объезд версты по две, а находку не возьмет. Кроме страха быть пойманным (пораженным) кереметью, они сдерживаются от расхищения кереметного имущества из опасения быть за то побитыми узнавшими об этом однодеревенцами.

К церковным кражам Уложение приурочивает кражи из часовен. Последние русский народ в ознаменование различных жизненных событий ставит чуть не на каждом шагу, но почитание им воздаст тем, что, проходя мимо, снимает шапку и делает несколько поклонов. Чуваши и черемисы стали изредка ставить часовни только в последнее время, но к выстроенным издавна благовеют, как к своим кереметям, особенно если в них стоит образ св. и чудотворца Николая. Кроме земных поклонов, иногда без изображения крестного знамения, они оставляют в часовнях, что и в кереметях. Все съедомое, конечно, тотчас же расхищается галками, воронами, собаками, а деньги и свечи — живущими среди чуваш русскими. Последние в данном случае не страшатся гнева божия потому, что жертва чувашская, к тому же во многих часовнях среди чуваш часто не бывает никаких изображений. В угодьях со стороны чуваш и черемис особенно почитается Оползина часовня на берегу Волги между выселками Чекурами и Криушами на земле Цивильского Тихвинского Монастыря; к ней предпринимаются ими путешествия даже из соседних уездов. Такое благовейное отношение чуваш и черемис к часовням объясняется, кажется, тем, что часовни своею уединенностью напоминают им их языческие керемети [...].

II. Преступления государственные

На небе Бог, на земле царь — вот единственная форма государственного правления, какую народ допускает в своих воззрениях. Дальнейшими разветвлениями народ не интересуется и не имеет об них никакого понятия. Слыхал он, впрочем, что там, в Питере, есть министры, но кто они такие, в каких отношениях они стоят к царю, в чем их права и обязанности, темна вода в облацех воздушных. Из губернских властей народ тверже всех знает губернатора и Новую Палату (по-чувашски Сине Полат), бывшую Палату Государственных Имуществ; из уездных — окружного начальника, исправника, станового, Земский Суд [...]. От того, что перечисленные учреждения существовали и существуют издавна, к названиям их привыкли и инородцы — татары, чуваши и черемисы; новые же названия усваивают с трудом. Особенно им не даются: полицейское управление и судебный следователь. Последнего русские называют [...] слюсвинник, камисар [...], чуваши: становой позе (голова станового,начальник над становым). В собственной среде народ знает старшину, или как инородцы до сих пор называют его — голова, в некоторых местах — бурмистр, а русские — волоской; заседателей, помощников старшины, старост, сотников, десятников, плательщиков (сборщиков) — по-чувашски шощик; далее — матроса (объездчика) и надзирателей (полесовщиков и пожарных старост). Сельское начальство у русских обществ называется пятачки, у чуваш — ятла-сии. Чуваши и черемисы в каждом своем околодке выбирают еще нечто в роде помощника сельского старосты — деревенского начальника — волоскового и погоняльщиков в помощь плательщикам (сборщикам податей). Выбор этих лиц обуславливается у них тем обстоятельством, что деревни их нередко состоят из 10—12 самостоятельных околодков, отстоящих один от другого на значительном расстоянии. О выборе волоскового и погоняльщиков приговоры не составляют, и они к присяге не приводятся; но народ предоставляет им ту же власть, как и присяжным старостам и сборщикам.

Выборную службу народ считает не правом, а повинностью, и во всяческое время готов ее передать чиновникам: они народ грамотный, им и книги в руки, а мы чево знам! Сам выбор на должности производится им как раскладка повинностей. Наглядно он проявляется в назначении сотников и полесовщиков. Несмотря на то, что служба их ничем не вознаграждается, крайне разорительна, в сотники и полесовщики выбираются самобеднейшие бессемейные бобыли [...].

III. Преступления против порядка управления

[...] Самоуправство [...]. У чуваш самоуправство вызывается еще нарушением их языческих религиозных верований.

Блюстителем исполнения последних, за отсутствием особого класса лиц — духовенства, и в этом случае является мир (халых) в целом своем составе. [...]. В предотвращение градобития чуваши справляют нечто в роде поста Синзе, когда между прочим не дозволяется косить траву, рыть землю и т. д.

Требование это, хотя строго соблюдается, по пословице «в семье не без урода», и вот выпади после того град, нарушитель будет счастлив, если отделается побоями. В 1869 году у судебного следователя 1-го участка Ядринского уезда производилось такого рода дело. В селе Хочяшево один чувашин до окончания Синзе выехал пахать пар — пахать под озимое. Вскоре на беду его выпал град, и хлеб во множестве погиб. Рассвирепевшие чуваши тотчас [...] в дом к виновнику для расправы, но тот успел скрыться, и они ограничились тем, что сняли со всех сох сошники и унесли с собой. Владелец подал объявление в Волостное Правление (жалобщик, помнится и [...] причину скрыл), приехал становой пристав, потребовал сошники, но чуваши ему в этом наотрез отказали, заявив, что сошники они не возвратят до будущего года, когда владелец их должен выехать с ними одновременно. Сколько мне известно, дела такого рода по Ядринскому уезду возникают чуть не каждый год. Синзе строго соблюдается и в Чебоксарском уезде. Известна она и черемисам под названием Синкса, но у них не имеет никакого значения [...].

IV. Преступления против постановлений по службе государственной и общественной

[...] Подлог, как продукт грамотности,— специальность писарей, этих кандидатов, в былые годы, по выражению г. Сбоева, на купца или на пешеходяще на восток. С переходом крестьян в заведование мировых учреждений [...] все делопроизводство волостных правлений фактически и сейчас находится всецело в их руках. Наибольшая часть случаев подлогов [...] состояла в увеличении числа голов в приговорах сельских обществ на дозволение производить приговоры. [...] Подлоги в приговорах все чаще являются вследствие того, что обыватели на сельские сходы редко являются в узаконенном числе (2/3) домохозяйств, что, в свою очередь, обусловливается тем, что чувашские и черемисские общества официально состоят из жителей нескольких околодков, отстоящих один от другого верст на 5 и более, носящих общее родовое название, присвоенное деревне и обществу; поэтому составители приговоров, чтобы не заволакивать дело, недостающее число подают заочно, чему способствует сам сход, уверяя, что отсутствующие с ними, присутствующими, будут согласны. Этот и проч. подлоги — самое обыкновенное, можно сказать, обычное явление. Случается, конечно, и так, что писарь составит приговора на бумаге, [...]

пишет в нем впоследствии то, о чем бывшим на сходе не грезилось и вовсе. В какое жалкое положение становятся при подлогах безграмотные члены волостных правлений с их должностными печатями вместо податей [...].

VII. Преступления против общественного благоустройства и благочиния

[...] Противозаконное собрание [...]. Явное незаконное сожитие вдовцов, как вынужденное, у чуваш и черемис вовсе не считается таковым, и рождающиеся от него дети считаются наследниками наравне с законнорожденными, особенно если сожитие было непрерывное и продолжительное [...].

VIII. Преступления против жизни, здравия, свободы и чести частных лиц

[...] Самоубийство. Самоубийство, и притом через самоповешение, довольно обыденное явление у чуваш и черемис, но отнюдь только не из мести и не на воротах своего врага с целью накликать ему сухую беду, как упорно до сих пор третирует их этнографическая литература, в том числе программа для собирания народных юридических обычаев. Не отвергая случаев нахождения повесившихся на воротах, я, на основании собственных наблюдений в течение слишком 30-ти летней жизни среди чуваш, причем последние 7 лет на должности судебного следователя 2-го участка Чебоксарского уезда, позволю смело назвать такие случаи проделками старых следователей с их письмоводителями и рассыльными. В доказательство я не могу указать ни на один печатный факт, но, надеюсь, в архивах Казанской губернии найдется не одно дело о становых приставах с их братией, судившихся за развозку мертвых тел или отрезанных от них членов. Для этого, впрочем, не нужно заглядывать и в архивы, а стоит только отыскать где-нибудь в глуши отживающего старого станового или его письмоводителя и рассыльного, и они с наглою беззастенчивостью и самохвальством расскажут о таких своих похождениях, о каких служащему не грезилось и во сне, и непременно закончат свой рассказ: и вы нынче что? боитесь и курицы даром съесть. Не месть, а болезни, трусость, нападающие на чуваш и черемис после возбужденного состояния, страх за совершенное деяние побуждают их на самоповешение. В доказательство в архивах отыщется не одно дело об удавившихся не на воротах, а в арестантских становых.

Местом самоповешения выбираются: избы, амбар, сарай, мякинницы, деревья на гумнах и в лесах (черемисами). Если кто и вздумал повеситься на воротах, хотя они у чуваш и черемис для того совершенно неудобны, то [...] начать такую оказию

едва ли кому удастся, потому что семейные не замедлят перенести в более благоприятное место.

При самоубийствах у русских [возникает] первостатейной важности вопрос, следует ли самоубийц хоронить по-христиански?

Чуваши и черемисы ко всему этому совершенно равнодушны [...].

Детоубийство и подкидывание незаконнорожденных младенцев. И то и другое совершается для сокрытия противозаконного сожития. К последнему средству — к подкидыванию — коренное туземное простонародье никогда не прибегает, проявляющееся же изредка — продукт пришлого населения, являющегося нередко специально для него. Чуваши, рассказывали мне, до приезда суда кормят подкидышей по очереди, назначая в оную матерей, имеющих грудных детей [...].

Изувечение, поражение и личные оскорбления [...]. Для возбуждения преследования против обидчика закон требует со стороны обиженного жалобы, а практика в былые годы — непременно письменной и притом на гербовой бумаге. При поголовной безграмотности населения — требование стеснительное, но обиженный и сейчас, когда можно подавать словесные жалобы, скачет в город и пишет кляузу, уплачивая за ее писание 1 1/2—3 р. сер., не считая поллитров, которые сопьет, также сочиняя жалобу. Дело, как говорится, обыкновенно не стоит и выеденного яйца, но подавший жалобу чувашин убежден, что обидчика так вот сейчас и засадят. В самой жалобе чувашин старается привести не доказательства виновности, а только подать ее самое. При этом всегда берет с жалобы копию и при следствии показывает ее как неопровержимый факт виновности обидчика. Попытайтесь при этом у чувашина копию отобрать и приложить для чего-нибудь к делу — чувашин забегается и будет считать себя обезоруженным.

Дела поименованных проступков, при известных условиях, могут кончаться примирением, но чуваши большей частью начинают мириться после того, как обязательно убедятся в неблагоприятном исходе для них дела, причем обидчик-богач будет стараться скорее подкупить следователя, чем помириться с бедняком обиженным. На мировую обычно выговаривается известная доза вина, которой и возмещаются все причиненные изувечением, поранением и побоями убытки [...].

IX. Преступления против прав семейственных

[...] Самое распространенное нарушение прав семейственности у чуваш и черемис — тайный выход девиц в замужество, известный у них под именем краденых свадеб. Трудно, конечно, допустить, чтобы родители не возмущались такими браками, тем не менее преследований против них никогда не возбуж-

дается. У русских, наоборот, встречается обратное явление — насильственная выдача девиц в замужество. Тем же русским принадлежит пальма первенства в жестоком обращении мужей с женами. Это доказывается и наибольшим [процентом] у них случаев отравления. Жалобы на обращение часто подаются в волостные правления и инородцами, но практика, как я сказал, разумея под жалобой письменную гербовую, рапортам до последнего времени не давала никакого направления [...].

X. Преступления против собственности частных лиц

Захват. Законодательный термин захват встречается в Уложении только в примечании под главой I-го раздела преступлений и проступков против чужой собственности, обнимающей виды нападения на чужую собственность для завладения ею. По наружным признакам правонарушения этого рода схожи с разбоем, грабежом и кражей, почему в практике нередко смешиваются с ними [...].

В Чебоксарском уезде в старое время захваты находили обильную пищу в разноплеменности населения и разновременности заселения им занимаемой теперь площади. В доказательство укажу на Бунтовой десяток и Камайский дол. У чуваш Покровской волости и сейчас ведется тяжба с русскими жителями деревни Новинской из-за захвата ими лугов на левом поемном берегу р. Волги. Жалобы на захваты с новою силою возобновились со времени составления владельных записей. Очень жаль только, что составители их не поделились до сих пор бывшими у них в руках материалами [...].

Всего сильнее народ возмущался решениями волостных судов в сфере наследственных прав [...]. В быту у крестьян глава семьи, умирая, все распоряжения по имуществу делает на словах. Будущие наследники, конечно, при этом обещаются все его распоряжения выполнить в точности, но в действительности, лишь только дело дойдет до раздела, семья и разъедется, как говорится, кто в лес, кто по дрова. Обратятся спорящие к суду — русские через сельского старосту к своим пятачкам, чуваши и черемисы в Контору (волостное правление), а суд — известное дело — кто больше поставит водки или даст денег, тот и прав. Обиженный мужчина, встретившись с обидчиком — сонаследником где-нибудь в кабаке за поллитром, не замедлит поступиться, но женщины не вдруг; улучив минуту, она заберется в отчужденный дом и, взломав замки или крышу, унесет что-нибудь [...] русские — вьюшки и заслонку от печи, при этом дело не обходится иногда и без побоищ. В таком виде совершаются теперешние нападения на дом. Из других видов недвижимой собственности подвергаются нападениям ветряные и водяные мельницы [...], причем также захватываются какая-либо необходимейшая мельничная принадлежность и спорные

земельные и луговые участки. Нападения на последние, вследствие общинности владения, совершаются всегда массами; единичные же — вследствие отдачи в наем участков одновременно двум лицам, что в быту крестьян не редкость. При этом мимоходом замечу, что у чуваш луга не делятся, как у русских, на более или менее продолжительное время, а распределяются каждый раз по числу душ перед самым сенокосом; излишек тут же кому-либо сообща продается, а деньги также сообща немедленно пропиваются. Знающие это излишек всегда спешат купить наперебой, потому, что он, как лишек, продается всегда дешево.

Если в нападении на недвижимую собственность есть элемент, по которому его можно отличить от разбоя, грабежа, кражи со взломом, то в нападении на движимую собственность с точки зрения юридической заключаются все элементы кражи, но закон дает изъятия [...] из общего начала вследствие народных воззрений и обычаев относительно некоторых родов имущества. Так, народ не считает кражей: 1. Кошение травы в лугах по дороге. Отправляясь на базар или в другой какой-либо дальний путь, когда на лугах еще не скошено сено, [...] занимается орудием косой, для лучшего же скрытия своего замысла — более удобной горбушей, горбушкой (вид косы). В Чебоксарском уезде особенно страдают от похищения проезжающих поемные луга по берегам Волги, чему способствуют волжские, заволжские обитатели. Отправляясь на прибрежные базары, лошадей оставляют на противоположном берегу, а чтобы они не стояли до возврата их без корму, дорогой и косят траву. Не дают спуску ей и горные обитатели, соблазненные по переезде через Волгу обилием и пустынностью лугов. Еще менее преступным народ считает косить траву на лесных полянах, потому что она там так же даром пропадает. Кошение травы в лесах не считают похищением казенной собственности [...]. 2. Далее, народ не считает кражей вырубку кнутовищ (череньев для плети), чекушек, подтяжек, оглобель, закруток (рычагов для стягивания возов с дровами); выкапывание лип, берез, яблоней и других деревьев для посадки их в садах, огородах, на гумнах и дворах; сбор в лесу валежника; секание липовых и березовых сучьев на веники и метлы, первых — для ягнят; таловых, вязовых и черемуховых прутьев на плетенки для телег, саней, корму скоту и рыболовные снаряды. Ввиду усилившегося производства плетенок, рассказывают, один лесничий какого-то лесничества входил с представлением в Палату Имущества о необходимости представления за истребление черемухи, но получил отрицательный ответ. В Чебоксарском уезде выделкой плетенок занимаются чуваши села Яндашево (Никольское) и продают их на базарах, особенно в Мариинском Посаде и на Цивильской Тихвинской ярмарке. 3. Совершенно непреступным народ считает сбор в лесах орехов, желудей и ягод калины с рябиной, земляники, клубники, костяники, малины,

черной смородины, ежевики, черники, клюквы, брусники, грибов и, наконец, охоту, как рыбную, так и звериную. Орехи, как более ценный продукт, лесная стража отнимает, но преследований не возбуждает. Сами обыватели в прилежащих к их деревне кустарниковых охраняют от чужедеревенцев только орехи и калину. В Чебоксарском уезде кустарники для сбора орехов в последнее время стали сдаваться обывателям на откуп. По сравнению ценностей малина несравненно дороже калины, но последняя стражей оберегается как продукт потребления простонародья. Черемисы на луговой стороне смородину, чернику, бруснику, клюкву и грибы возами отправляют в Казань. На охоту за дикими птицами и зверями, на каких бы землях они не производились, нет ни от кого запрету, вероятно, потому, что она не составляет ни для кого специального промысла. Относительно птиц народ знает запрет не убивать их до известного времени, относительно же зверей, равно как разорения птичьих гнезд, такого запрета со стороны закона не подозревает и сам весной за ними не охотится, то только потому, что шкура в это время не годится. Рыбную ловлю народ считает позволительным открыто производить в откупных водах только удочкой и бреднем, последним, впрочем, ночью, чтобы не увидел хозяин.

В захвате перечисленных видов собственности участвуют одинаково совершеннолетние и несовершеннолетние.

Далее, 4, есть виды собственности, нападения на кои предпринимаются одними малолетками. Здесь на первом плане нужно поставить кражу гороха с полей, яблок из садов, огурцов с бахчей и репы с репищ. Огурцы и репу производят в Чебоксарском уезде особенно татары, для посева их они нанимают особые участки земли по берегам рек и речек. Глядя на них, тем же начинают заниматься и чуваши. Русские то и другое садят в огородах и гумнах, а черемисы все это покупают. В сады, огороды и гумны дети забираются в начале весны для сбора свербичи (в некоторых местах дикая редька, по-чувашски — оба кюпси), щавеля, выкапывания хрена [...]; лесные яблоки с полевых яблонь, на лугах упомянутый щавель, дикий лук, анис, в лесу — язычки (кукка, шкерда) (...). Все это дети едят как лакомство, за исключением зерен аниса, которые у них в деревне Алмалуй (Исени) скупаются и возами отправляются в Казань. Туда же татары привозят возами и язычки (шкерду) под названием кукка и свербичу, а русские женщины — пучками дикий лук и щавель. Последний заносится ими для продажи в аптеки. Для сбора дикого лука и щавеля в Чебоксарском уезде и взрослые отправляются за Волгу на поемные луга, и впоследствии из первого пекут пироги, а из последнего русские готовят ботвинью. У чуваш и черемис в честь дикого лука бывает особый праздник ыхр-уды. Первые, кроме того, ранней весной собирают в лесах снить (сердя), а летом по лугам полдран, на коих варят себе яшку. В Козьмодемьянском уезде по имени

последнего бывает празднество Болдран-базар. В селе Алексеевском, на луговой стороне Волги, дети весной с кузовеями отправляются на болота для сбора по берегам их нюньки, там же (по болотам) собирается под осень палошник для пробивки кадок и бочек. На обратном пути с нюнькой дети обламывают еловые ветви с зародышами шишек, похожими в это время на недозрелую землянику, которые и едят как лакомство.

Преследованиям, не в смысле уголовном, дети подвергаются только за похищение гороха, огурцов, репы и садовых яблок. За последние, случается, они приводятся в конторы (волостные правления) и секутся розгами, за остальное же по поимке подвергаются теребачкам и сечению крапивой.

Преследуются дети не столько за самое похищение, сколько за то, что мнут траву, за то, что есть столько не едят, сколько блудят. Тем же теребачкам, иногда довольно чувствительным, подвергаются и взрослые за кошение травы на лугах и кражу сена из стогов. Случаев уголовного преследования последних, если не ошибаюсь, также никогда ни с чьей стороны не бывает [...].

Разбой. Грабеж. С этими понятиями народ соединяет всегда представление о целой шайке, специально для того организованной и разъезжающей в красных рубашках или стоящей на больших дорогах с дубинкой в руках [...]. В действительности чувашин и черемисин, подравшись, редко не заявит, что обидчик не сорвал у него кошелька с деньгами. Так как такие заявления большей частью бывают безуказательны, то в судебных местах чувашские разбои и грабежи и не пользуются доверием. Этим я, конечно, не хочу сказать, чтобы не было действительных случаев грабежа и разбоя, но они редки, можно даже сказать — исключительны.

Кража — один из самых распространенных видов преступлений [...].

Русские и татары деньги и носильное платье — главный предмет кражи — берегут в сундуках (укладках, коробках), запираемых железными висячими и внутренними замками. Самые сундуки ставятся у них в избах — у татар около нар, у русских подле кутника под лавкой, чаще в клетях (холодных горницах), устраиваемых против избы и выходом в глухие сени и обыкновенным окном во двор. Через последнее с подставкой к нему лестницы и совершаются у русских и татар кражи имущества; причем рама в окне для прохода ворами вынимается. Чуваши и черемисы деньги берегут в отдельных маленьких сундучках, как иногда и русские, зарываемых по большей части в зерновой хлеб, а носильное платье, рубашки, женский наряд, холсты — в сюпсе-шобашке, шубы и кафтаны развешивают на шестах, и все это у них помещается в котором-либо из отделений нижнего этажа двухэтажного амбара. В предупреждение похищений амбары, помимо железных висячих замков, у них

оригинально запираются еще изнутри деревянной задвижкой. Последняя с зарубками на верхнем краю вкладывается в особую четвероугольную деревянную накладку, прибиваемую к двери деревянными гвоздями снаружи у самого косяка, и задвигается деревянными или железными зубчатыми дугообразными ключами: в тот момент, когда деревянный ключ снаружи всовывается в накладку, задвижка изнутри от двери отодвигается, и наоборот.

Происходящий при запирании и отпирании задвижки звук хорошо выражается чувашской загадкой (емах): Ирь-та шалдыр, шалдыр, кась-та шалдыр, шалдыр, что в переводе на русский язык [означает]: Утром бряк, бряк и ночью бряк, бряк. Чуваши кроме описанного вида ключей для задвижек употребляют еще железные с бородкой и в таком случае вместо деревянной накладки на дверь набивают жесть с отверстием для бородки ключа [...].

Очевидно, описанный чувашско-черемисский механизм запирания амбаров слишком для знающего незамысловат. Это сознают и сами чуваши с черемисами, и потому иногда на дверь сверх всего опускают еще изнутри гнеты, опирающиеся в дверь и противоположную ей стену. После этого, казалось бы, вору трудно попасть в амбар, но не нужно забывать, что в амбарных дверях внизу прорубается отверстие для прохода кошкам на ловлю мышей. Этим отверстием воры и пользуются: просунув в него развилку, они последней свободно приподнимают опущенный на дверь тяж и задвижку. Если не удастся отпереть описанным способом, при помощи поддельного или подобранного ключа, провертывают [...] коловоротом, после чего вход в амбар свободный [...]. В носильном платье у чуваш и черемис всего более соблазняет воров женский наряд: у первых — хошпа, тохья, шульгеме, сорпан-сякки, алга, теветь, у последних — шулкама, почкама, рескал, вуйкольча, алга, пийршаш, убранные мелкой серебряной монетой. Предметы эти похищаются как из непосредственных хранилищ — сюпсей [...], так и из избы [...]. Эти же предметы все чаще подкидываются обокраденным, но понятно, всегда с обрезанной монетой. В Казанской губернии так привыкли к продыренной серебряной монете, что по поводу ее никогда и никто не задается, не краденая ли она, хотя улика налицо. Впрочем, считать такую монету краденой иногда неосновательно и потому, что черемисы, напр., служат молебен с особенным усердием, платят за него духовенству специально монетой серебряной с наряда — серег или колец и т. д. [...]

Если по обнаружении кражи нет на виду обвиняемого, чуваши и черемисы производят подворный обыск. При этом, конечно, краденное почти никогда не отыскивается, но зато обнаруживается поличное по другим кражам, чаще всего шкуры пропавших овец, перья гусей и уток. В этом случае, если ополи-

ченный не сойдется с миром в дозе вина, он немедленно арестовывается и отправляется в контору; на него же вследствие этого нередко взводится и данная кража. Относительно представления ополиченных в конторы исключение делается для мелких базарных воров; им поличное вешается на спину или грудь, и в таком виде они водятся по базару, сопровождаемые насмешками, бранью и побоями. У чуваш воры, чтобы не быть узнанными, оставляют обокраденному мелкую медную монету: грош, трешник и т. д.

Обстоятельства, сопровождавшие кражу-взлом, подкоп,— в глазах народа — ничего незначащая подробность. Заявляя о краже, народ заботится в подробности перечислить все покраденное [...]. Взлому, как обстоятельству, увеличивающему вину обвиняемого и служащему мерилом подсудности, не всегда придают значение и волостные правления. В деревне Новоянситовой мне довелось раз производить следствие о краже хошлы, стоившей 35 р. сер. и покраденной из незапертой избы с лазки; причем оказалось, обвиняемый чувашин незадолго перед тем судился на Вознесенском волостном суде в селе Янцибулово (Вадакасы) за кражу 25 к. сер., покраденных им из запертого сундучка с отбоем замка, и был наказан за то по решению чувашского суда 26 ударами розг. По народным понятиям важна ценность покраденного, стоимость кражи, а не способ ее совершения. От того о маловажных кражах — топоров железных (шкворней), домашних птиц и съестных припасов — почти никогда в конторы не объявляется [...].

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] При написании работы В. К. Магницкий руководствовался, по-видимому, программой для сбора сведений о народном юридическом быте Н. В. Качалова и Г. А. Муллова. Рукопись хранится в архиве Географического общества СССР. Фрагменты, содержащие информацию этнографического характера, публикуются по списку, выполненному П. Г. Григорьевым.

Тексты к печати подготовил *П. П. Фокин.*

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В. К. МАГНИЦКОГО

Женские чувашские школы в Ядринском у.— Казанские губернские ведомости, 1861, № 9. Подп.: С. У. (т. е. студент университета).

Сельские лечебницы в Ядринском у.— Казанские губернские ведомости, 1862, № 46.

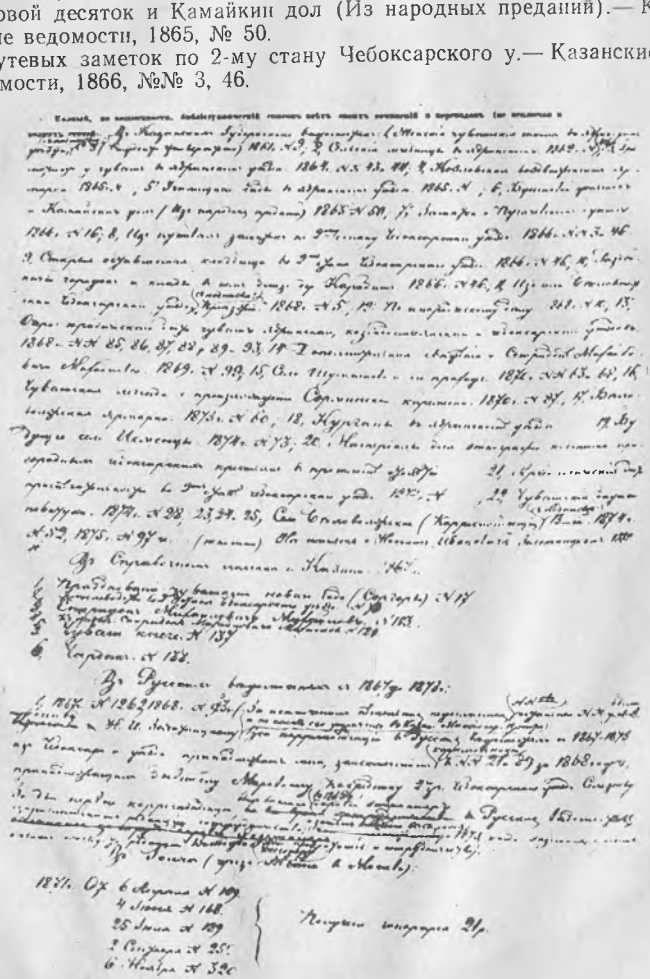
Грамотность у чуваш в Ядринском уезде.— Казанские губернские ведомости, 1864, №№ 43, 44.

Училищные сады в Ядринском уезде.— Казанские губернские ведомости, 1865, № 21.

Воздвиженская ярмарка в дер. Козловка.— Казанские губернские ведомости, 1865, № 22.

Бунтовой десяток и Камайкин дол (Из народных преданий).— Казанские губернские ведомости, 1865, № 50.

Из путевых заметок по 2-му стану Чебоксарского у.— Казанские губернские ведомости, 1866, №№ 3, 46.



Список опубликованных работ В. К. Магницкого, составленный автором (1861—1871 гг.). Фотокопия формулярного списка.

Заметка о Пугачевском бунте (Из народных преданий).— Казанские губернские ведомости, 1866, № 17.

Старые оставленные кладбища во 2-ом стане Чебоксарского уезда (Из путевых заметок).— Казанские губернские ведомости, 1866, № 46.

Разбойничий городок и клады в нем близ д. Карабаш.— Казанские губернские ведомости, 1866, № 17.

Празднование чувашами нового года (Соргоры).— Справочный листок г. Казани, 1867, № 17.

Хмелеводство во 2-ом стане Чебоксарского у.— Справочный листок г. Казани, 1867, № 79.

Спиридон Михайлович Михайлов.— Справочный листок г. Казани, 1867, № 103.

К статье «Спиридон Михайлович Михайлов».— Справочный листок г. Казани, 1867, № 120.

Чуваш-кнеге. Справочный листок г. Казани, 1867, № 137.

Чарадак (Из путевых заметок).— Справочный листок г. Казань, 1867, № 138.

Из Казанской губ. Чебоксары.— Русские ведомости, 1868, № 9. Без подп.

Из с. Беловолжского (Чебоксарского у.).— Казанские губернские ведомости, 1868, № 5. Подп.: *Проезжий.*

По инородческому делу.— Казанские губернские ведомости, 1868, № 10.

О составлении списков населенных местностей Казанской губернии.— Казанские губернские ведомости, 1868, № 21.

Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов.— Казанские губернские ведомости, 1868, №№ 85—89, 93.

[Корреспонденция из Чебоксар].— Русские ведомости, 1869, № 272. Без подп.

Дополнительные сведения о Спиридоне Михайловиче Михайлове.— Казанские губернские ведомости, 1869, № 99.

Из Казанской губернии Чебоксары.— Русские ведомости, 1870, № 39, Без подп.

[Корреспонденция из Чебоксар].— Русские ведомости, 1870, № 80. Без подп.

Из Казанской губернии Чебоксарского уезда.— Русские ведомости, 1870, № 91. Без подп.

[Корреспонденция из Чебоксар].— Русские ведомости, 1870, № 119. Без подп.

С. Шуматово и его приход.— Казанские губернские ведомости, 1870, № 63, 68.

Чувашская легенда о происхождении сорминской керемети.— Казанские губернские ведомости, 1870, № 87.

Судебное заседание по делу об убийстве крестьянина Ядринского у. Авдотьи Андреевой.— Казанские губернские ведомости, 1871, №№ 28, 29. Без подп.

Чувашское житье-бытье.— Русские ведомости, 1871, № 55. Без подп.

Курьез из-за присяги, случившийся с чувашином, присяжным на сессии Казанского окружного суда в Чебоксарах.— Голос, 1871, № 189. Без подп.

Чувашские бабушки-повитухи.— Голос, 1873, № 324; Казанские губернские ведомости, 1874, № 28. Подп.: *В-ий.*

Материалы для этнографии костюма пригородных чебоксарских крестьян в прошлом столетии.— Казанские губернские ведомости, 1873, № 45.

Беловолжская ярмарка. Этнографические материалы.— Казанские губернские ведомости, 1873, № 6.

Отд. отт.: Казань, 1873. 5 с.

Нам пишут из Чебоксарского у.— Судебный вестник, 1873, № 261.

Археологические достопримечательности во 2-ом стане Чебоксарского у. (Отрывок из путевых заметок).— Казанские губернские ведомости, 1874, № 12. Подп.: *В-ий.*

Отд. отт.: Казань, 1874. 5 с.

Очерки и заметки. Чистопольский уезд, Казанск. губернии.— Казанские губернские ведомости, 1874, № 45.

С. Беловолжское, Чебоксарск. у.— Казанские губернские ведомости, 1874, № 52. Подп.: *В-ий.*

Село Беловолжское.— Казанские губернские ведомости, 1874, № 68. Подп.: *В-ий.*

Будущее село Исменцы.— Казанские губернские ведомости, 1874, № 73. Подп.: *В-ий.*

Курганы в Ядринском уезде (Отрывок из путевых заметок).— Казанские губернские ведомости, 1884, № 84.

О жертвенных приношениях чуваш (Материалы для этнографии).— Казанские губернские ведомости, 1875, № 100.

Отд. отт.: Казань, 1875.

Село Беловолжское.— Казанские губернские ведомости, 1875, №№ 97, 98.

Из села Беловолжского.— Церковно-общественный вестник, 1875, №№ 80, 81, 141. Подп.: *П. П.* (т. е. председатель попечительства).

Лечебные травы чуваш дер. Масловой — Протоколы Казанского общества естествоиспытателей. Казань, 1875*.

О жертвенных приношениях чуваш.— Известия по Казанской епархии, 1876, № 2, с. 51—59. (Доклад Н. И. Золотницкого о работе В. К. Магницкого).

Предания чуваш Бичуринского прихода, Чебоксарского уезда, и способы лечения у них болезней.— Известия по Казанской епархии, 1876, № 21, с. 647—652. Автор М. Ф. Федоров.— *Подп. М. Ф.* Примечания В. К. Магницкого.— Подп.: *В. М.*

Отд. отт.: Казань, 1876. 6 с.

Песни крестьян села Беловолжского, Чебоксарского уезда, Казанской губернии.— Ученые записки Казанского университета. Казань, 1877, №№ 1, 2.

Отд. отт.: Казань, 1877, 160+VII с.**

Отчет о положении нач. нар. училищ в Уржумском уезде за 1877—78 уч. год.— Журналы Уржумского уездного земского собрания 12-й очередной сессии. Вятка, 1879, том II, с. 153—174.

К отчету о нач. нар. образовании в Уржумском уезде за 1878—79 уч. год. Записка инспектора нар. училищ В. Магницкого.— Доклады Уржумской уездной земской управы Вятской губернии за 1878 г. Вятка, 1879, с. 165—193.

Записка инспектора училищ В. К. Магницкого от 27 августа 1880 г.; Дополнение к записке от 27 августа.— Доклады и другие приложения к журналам заседания Уржумского уездного земского собрания 14 очередной сессии 1880 г. Вятка, 1880, с. 1—20.

Описания кургана и черемисского предания о нем.— Вятские губернские ведомости, 1880, № 41.

На память о Николае Ивановиче Золотницком из Вятской губ.— Казанские губернские ведомости, 1880, № 37.

Замечания на «Этнографический очерк быта чуваш» Ив. Меньшова, помещенного в 3 вып. «Записок» Отделения.— Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Оренбург, 1881, вып. 4, с. 179—195.

Из быта чуваш.— Волжско-Камское слово, 1881, № 12. Подп.: *В-ий.*

Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии В. К. Магницким. Казань, 1881. V+268 с. Прил.: *Смелов В. Я.* Очерк религиозных верований чуваш, с. 243—261; Чувашские слова, не вошедшие в «Корневой чувашско-русский словарь» Н. И. Золотницкого или объясненные в нем иначе, с. 261—264.

Из поездки в село Шуматово, Ядринского уезда, Казанской губ. (Курганы. Киремети. Жертвенные приношения «киреметям» и «покойникам». Покинутые кладбища. Очувашившиеся черемисы. Поверья. Наряд чувашек. Детские куклы. Чувашские слова, не вошедшие в словарь Н. И. Золотницкого).— Ученые записки Казанского университета. Казань, 1882, том 2, ч. 1, с. 212—231; Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1880—1882 гг. Казань, 1884, том 3, с. 160—179.

Сохранение трупов в селах и деревнях.— Волжско-Камское слово, 1882, № 114. Подп.: *В-ий.*

Чувашский край.— Волжско-Камское слово, 1882, №№ 160—162, 164, 165, 206.

Из Свияжского у.— Волжско-Камское слово, 1882, № 29. Подп.: *В-ий.*

Закупка яиц на Козловской пристани.— Волжско-Камское слово, 1882, № 71. Подп.: *В-ий.*

Село Шуматово.— Волжско-Камское слово, 1882, № 84. Подп.: *В-ий.*

Золотницкий Н. И. Киремети и праздники у чуваш (Из посмертных бумаг Н. И. Золотницкого).— Волжско-Камское слово, 1882, №№ 92, 121, 123, 126. Подготовил к печати В. К. Магницкий.

Из Козьмодемьянского у.— Волжско-Камское слово, 1882, №№ 119, 137, 148, 157, 160.

Из Ядринского уезда.— Волжско-Камское слово, 1882, № 142.

Факт из быта татар г. Казани.— Волжско-Камское слово, 1882, № 211.

Чувашский край.— Волжско-Камское слово, 1882, № 161, 162, 164, 165, 206.

Село Шуматово.— Волжско-Камское слово, 1882, № 211.

Из поездки в Ядринский уезд.— Волжский вестник, 1883, №№ 32, 33. Подп.: *В-ий.*

Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883, 58 с.

Рассказы об Акрамовском картофельном бунте.— Волжский вестник, 1883, № 34.

Село Шуматово.— Волжский вестник, 1883, №№ 36, 50.

Особенности русского говора в Уржумском уезде, Вятской губернии (Сборник областных слов и выражений).— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1884, том 5, с. 1—73.

Отд. отт.: Казань, 1885. 75 с.

К переселенческому вопросу.— Волжский вестник, 1884, № 9.

Из села Шуматова.— Волжский вестник, 1884, № 25.

Священник Василий Петрович Громов.— Казанские губернские ведомости, 1884, № 77.

Отд. отт.: Казань, 1884, 11 с.

Дополнения к «Корневому чувашско-русскому словарю».— Казанские губернские ведомости, 1884, № 126.

Из Лаишевского уезда.— Волжский вестник, 1885, № 1.

Село Тюрлема.— Волжский вестник, 1885, № 19.

Спасский у.— Волжский вестник, 1885, № 35.

Народное образование в Спасском у.— Волжский вестник, 1885, № 54.

Нечто о татарах.— Волжский вестник, 1885, № 55.

Луговая сторона.— Волжский вестник, 1885, № 73.

Урай — монастырь.— Волжский вестник, 1885, № 109.

Пожар в г. Лаишеве.— Волжский вестник, 1885, № 134.

И. А. Сокольский.— Волжский вестник, 1885, № 163.

Казанские инородцы и отношение к ним русских притеснителей.— Волжский вестник, 1885, № 180. Подп.: *Чувашефил.*

Лаишев.— Волжский вестник, 1885, № 221.

Село Шуматово.— Волжский вестник, 1885, № 249.

С. Шуматово.— Волжско-Камское слово, 1886, № 113.

Село Шуматово.— Волжский вестник, 1886, № 193.

Правила, как считать, описывать и охранять училищное имущество. Краткое руководство для учителей и учительниц городских и сельских начальных училищ. Казань, 1887. 31 с.

Село Шуматово.— Волжский вестник, 1887, № 222.

Г. Г. Носков.— Волжский вестник, 1888, № 169. Подп.: *В. М.*

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1888, № 188. Без подп.

Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник. Казань, 1888, VI+118 с.

Копии со столбцов XVII в.— Действия Нижегородской Архивной Комиссии. Н. Новгород, 1889, вып. 6, с. 225—241.

О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столе-

тия. Казань, 1888. I+V+35 с. (Очерк К. С. Мильковича. Предисловие В. К. Магницкого).

С. Шуматово.— Волжский вестник. 1889, № 185.

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1889, № 215. Без подп.

Заметки о начальных народных училищах Свияжского уезда, осмотренных инспектором училищ В. Магницким в 1888—89 уч. г.— Народное образование в Свияжском у. за 1888—89 уч. г. Казань, 1890, с. 115—170.

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1890, №№ 120, 188. Без подп.

Материалы для истории Елабужского уезда.— Вятские губернские ведомости, 1891, №№ 43, 45, 47.

Об ирихах у чуваш.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1891, том 9, вып. I, с. 1—13.

Отд. отт.: Казань, 1891. 15 с.

К статье Е. И. Якушкина о влиянии верований на юридические обычаи.— Этнографическое обозрение. М., 1891, кн. 9, № 4, с. 199.

Этнографическо-статистические данные о браках чуваш Казанской губернии.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1892, том 10, вып. 2. с. 205—218.

Елабужский уезд.— Волжский вестник. 1891, №№ 19, 38, 58, 70, 93, 121, 129. Без подп.

Г. Елабуга.— Волжский вестник, 1891, № 151. Без подп.

Из поездки в чувашский край (Беглые заметки).— Волжский вестник, 1891, №№ 182, 187.

Елабужский уезд.— Волжский вестник, 1891, №№ 240, 262. Без подп.

Чуваши (Вниманию г. Михневича).— Волжский вестник, 1891, № 265.

Елабуга.— Волжский вестник, 1892, № 31.

Елабужский уезд.— Волжский вестник, 1892, №№ 57, 115, 142, 282. Без подп.

К «Казанской старине».— Волжский вестник, 1892, № 85.

Елабуга.— Волжский вестник.— 1892, №№ 287, 317. Без подп.

Отчет инспектора народных училищ Елабужского у.— Журнал и доклады Елабужскому земскому собранию 26 очередной сессии 1891—92 гг. Елабуга, 1893, с. 395—405.

Иван Васильевич Шишкин. 1792—1872.— Календарь Вятской губернии на 1892 г. Вятка, 1891, с. 309—313.

Алфавит языческих имен черемис Елабужского уезда.— Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892, с. 114—123.

Иван Васильевич Шишкин, гражданин г. Елабуги.— Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892, с. 396—410.

Приволжские чуваши (Этнографический очерк).— Симбирские губернские ведомости, 1893, №№ 20, 21, 31, 52. (Очерк Н. М. Охотникова. Его краткая биография составлена В. К. Магницким.)

Тяжебные документы чуваш Козьмодемьянского уезда XVI—XVIII столетий. Казань, 1893. 19 с.

Из быта чуваш Казанской губернии (Ирихи. Киремети. Браки).— Этнографическое обозрение. М., 1893, кн. 18, № 3, с. 131—138.

Елабужский уезд.— Волжский вестник. 1893, №№ 4, 34, 85, 89, 102, 113. Без подп.

Елабуга.— Волжский вестник, 1893, №№ 99, 148. Без подп.

Елабужский уезд.— Волжский вестник. 1893, №№ 152, 162, 276, 298, 319. Без подп.

Елабуга.— Волжский вестник. 1893, №№ 176, 180, 195, 216, 236, 255, 257, 264, 324, 333, 336. Без подп.

К биографии Н. И. Лобачевского.— Волжский вестник, 1893, № 306. Подп.: *В. М.*

Отчет о состоянии народных училищ и частных учебных заведений Елабужского уезда за 1892—93 уч. гг.— Журнал Елабужского уездного земского собрания 27 очередной сессии. Елабуга, 1894, с. 113—211.

Елабуга.— Волжский вестник, 1894, №№ 48, 80, 102, 144, 158, 197. Без подп.

Елабужский уезд.— Волжский вестник, 1894, № 138. Без подп.

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1894, №№ 268, 288, 304; 1895, №№ 55, 87, 139. Без подп.

Краткие сведения о положении начальных нар. училищ Елабужского у. в 1893—94 уч. гг.— Журналы Елабужского уездного земского собрания 28 очередной сессии. Елабуга, 1895, с. 372—394.

К вопросу о тамбовских и казанских татарах.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1895, том 12, вып. 5, с. 466—468.

Из быта казанских инородцев.— Этнографическое обозрение. М., 1894, кн. 12, № 3, с. 136—141; то же. Вятский край, 1895, № 95.

«Царский дуб» в Козьмодемьянском уезде.— Казанский Телеграф, 1895, № 583.

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1885, №№ 224, 235, 280. Без подп.

О преподавании в инородческих школах.— Городской и сельский учитель. Симбирск, 1895, вып. 6—8***.

Несколько данных о «мишарях» (мещеря, мещеряки) и селениях их в Казанской и Симбирской губерниях.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1896, том 13, вып. 4, с. 245—257.

Городище «Пиндерь-Сырч» и курганы в Ядринском и Курмышском уездах.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1896, том 13, вып. 4, с. 354—373.

Город Козьмодемьянск и его уезд по 1 народной переписи (1718—1722 гг.).— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1896, том 13, вып. 5, с. 428—443.

Новые данные о мишарях.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1896, том 13, вып. 6, с. 561—563.

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1896, №№ 1, 35, 50, 88, 115, 159, 204, 252. Без подп.

Школы Ядринского уезда в 1895 г.— Волжский вестник, 1896, № 88.

Ядрин.— Волжский вестник, 1896, № 280. Без подп.

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1897, №№ 75, 121.

Недоумения сельского наблюдателя грозовых явлений.— Волжский вестник, 1897, №№ 132, 152.

Историческая справка о г. Ядрине.— Волжский вестник, 1897, № 285.

Два «Хола сёче» (городища) в Ядринском уезде.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1897, том 14, вып. 1, с. 101—108.

Волости и деревни Чебоксарского уезда по одному фолианту 1 народной переписи.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1897, том 14, вып. 2, с. 223—225.

Поездка в Курмышский и Ядринский уезды с археологическою целью.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1898, том 14, вып. 4, с. 434—441.

Город «Чебоксар» по 2 народной переписи в 1742—1748 годах.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1898, том 14, вып. 5, с. 536—555.

Нечто о чувашах, татарах и мишарях (мещеря, мещеряки, можары).— Действия Нижегородской архивной комиссии. Н. Новгород, 1898, сб. 3, с.37—50.

Село Шуматово.— Волжский вестник, 1898, №№ 7, 59, 141, 272. Без подп.

Время посадки дерев на «больших трактах» в Ядринском уезде.— Волжский вестник, 1898, № 198.

Еще о посадке дерев на «больших трактах» в Ядринском уезде.— Волжский вестник, 1898, № 246.

Разбойники в Ядринском у. в былые годы.— Волжский вестник, 1898, № 287.

Ядринский у.— Волжский вестник, 1899, №№ 7, 107, 298. Без подп.

Нечто о переименованиях.— Волжский вестник, 1899, № 210.

С. Шуматово.— Волжский вестник, 1899, №№ 65, 218, 283; 1900, №№ 120, 151, 170. Без подп.

Библиотека и архив П. Г. Осокина.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1900, том 16, вып. 1, с. 62—63.

Прикамская народная этнографическо-сатирическая песня.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1900, том 16, вып. 2, с. 236—239.

Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевича, посланная в 1692-м году в гор. Ядрин стольному о воеводе Ивану Киприановичу Лопухину.— Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Н. Новгород, 1900, том 4, вып. 3, с. 20—24.

Рукописный «Синодик» священноиерея Алатырского у. О. Н. Грецкого, Ардатова тоже, Матфея Исаева 1746 г., «пугачевцы» в 1774 г. и «чуваши» и «доношение» мордвина Саушева, 1741 г.— Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Н.-Новгород, 1900, том 4, отд. 3, с. 25—32.

Чувашин-этнограф Спиридон Михайлович Михайлов (К истории местной этнографии).— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1901, том 17, вып. 1, с. 75—78.

Список селений «мешарей» в Буинском у. Симбирской губернии.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1901, том 17, вып. 2, с. 120—132.

Клады мелкой серебряной монеты в Вятской губ.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1901, том 17, вып. 3, с. 135—141.

К биографии Василия Афанасьевича Сбоева.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1901, том 17, вып. 4, с. 217—221.

Отд. отт.: Казань, 1901. 5 с.

К истории «присурских» чуваш, черемис, мордвы и Флорищевой пустыни.— Действия Нижегородской губернской архивной комиссии. Н. Новгород, 1903, т. 5, с. 25—32.

Чувашские языческие имена.— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1905, том 21, вв. 2, 3, 4, с. 1—32, 33—64, 65—102.

Отд. отт.: Казань, 1905. 102 с.

Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (По архивным документам).— Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1919, том 30, вып. 2, с. 211—239.

Фамилии чуваш в Ядринском уезде.— В кн.: *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839—1901 гг. Чебоксары, 1929, с. 87—91.

Археологические достопримечательности в районе с. Шуматова, Ядринского уезда.— В кн.: *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839—1901 гг. Чебоксары, 1929, с. 92—97.

Составители: *Д. В. Абашева, П. П. Фокин.*

---

* Описана по: *Корбут М. К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839—1901 гг. Чебоксары, 1929, с. 53.

** Описана по: Отд. отт.

*** Описана по: *Романов Н. Р.* В. К. Магницкий — этнограф чувашского народа.— В кн.: Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1962, вып. 21, с. 369.